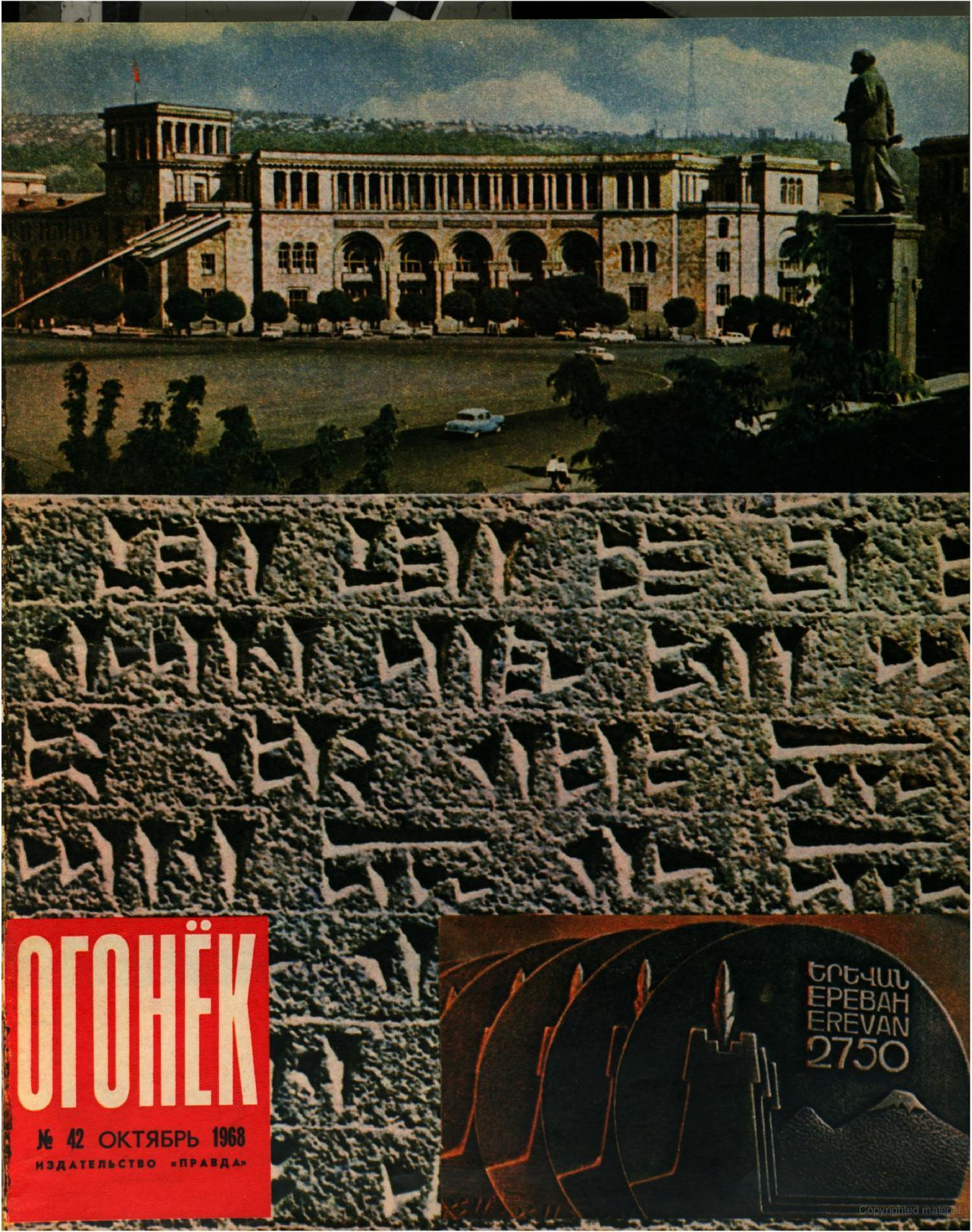
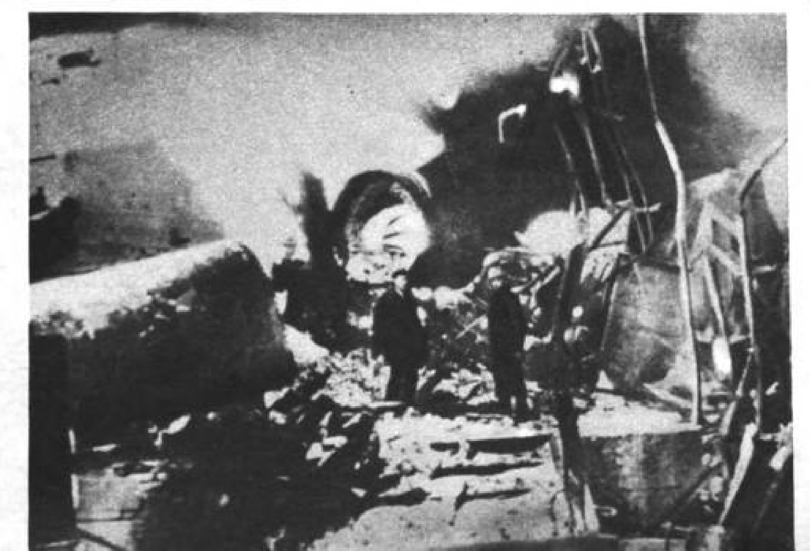
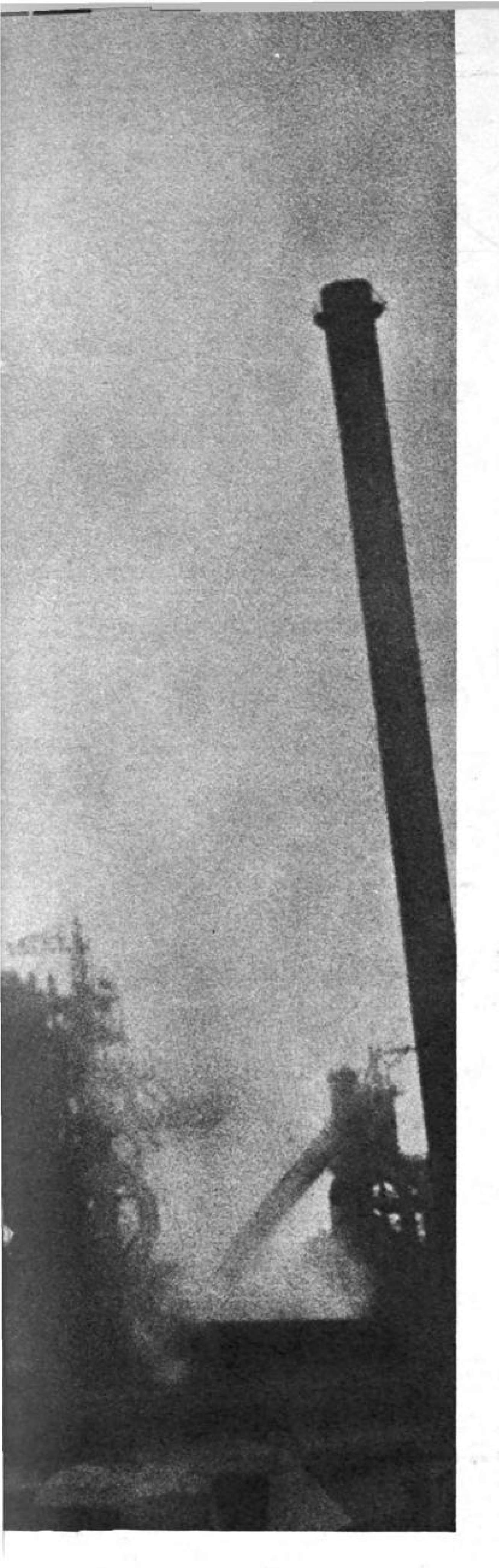

ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ԵՐԵՎԱՆ
ЕРЕВАН
EREVAN
2750

Гудок завода имени Петровского.



Такими увидели днепропетровцы цехи завода в октябре 1943 года.



Майя Казак строит 4-й трубный.

ГУДОК НАД ДНЕПРОМ

«За выдающиеся заслуги перед Родиной в деле коммунистического воспитания советской молодежи и активное участие в социалистическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1948 года.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

ГУДОК НАД ДНЕПРОМ

Мостостроитель Алла Шанина.

Начались студенческие годы...

Начальник штаба ударной комсомольской стройки Валентин Данилов, как всегда, озабочен.

Владимир Ломоносов — доменщик по рождению.

«Чуден Днепр при тихой погоде...»

Мягкими переливами струятся его зазеленевшие к осени воды, бережно несут на своей могучей груди нежные россыпи цветов. Словно пышная клумба, расцвел сегодня Днепр, медленно уносит он и все никак не может унести яркие охапки гвоздик, георгинов, астр... Их все больше и больше — бесконечной чередой движется по мосткам пестрая людская цепочка, и каждый несет реке букетик или просто один цветок. Собственно, не реке, а людям, которых ныне уже давно нет на белом свете, тем, кто четверть века назад под градом снарядов и пуль вот здесь, на этом месте, переправлялся через Днепр, чтобы освободить от лютых ворогов город Днепропетровск.

Помните, как дальше у Гоголя: «Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр!.. Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу...»

Только не молнии озаряли в ту последнюю перед штурмом ночь осеннее небо, а пламя взрывов — немцы рвали завод имени Петровского, и не пни и камни чернели на том берегу, а повалившиеся громады домен и мартенов, и жутким рваным частоколом щетинились мертвые кварталы совсем еще недавно светлого, уютно глядевшегося в воды Днепра города.

«ЭТО ВАМ НЕ МАРМЕЛАД!»

Люди пришли на завод в первый же день свободы, но не затем, чтобы скорбеть над картиной дикого нагромождения железа и камня. Деловито осматривались, прикидывали, с чего начинать. Как гигантский муравейник, зашевелились развалины, и уже через три дня радость первой победы: введена в действие турбина мощностью в шесть тысяч лошадиных сил. И к этой доброй вести прибавляли шутку: «Это вам не мармелад!»

Для такой шутки было вполне реальное основание: за двадцать шесть месяцев оккупанты на базе такого огромного предприятия, как завод имени Петровского, сумели сделать только «Мармеладфабрик» — полукустарное производство, где варили мармелад и повидло.

Основная тяжесть восстановления легла на плечи молодежи: шла война, и все старшее поколение сражалось на фронтах.

Вот что рассказывают о тех днях ветераны — так их уважительно называют сегодняшние комсомольцы, хотя ветеранам этим сейчас чуть больше сорока.

ИВАН ДРОЗДОВ, СТАРШИЙ КОНСТРУКТОР ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ДОМЕННОГО ЦЕХА, ЗАМЕСТИТЕЛЬ СЕКРЕТАРЯ ЦЕХОВОГО ПАРТБЮРО:

— На завод пришел в 1943 году. Начали восстанавливать четвертую и пятую доменные печи. Кругом все исковеркано, саперы еще разминируют невзорвавшиеся заряды, а мы идем за ними следом, прямо как на фронте. Комсомольская организация только создавалась, я был комсоргом цеха и членом заводского комитета, надо было обо всем думать. Питание плохое, жили впроголодь. Но постепенно вступали в строй домны, мартены, и ребята пошли учиться.

ВЛАДИМИР ЛОМОНОСОВ, СТАРШИЙ ГАЗОВЩИК ПЯТОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМЕННОЙ ПЕЧИ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПАРТГРУПОРГА:

— Доменщик я не по призванию, а по рождению. Именно по рождению, потому что дом, где я родился в Днепродзержинске, был на территории завода, потом дом снесли и на том месте поставили седьмую доменную печь. А сюда попал в сорок пятом, окончив ремесленное училище. Когда пришел на завод, тут работала только пятая домна, ее восстановили первой. Остальные все лежали на боку. Принялись за четвертую, туда меня и определили. Были мы, можно сказать, еще пацанами, но спрос с нас был настоящий. Работали по двенадцать часов, без выходных. Бывало, так наломаешься, что до общежития ноги не донесут, тут на домне и спали, в красном уголке. Столовка тоже здесь, рядом, так что домна в то время была для нас домом родным. В декабре того же года ее задули, и остался я работать на ней горновым. Давно это было. Совсем не та теперь печка! Сейчас в два с половиной раза больше чугуна даем, чем раньше. А народу меньше. Смотрите — полный зал приборов, автоматика, только следи. Нас, старых комсомольцев, на печи двое осталось, я да Иван Лопата. Остальные — все молодежь. Народ сменяется, традиции остаются. Наша заводская комсомольская организация историю имеет славную — еще в двадцать втором году, в день пятой годовщины Октября, ячейку завода (в ней тогда было около двухсот человек) ЦК комсомола Украины наградил Красным знаменем как лучшую в республике. И в четвертом ордене комсомола наша доля есть.

Традиции... Приходит на завод молодой рабочий, и его первым делом ведут в свой музей: знай историю! За революционные заслуги заводу Петровского, единственному в городе, оставлено право давать гудок на смену. Недавно гудок этот прозвучал в неурочный час, призывая трудящихся Ленинского района Днепропетровска на открытое партийное собрание, посвященное столетию со дня рождения В. И. Ленина и шестидесятилетию районной партийной организации. Давали этот гудок два человека. Ветеран завода, заместитель начальника листопрокатного цеха Петр Захарович Куприков, дважды восстанавливавший завод: после гражданской и после Отечественной. И совсем еще молодой парень, комсорг сортопрокатного цеха Борис Чернов.

АЛКИНЫ МОСТЫ

Когда-то во дворе ее звали просто Алкой, и была она совсем маленькой. Она любила ходить на Днепр, что был рядом с домом, и смотреть на мост. Он был большущий, и по нему шли поезда. Алка любила свой мост и говорила, что, когда вырастет, пойдет в красноармейцы и будет ходить по нему с ружьем и охранять от врагов. Но враги появились раньше, чем Алка выросла. Каждый вечер они прилетали на своих ревущих самолетах и кидали бомбы, целясь в мост. Но мост стоял как заколдованный. И однажды, когда вновь загудели сирены, Алка очутилась на мосту — она сидела на коленях у бабушки и плакала, а поезд мчался по гулким рельсам, унося Алку из родного города, к которому уже подходили фашисты. Мост гудел под колесами, над головой что-то ревело и визжало, а внизу, в воде, рвались с грохотом бомбы. Потом был уральский городок и госпиталь, куда Алка ходила с ребятами петь для раненых бойцов песни, потому что голос у нее был звонкий. И солдаты совали ребятам в руки гостинцы, припасенные специально для маленьких артистов.

Днепропетровск встретил Алку разбитыми коробками домов. Моста не было, из воды торчали только черные каменные глыбы...

Алка училась в школе, играла со своими однокашниками среди руин. Рос вместе с ней и город, один за другим поднимались мосты над Днепром — там работали сотни комсомольцев. Окончив школу, Алка поступила в Днепропетров-

ский институт инженеров железнодорожного транспорта и выбрала специальность мостостроителя.

У института были свои традиции. Его студенты в сорок первом году вместе с воинами сражались за свой город, и сейчас об этом напоминают два памятника: один возле учебных корпусов, а другой необычный — остров на Днепре, где держали оборону транспортники. Там растут молодые тополя и одна березка, посаженные комсомольцами. Березка потому, что среди ребят-студентов тут сражалась и девушка.

Шли годы учебы, практика на далеких сибирских стройках. Институт стал вторым домом. Недаром студенты называли его государством: «Наша территория равна Ватикану». Это сравнение всегда веселит транспортников. Все, что создано в этом государстве науки на тридцати гектарах его территории,— дело студенческих рук, все построено ими.

Студенческие годы быстротечны. И вот уже Алла Шанина — инженер. Была конструктором на заводе. Несколько лет исправно сидела за чертежами, а потом не выдержала и уехала на Волгу строить Рыбинский мост. И достроила бы, если б не узнала, что в родном городе начинается большая стройка. Не скоро строится мост — годы. И все эти годы и днем и ночью мелькала на опорах и пролетах фигура девушки в стеганке и грубых рабочих сапогах. И все эти годы рядом с инженером группы работали десятки студентов ее родного института. И вот теперь мы встретились в институте с аспирантом Аллой Шаниной, и она привела нас к этому автодорожному мосту.

— Ну как? Смотрится?..

Над водой протянулась тонкая белая нитка бетона, и по ней мчались, посверкивая огоньками, шустрые автомобили. Мчались через Днепр, до середины которого не всякая птица долетит.

СТО ПРОЦЕНТОВ ДОВЕРИЯ

— Главное — поменьше парадности,— говорит секретарь горкома комсомола Юрий Пономарев.— Жизнь городской комсомольской организации складывается из очень многого, и все должно проводиться по-деловому. Скажем, воспитание на традициях. Тут если просто рассказывать о прошлом, ребята его не почувствуют. Одна из главных традиций в нашем городе — трудовая. Мы и решили: поменьше разговоров, побольше дел. Результаты кое-какие есть.

Не случайно директора многих предприятий обращаются за помощью к комсомолу. И комсомольцы создают общественные конструкторские бюро, инженерные группы или штабы и решают с успехом сложные вопросы. Тут вам и традиции, и воспитание, и самые что ни на есть конкретные дела. Советую съездить на строительство четвертого цеха трубопрокатного завода имени Карла Либкнехта и познакомиться с работой штаба.

И мы поехали. Еще на дальних подступах нас встретил плакат: «Республиканская ударная комсомольская стройка».

Начальника штаба Валентина Данилова мы застали в тесной штабной комнате. Все члены штаба работают на своих участках и в бригадах, а в свою резиденцию собираются только тогда, когда нужно срочно расшить какую-нибудь очередную проблему.

Валентин первым делом ведет нас на высокий бархан, откуда открывается вид на стройку. Вокруг пески. «Наша Сахара», как говорят ребята. И среди Сахары сверкающий остекленными стенами цех-великан. И мы второй раз слышим слово, в котором звучит гордость.

— Смотрится?— спрашивает Данилов.

Начальник штаба начинает оперировать цифрами:

— Длина цеха—больше километра, площадь—двадцать четыре гектара. Цех будет давать трубы для нефтяной и газовой промышленности. Строительство объявлено всесоюзной школой научной организации труда. Недавно проходил тут семинар по кровельным работам. Съехались мастера со всей страны. А развернуться было где — площадь кровли вместе с фонарями — тридцать гектаров. Там, видите, флаг на мачте? Его поднимает торжественно каждый месяц лучшая комсомольско-молодежная бригада. А при этом вручаются грамоты и премии. Вроде и есть в этом что-то парадное, но за это право все двадцать восемь наших комсомольско-молодежных бригад борются!

Посмотрите на эту колонну с флажком. Это последняя — девятьсот одиннадцатая. Право на ее монтаж тоже надо было заслужить. Бригада Василия Дерезы ставила. Хоть и небольшой, но праздник. Для ребят ритуалы эти нужны потому, что они силу свою и значение на земле чувствуют. И хозяином стройки себя ощущают, у нас ведь здесь все основные вопросы решаются обязательно через штаб. Значит, и доверие нам на сто процентов. А отсюда и ответственность. Видели графики в штабе? Там все расписано, сколько дней до пуска и даже часов, где какая бригада работает и что делает. За графиками следим жестко: мы ведь обязались прокатать первую трубу к пятидесятилетию комсомола. Значит, нужно прокатать — и весь сказ!

Много хороших ребят встретили мы в цехе. Бригадира плотников Алексея Крапивного, которого «слава не берет». Его бригада еще восьмого августа закрыла годовой план. Совсем еще юного парня Колю Коломийца, лучшего каменщика Днепропетровска. Если смотришь, как он ведет кладку, то кажется, что видишь ускоренный фильм. И кладка у него изящная, удивляешься даже, что это обыкновенный кирпич.

Такие тут девчата и парни, четко знающие, чего они хотят для себя и для своей страны, судьба которой сейчас в их руках! И в этом они едины, несмотря на разницу характеров и биографий. Нам очень понравилась одна из них — биография начальника штаба Вали Данилова. Девяти лет вступил в пионеры, в четырнадцать стал комсомольцем, в восемнадцать — коммунистом. И уже десять лет, будучи коммунистом, не расстается с комсомольской работой. И хранит он у сердца два самых дорогих ему документа — партийный и комсомольский билеты.

* * *

Плывут цветы по Днепру... Звенит баян, и молодые голоса заводят песню о другой реке, в которую бросали цветы разные народы, о голубом Дунае, что сплетал их в венок дружбы, и уже нельзя было разобрать, где чей подарок.

И чувствовалась в песне крепкая вера в силу этой дружбы, в которой залог мира и спокойствия на земле, залог того, чтобы никогда больше не пришлось молодым парням и девчатам поднимать из руин города и заводы.

ЛЕНИНСКИЙ, КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

«Идя навстречу юбилею ВЛКСМ и 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, юноши и девушки еще выше поднимут трудовую и политическую активность, теснее сплотят свои ряды вокруг Коммунистической партии, будут самоотверженно трудиться на благо коммунизма, на благо советского народа».

Из постановления Центрального Комитета КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи»

— Объявить себя мобилизованными целиком...

Торжественно и многозначительно звучат сегодня эти слова из коротенькой резолюции комсомольского веча 20-х годов. Странички протоколов сохранили и донесли до нас душевный порыв и бескомпромиссность юных бойцов Октября. Сотни и тысячи объявляли себя «целиком мобилизованными» на сбор сухарей в пользу голодающих детей восставшего Питера, на борьбу с белыми генералами, с черными баронами и зелеными бандами, на строительство мартенов и Воздушного флота, Автостроя и сибирских гигантов энергетики. Они, назвавшие себя молодой гвардией рабочих и крестьян, всегда неизменно были молоды, беззаветно и постоянно готовы к зову партии. Потому что уже с 1918 года на знамени их Союза было начертано:

— Ленинский.

— Коммунистический.

Сегодня их — 23 миллиона, парней и девушек, которых Родина ласково называет КОМСОМОЛИЕЙ. Братва в шинелях и телогрейках весело и мужественно прошла свой полувековой путь—след в след за коммунистами, за теми, кто помогал жить, бороться, побеждать. Их первый учитель, наставник, вожак — Ленин. Это он, Владимир Ильич, опираясь на опыт передового российского и западноевропейского молодежного движения, сформулировал идейные и организационные основы нашего комсомола, этой славной революционной юношеской организации!

И вот страна готовится к празднику. Близится 29 октября. В этот день, ровно пятьдесят лет назад, открылся Первый Всероссийский съезд представителей союзов рабочей и крестьянской молодежи, он объединил юношество Страны Советов, всех, кто стоял на социалистической платформе, кто навсегда избрал своим учителем Ленина.

— Объявить себя мобилизованными целиком...

Пятьдесят лет — это уже история, это уже возраст! Но комсомолятам не бывает по многу лет. Ребятам из этого племени всегда пятнадцать или восемнадцать... Даже если седина на висках, если грудь в орденах, а на руках внук! Потому что молодые душой не старятся. Потому что наша эра — молодая, а начатая Лениным революция продолжается. В делах ленинцев, в делах молодой гвардии рабочих и крестьян.

— Учиться коммунизму,— завещал молодым Ленин.

— Учиться коммунизму,— об этом говорится в опубликованном постановлении Центрального Комитета КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи».

— Учиться коммунизму! — клятва юных, внуков тех, кто пятьдесят лет назад постановил объявить себя мобилизованными целиком...

Родина знает, что такой будет резолюция и Всесоюзного открытого комсомольского собрания, начатого в канун славного юбилея. Резолюция более 350 тысяч организаций, резолюция всех 23 миллионов членов ВЛКСМ, резолюция всех, нестареющих, кто рожден на счастье народа в стране Великого Октября.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 42 (2155)

12 ОКТЯБРЯ 1968

Основан 1 апреля 1923 года

13 ОКТЯБРЯ — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

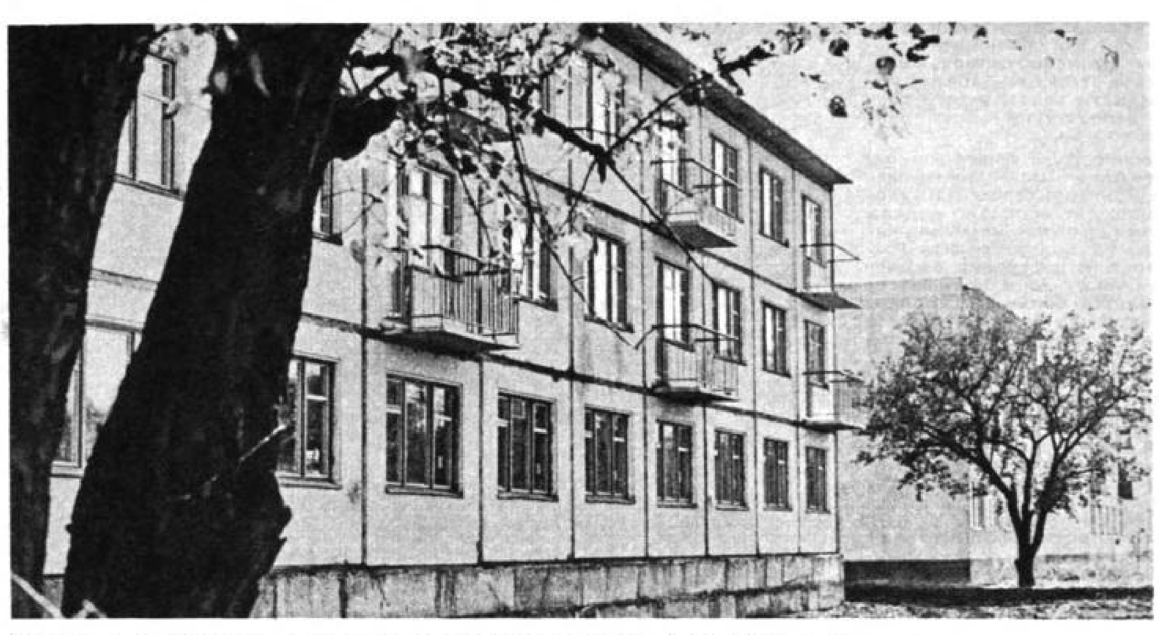
НЕ ВШИРЬ, А ВВЫСЬ

«...обеспечить разработку новых типовых проектов жилых домов и общественных зданий, а также пересмотреть в 1968 году перечни действующих в сельской местности типовых проектов и отобрать из них лучшие...»

Из постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «Об упорядочении строительства на селе».

В древности города окружали крепостными стенами. Стены служили защитой от врагов. Население с каждым годом росло. Границы же города не изменялись. Земля все больше застраивалась, и со временем ее стали ценить на вес золота. Расстояние между строящимися домами уменьшалось и постепенно сошло к нулю, то есть не стало между ними никакого пространства. Дома как бы лепили друг к другу стенами, говоря же по-строительному, блокировали. После этого дома стали расти в высоту. Такие дома сохранились. В Таллине есть целая улица сблокированных старинных домов с двумя этажами-уровнями. Представьте себе улицу, по обеим сторонам которой тянутся сплошной непрерываемой линией 10—12 домов. Так в старину разрешали люди жилищный вопрос.

Современные архитекторы вновь вспомнили о блокированных домах и начали внедрять их в жизнь, а конкретно — в сельское строительство. Архитекторы «Гипросельстроя» спроектировали блокированные дома в двух уровнях. Термин «в двух уровнях» означает, что квартира располагается не вширь, а ввысь. Такой дом как бы склеен из отдельных домиков. Каждый имеет свой вход, свое центральное отопление, внутреннюю лестницу. На первом уровне (этаже) располагаются гостиная, кухня, санузел. Поднявшись же на второй уровень, вы попадаете в спальную комнату и комнату для детей. В зависимости от погоды хозяин домика-квартиры может по желанию включать и выключать отопление. В домике имеется ванная, вода в ней разогревается тоже при помощи центрального отопления. Широкие, защищенные от дождя лоджии позволяют летом поставить в них кровати и спать на свежем воздухе.



В таких домах живут колхозники сельхозартели имени С. М. Кирова, Краснодарского края.
Фото А. Гостева.

Блокированные, с двумя уровнями дома обеспечивают сельских жителей максимальными удобствами, комфортом. Любой горожанин может им позавидовать. Жилища выгодны и колхозу — не уменьшается полезная площадь обрабатываемых земель. И стоимость квадратного метра такого дома невелика, она равняется 103 рублям. Это примерно на 60 рублей меньше, чем стоимость квадратного метра жилой площади в городе.

Но самой главной особенностью этого удачного проекта является то, что ему уже подписана путевка в жизнь. Он реализуется. Блокированные дома построены в Одесской, Волгоградской, Московской областях. Много их строится в колхозах и совхозах республик Прибалтики. Для того, чтобы выстроить дом, нужно нескольким семьям скооперироваться и дать заявку районному архитектору. Почти так же в городе строят кооперативные дома. Только сельский кооперативный дом строят значительно быстрее, за два-три месяца.

М. ЦЕБОЕВ

ФЕРМА-ЗАВОД

Это я про «Зарю», чьи поля раскинулись под Новосибирском. Колхоз как колхоз. От других ничем особенным не отличается. И не подумайте, что его колхозники вдруг решили стать за токарный станок, либо за слесарные тиски. Древнюю свою профессию земледельца они не променяют ни на какую другую. Но вот фермы свои они превратили в настоящий завод. Теперь дояркам не надо бегать с ведерком от коровы к корове. Все шестьсот коров доятся автоматами. Затем все молоко по прозрачным стеклянным трубам подается под вакуумом в молочный блок — специально для этого выстроенное здание. Здесь царство чистоты, автоматики. Вплоть до того, что машина «Титропак» уже через несколько минут после дойки упаковывает молоко в пакеты, хорошо знакомые любой хозяйке. Через три часа пакеты уже в городском магазине.

— А раньше только на третьи сутки,— говорит главный зоотехник колхоза Анатолий Нарыжный.— И потом, где вы видели, чтобы коровы ходили по бетонным дорожкам, чтобы работа доярки заключалась лишь в нажатии кнопки? Нажмешь эту — автоматически подается корм, эту — включается доильный аппарат, эту — на несколько сот метров выносится по трубам навоз... Одним словом, завод.

Трудно не согласиться с главным зоотехником. Остается лишь добавить, что оборудование для фермы-завода поставили колхозу друзья из ГДР, а представители фирмы-поставщика Карл Эберт и Отто Энталайн помогли его смонтировать.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

ЮБИЛЕЙ МАТЕМАТИКА

Вот ряд поразительных цифр, касающихся одного человека,— в 25 лет он член-корреспондент Академии наук СССР, в 27 — профессор Московского университета, в 31 год — действительный член Академии наук СССР. Сейчас, в 60 лет,— человек, полный бодрости, здоровья, творческой мощи, человек колоссального интеллекта и огромной широты интересов.

Все это относится к характеристике выдающегося ученого, математика с мировым именем, академика Сергея Львовича Соболева, шестидесятилетие которого только что отметила научная общественность страны.

Личность Сергея Львовича Соболева столь незаурядна, а вклад его в науку практически столь неперооценим с позиции сегодняшнего дня, что мне трудно сосредоточиться на чем-то одном.

Поэтому я начну просто с личного воспоминания.

Познакомились мы с Соболевым в 1932 году, за год до того, как он стал членом-корреспондентом. Я был лаборантом в одном из московских институтов, а он — профессором, приехавшим к нам из Ленинграда. И с тех пор практически на моих глазах стремительно восходила все выше научная звезда молодого математика.

И вот второе воспоминание — номер «Известий», вышедший в конце 1938 года. В нем опубликована статья за подписями нескольких видных ученых. Твердо помню среди них имена академиков М. А. Лаврентьева и С. Л. Соболева. В статье этой излагались идеи создания научных центров нового типа, идеи организации системы высшего образования на основе теснейшего контакта вузов с академиями, институтами и вовлечения студентов с первых же лет обучения в серьезную научную работу.

Несколько лет спустя эти идеи нашли свое воплощение в организации знаменитого «Физтеха», а затем и в создании Сибирского отделения Академии наук СССР. В составе нового научного центра, поразившего мир размахом своих исследований, одним из крупнейших научных подразделений является Институт математики, детище академика С. Л. Соболева, которым он руководит и поныне.

Кажется, мне не удалось бы перечислить и десятой доли того, чем наука обязана Соболеву. Да и вряд ли само краткое перечисление сложнейших разделов математики скажет много читателю.

В личном плане Сергей Львович — доброжелательный, мягкий, доступный человек, остроумный собеседник. Он обладает редким даром внушать симпатию с первых же минут общения с ним.

А. ЛЯПУНОВ,
член-корреспондент АН СССР

КРЕПНЕТ ДРУЖБА, РАСТЕТ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Говорят участники Международного симпозиума «Литература и современный мир».

● **Сухейль ИДРИС,**
писатель,
главный редактор
журнала «Аль-Адаб»
(Ливан)

С 1958 года — года рождения афро-азиатского движения солидарности — прошло десять лет, отмеченных тремя крупными вехами — тремя представительными конференциями писателей Азии и Африки, проходившими в Ташкенте, Каире и Бейруте. Много событий, успехов и трудностей сопутствовало нам, писателям, в эти годы, но несомненно одно — писательское движение стран Азии и Африки ширится и крепнет.

Перед нами, арабскими писателями, стоят ответственные задачи. Современная арабская литература все больше обращается к теме борьбы и сопротивления, честно изображая участие арабского народа в борьбе за справедливость, свободу и мир. Именно мир, ибо мир возможен только на основе справедливости и права.

Тесное культурное сотрудничество советских и арабских писателей помогает нам в нашей справедливой борьбе. Оно продолжает развиваться. Между советской и ливанской писательскими организациями существует принципиальное соглашение об увеличении культурного обмена, о совместной деятельности писателей Советского Союза и писателей Ливана. В 1969 году в Москве предполагается провести первую советско-ливанскую писательскую встречу, на которой мы обсудим и выработаем принципы нашего сотрудничества. Мы с нетерпением ждем этой встречи.

● **Абдель Рахман**
аль-ШАРКАВИ,
писатель (ОАР)

Международный симпозиум, проходивший в Ташкенте, по представительности вышел за рамки чисто афро-азиатской встречи. Он явился прекрасной возможностью обменяться мнениями по различным вопросам литературы, познакомиться поближе с литературами друг друга.

Ташкентская встреча писателей, выражающих волю своего народа и стоящих на страже его интересов, явилась встречей, которая служит миру и открывает новые горизонты культурного сотрудничества стран Азии и Африки.

Литература не отделена от политики, она отражает повседневную жизнь народа, его труд, его культуру, рисует будущее народа. Поэтому каждая встреча писателей Азии и Африки помогает народам этих стран в их борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма.

К 25-летию Войска Польского

СЕГДА ВМЕСТЕ

Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, первый заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза И. И. Якубовский и министр национальной обороны ПНР генерал дивизии Войцех Ярузельский.

Мы, четверо советских военных журналистов, приехали в Варшаву поздно вечером и сразу же отправились бродить по ее улицам. Вскоре вышли на большую площадь.

Гулко печатая шаг по гранитным плитам, к могиле Неизвестного солдата направлялась смена почетного караула. Четкий поворот — и два солдата, сжимая вороненую сталь автоматов, замерли у вечного огня. Беззвучное пламя освещало серьезные молодые лица.

У могилы, несмотря на поздний час, люди. Подходят, стоят несколько минут молча и уходят. Вот медленно приближаются две фигуры. Высокий, чуть сутуловатый старик с тяжелой тростью в руках. Его спутница — маленькая, в длинном темном платье. Старик снимает шляпу, выпрямляется, поднимает голову. Проходят минуты...

Кто этот человек? Бывший ли военный, который 14 мая 1943-го в Сельцах на Рязанщине повторял слова военной клятвы: «Присягаю земле Польской и польскому народу всегда и всюду — в лагере, в походе, в бою — добросовестно выполнять солдатские обязанности, хранить военную тайну, точно выполнять приказы офицеров и командиров. Присягаю соблюдать союзническую верность Советскому Союзу, который дал мне оружие для борьбы с нашим общим врагом, клянусь сохранять братство по оружию с союзной Красной Армией»?

Или, быть может, это родители солдата, что пал 12 октября 1943 года под Ленино, близ Орши, где 1-я Польская дивизия имени Тадеуша Костюшко принимала боевое крещение? Польская дивизия с честью выполнила тогда боевую задачу. День этот стал днем рождения Войска Польского.

Утром мы приехали в гости к воинам дивизии. Прошли по всему военному городку. В офицерской столовой большая картина, посвященная подвигу советского солдата Василия Пешехонова. Он пал в бою за польскую деревню Боленцы в январе 1945 года. Пропагандист полка капитан С. Чернецкий указал на дарственную подпись.

— Картину привезли нам гвардейцы Кантемировской дивизии. Мы часто рассказываем нашим солдатам об общей борьбе. Надо, чтобы молодежь всегда помнила о совместно пролитой крови.

В дивизионном музее любовно сохраняются многочисленные свидетельства братской дружбы наших армий: сотни фотографий, ордена, медали, оружие, альбомы. Под стеклом, в специальной капсуле,— земля из-под Ленино, привезенная пионерами 735-й школы Москвы.

— Здесь принимают присягу наши молодые солдаты. Здесь все свято для нас,— говорит секретарь партийной организации полка капитан З. Войтыла.

В высшем училище бронетанковых войск имени С. Чернецкого мы зашли в длинное помещение. Едва за нами закрылась дверь — стало темно и на дальней стене засветился экран. Появилась опушка леса, зашевелились кусты, и из них, набирая скорость, выскочил танк. Ствол его пушки приподнялся, блеснуло пламя — выстрел. Раздалась отрывистая команда, послышался шум работающих механизмов наведения. Щелчок, и в борт танка ударила пуля — засветилась пробоина. Машина стала. Когда включили свет, мы увидели стоящие рядом две башни танков, а между ними киноустановку. Из башен вылезли курсанты.

Нас, людей военных, обрадовали прекрасно оборудованные аудитории, продуманность и целеустремленность учебного процесса и воспитательной работы.

— Наш народ,— сказал нам полковник Г. Кудла, начальник училища,— не жалеет сил и средств на армию, но и требует от нас держать боевую готовность на самом высоком уровне. А это значит, что мы должны не только в совершенстве овладеть отличной техникой и вооружением, но и закалить себя в психологическом плане. Успех боя по-прежнему решает человек.

Во время нашего пребывания в Польше проходили крупные учения тыла, которыми руководил начальник тыла Войска Польского генерал дивизии В. Земинский.

...В районе строительства железной дороги полным ходом шла работа. Лежали рельсы, пахло смоляными шпалами. Среди строителей трудился и взвод, которым командует подпоручник М. Куповес. Вместе с другими его подчиненные выполнили работу на 2,5 миллиона злотых.

— За несколько дней мы сделали то, на что гражданским организациям потребовалось бы около четырех месяцев,— говорит нам, улыбаясь, молодой офицер.— А мы учимся и пользу народному хозяйству приносим. Дорогу-то разбирать не будем!

Перед отъездом из Польши нас принял начальник инспектората боевой подготовки Министерства национальной обороны ПНР генерал бригады Юзеф Стебельский. Он сказал, что Войско Польское отмечает свое двадцатипятилетие с хорошими показателями в боевой и политической подготовке. Солдаты, офицеры и генералы с честью справились с задачами, поставленными Центральным Комитетом Польской объединенной рабочей партии и правительством. Войска готовы, если потребуется, выступить на защиту интересов Польши, а значит, интересов всех социалистических государств. Это подтверждают итоги учений, проведенных в рамках Варшавского Договора. У нас с вами, подчеркнул генерал, есть хорошая база и отличный компас, который указывает нам путь,— это марксизм-ленинизм. Основа нашей непобедимости — дружба между польским народом и народами Советского Союза и социалистических стран. Так будем трудиться вместе на благо будущего. Передайте привет советскому народу и воинам его славной армии. Будем всегда вместе!

Подполковник М. КИРЮХИН

Польские воины учатся.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

НАД СНИМКОМ ИЗ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Этот снимок проделал долгий путь, прежде чем лег на редакторский стол в Москве. Пожалуй, нам не удастся определить точно этот путь, как не сможем мы назвать имена тех людей, которые изображены на нем, и то место, где этот снимок был сделан. Короткая подпись под ним гласит: «Бойцы освободительных сил Южного Вьетнама у захваченной во время атаки вражеской броневой машины».

Что же, у войны есть свои законы, требующие сохранения тайны, а в краткости этой подписи — своя символика. Эта фотография могла бы быть сделана во многих районах Южного Вьетнама — под Данангом и в дельте Меконга, где-то недалеко от Сайгона или от Хюэ, в джунглях на стратегической дороге или в маленькой деревушке, которую патриоты отбили у интервентов. Всюду на земле Южного Вьетнама идут бои, и в любом месте вражеская машина, сделанная в Соединенных Штатах, могла быть захвачена патриотами.

Последние сообщения из Южного Вьетнама показывают, что военные операции сил освобождения против американских войск и марионеток не ослабевают. Вот некоторые из операций, совершенных на днях. В Сайгоне взорвано здание, где размещались марионеточные власти. Метким ракетным огнем разрушен мост, соединяющий Сайгон с районами в дельте Меконга. Совершены огневые налеты на американские военные базы в Плейку и Дананге. Продолжается наступление на лагерь американских специальных сил — «зеленых беретов» в Тхонгдуке (этот лагерь прикрывает подступы к Данангу). В дельте Меконга обстрелян аэродром. Произошел крупный бой между американским пехотным батальоном и частями сил освобождения в шестидесяти милях к северу от Сайгона. Минометному обстрелу подвергся штаб американских морских десантных инженерно-строительных подразделений.

Американское командование недавно опубликовало очередную сводку о потерях, из которой видно, что интервенты продолжают нести урон, и незаметно, чтобы этот урон сокращался. Как ни рекламируют военные руководители США американскую мощь, какие оптимистические прогнозы ни появляются время от времени в американской печати, фактом остается то, что военная машина США наткнулась во Вьетнаме на мужество патриотов, которые умеют отлично владеть современным оружием. И тупая военная стратегия разрушения и убийств оказалась недейственной против народной воли.

Когда вглядываешься в нечеткие изображения лиц на этой фотографии, вспоминаются статьи в прессе США о южновьетнамских бойцах освобождения. В этих статьях патриоты Южного Вьетнама изображаются то какими-то фанатиками, то людьми, не понимающими смысла событий. Можно только улыбнуться над этой попыткой американской пропаганды обмануть самое себя. Стратеги и политики США допустили немало просчетов в своей агрессивной войне против вьетнамского народа. В списке этих просчетов — неспособность понять вьетнамский народ. А казалось бы, чего проще — увидеть в этих людях человеческое достоинство, чувство национальной гордости, любовь к своей земле. Во Вьетнаме столкнулись не только две идеологии, там противостоят друг другу два типа солдат. На стороне бойцов освобождения — сила правды, убежденность в своей правоте и уверенность в победе. «Джи-Ай» защищает чужие интересы, и поэтому его воспитывают в духе насилия, надеясь, что это заменит американскому солдату весь комплекс идей.

У нас нет подробностей о том бое, в котором бойцы Южного Вьетнама захватили вражескую бронемашину. Может быть, это был нелегкий бой и в нем сложили свои головы отличные ребята, с которыми было легко в сражениях и весело на отдыхе. Их имена пока неизвестны. Но не пропадут в памяти народной эти люди. О них еще напишут стихи и романы, потому что героев не забывают!

Сейчас в Южном Вьетнаме американское командование вновь переживает кризис своей стратегической концепции. Смена командующего не принесла американским агрессорам успехов. Но делать что-то надо, в Вашингтоне требуют реляций о победах, и новый командующий Крейтон Абрамс, как сообщает печать США, решил пойти по прежней дорожке, усилив применение новейших средств ведения войны. Главным козырем он избрал авиацию, а в ней — использование гигантских восьмимоторных «В-52» — бомбардировщиков, которые рассчитаны на ядерную войну. Эти тяжелые самолеты могут нести огромный бомбовый груз. Абрамс «буквально одержим идеей использования «В-52»,— сказал один из американских генералов во Вьетнаме. Очередной приступ варварства — вот что такое новая линия американских стратегов.

Но, не вступая в спор с американскими генералами по военным вопросам, можно заметить лишь одно: судьба войны во Вьетнаме решается не в воздухе, а на земле и в сердцах тех людей, которые изображены на снимке.

Александр СЕРБИН

Мощные классовые битвы все чаще и чаще потрясают страны Латинской Америки. Несмотря на жестокие полицейские репрессии, трудящиеся Уругвая вышли на улицы городов, защищая свои права.

Знаменитый храм Рамзеса II — Абу-Симбел переживает второе рождение. Он был расположен в том месте, которое будет затоплено нильскими водами после окончания строительства Асуанской плотины. Чтобы спасти бесценное произведение древней культуры Египта, храм распилили на части и перевезли в безопасное место. Около пятидесяти стран мира приняли участие в финансировании переезда Абу-Симбела.

Эти установки размещены в Федеративной Республике Германии. Они участвуют в «военных играх», проводимых на западногерманской территории рядом натовских держав. Кодовое название этих игр — «Черный лев». Такова, по Бонну, «новая, миролюбивая восточная политика».

Фото ЮПИ и журнала «Вие нуове».

Израильские оккупанты наблюдают за «порядком» в центре арабского города Газа...

...в то- время, как коренное население согнано в лагеря.

СЧЕТ 450055

Юрий СЕРГЕЕВ

По древнееврейскому календарю в Израиле наступил 5729 год. Как велит обычай, верующие и подавляющее большинство населения — неверующие израильтяне — могли, подняв бокал вина, сказать друг другу «ле хаим» — «за жизнь» (эквивалент русского «ваше здоровье», скандинавского «скол», английского «чирз»).

Примечательно, что традицию этого тоста уже давно сломали хранители самых обскурантистских обрядов — израильские сионистские лидеры, произносящие теперь здравицу на немецком. «Ле лебенсраум!» — который год настаивает Моше Даян; «Ле лебенсраум!» — нашептывает Бен Гурион; «За жизненное пространство!» — переводит на русский Голда Меир, иногда вспоминающая и об этом языке...

«Почему же Моше Даян не содрогнулся, произнося слова, рождающие ужас воспоминаний? — в искреннем недоумении заявил израильский писатель Амос Уз в связи с очередным выступлением израильского милитариста.— Ведь «жизненное пространство» есть не что иное, как требование изгнания инородцев с тем, чтобы их место заняла «более цивилизованная» нация... Зачем же Моше Даян употребил терминологию, которой наши враги обосновывали гонения против нас, ту самую терминологию, которая, сойдя с уст нацистов, стала синонимом грязи для всех свободолюбивых народов мира?»

Амос Уз недоумевает лишь по поводу шокирующей терминологии Моше Даяна, но все больше израильтян, побуждаемых чувством гражданского долга и справедливости, восстает против преступных деяний израильских милитаристов.

Вспомним 5 июня 1967 года. Приводимая ниже стенограмма выступлений в израильском парламенте — документ, не требующий особых комментариев:

М. ВИЛЬНЕР (компартия). Правительство Эшкола... развязало сегодня войну против ОАР... Никакой враг не мог бы принести Израилю большего зла, чем нынешнее правительство... Эта война не решит ни одного спорного вопроса между Израилем и арабскими государствами. Война углубит неурегулированные проблемы и нанесет невиданный урон Израилю, как в нашем районе, так и на международной арене... (Истерические выкрики и угрозы со всех скамей.)

Т. ТУБИ (компартия) — с места.— Нынешняя война — это откровенная агрессия...

М. ВИЛЬНЕР. Это война против подлинных интересов Израиля. (Истерические крики усиливаются.)

М. ТУБИ — с места.— Вам не удастся заглушить голос Коммунистической партии Израиля, голос еврейских и арабских коммунистов — это голос мира, он сильнее ваших криков!

(Шум усиливается, в зале раздаются антисоветские выкрики.)

М. ВИЛЬНЕР. Советский Союз твердо стоит за мир, и народу Израиля еще понадобится помощь Советского Союза в спасении Израиля из той пучины бедствий, куда вы его толкаете...

М. БИРАМ (МАПАЙ). Позор!

(Истерические выкрики отовсюду.)

М. ВИЛЬНЕР. Детей, стариков, женщин заставляют без промедления покидать свои дома и брести с жалкими остатками своих пожитков туда, где нет ни крова, ничего...

М. КОЭН (МАПАЙ). Подстрекатели!

М. ВИЛЬНЕР. Антисемитизм не принес добра ни одному народу. Он не принес лавров тем, кто использовал его против евреев, не сослужит он службы и евреям, использующим его против арабов...

Около полутора лет продолжаются бесчинства израильских агрессоров на арабских территориях. Становится все более очевидным, что израильские лидеры не желают ни в малейшей степени прислушаться к голосу своих соотечественников, проявляющих дальновидность и мудрость, более того, они полностью игнорируют мировое общественное мнение и фактически глумятся над многочисленными предостережениями и требованиями Организации Объединенных Наций.

«Израиль хочет оставить иорданские оккупированные районы под своим суверенитетом»,— с обычной беззастенчивостью заявил недавно представителям Би-би-си израильский министр обороны Моше Даян.

Такая позиция израильских микронаполеонов поражает поистине не знающей границ наглостью и одновременно полной бесперспективностью. На чем же основывается эта противоречащая подлинным интересам израильского народа платформа? Теоретически — на сионистском тезисе колонизации и экспансии, практически — на безраздельной и всесторонней поддержке империалистических держав, в первую очередь США.

Вот образчик развиваемого ныне Моше Даяном колониального тезиса сионизма: «Палестина должна принадлежать евреям,— писал в свое время один из видных сионистских лидеров Жаботинский.— Необходимо создавать обстановку «свершившихся фактов» и вдалбливать арабам, что они должны... убраться в пустыню».

Наиболее конкретным примером всесторонней помощи империализма израильским сионистам могут служить 8 миллиардов долларов, обеспечившие быстрое превращение Израиля в матерого хищника на Ближнем Востоке за 20 лет — с 1947 по 1967 год, а также 9 миллиардов долларов, запланированных империалистами для Израиля на 1967 — 1975 годы.

«Мы не начинали с пустого места,— откровенно признают израильские сионисты в документе, рассчитанном на широкую публику,— для нас это место выкупили, годами поддерживали нас, пока мы не стали на ноги... Но мы уплачиваем наш долг не только трудом, но и деньгами в буквальном смысле слова».

Бюджет Израиля за 1966/67 год для уплаты лишь части долговых обязательств и процентов по займам отводил 20 процентов всех ассигнований, а около 40 процентов составили прямые и косвенные военные расходы. Поэтому, какую бы потогонную систему ни вводили израильские правители для рабочих, для сельских кооперативов, зависимых от сионистских банков, трудящимся за многие годы не оплатить даже части векселей, выданных империалистам израильскими правящими классами. В отличие от многих израильтян руководители страны ясно отдают себе в этом отчет, откровенно стремясь покрывать долги весьма специфическими услугами.

«Только сильный Израиль даст возможность США помешать дальнейшему росту авторитета Советского Союза на Ближнем Востоке»,— заявил премьер-министр Израиля Эшкол президенту Джонсону в январе 1968 года, в разгар продолжающихся и поныне бесчинств израильской военщины на арабских территориях.

«Израильские круги: возможен новый тур с арабами в недалеком будущем» (!) — прогнозировала на 1968—1969 годы сионистская газета «Гаарец».

Вот это и есть разменная монета израильских милитаристов.

Превратив свою государственную машину в «бюро добрых услуг» империализму, израильские правящие круги на глазах у мировой общественности все дальше толкают страну и народ к катастрофе, втягивают Израиль во все новые и новые авантюры.

Проиллюстрируем это. Краткое сообщение израильской газеты «Маарив» от шестого сентября — лишь одно из многочисленных свидетельств все возрастающего авантюризма израильских сионистов, их тесного союза с архиреакционными империалистическими силами:

«Вчера центр координации направил группу живущей в Израиле молодежи — представителей интеллигенции в различные страны Европы. Эта молодежь имеет своей задачей установление контактов с чехословацкими гражданами вне пределов Чехословакии. Они также должны искать возможности установления контактов с различными (читай: контрреволюционными.— Ю. С.) кругами в самой Чехословакии. Часть этой группы должна попасть в Прагу.

Центр координации в Израиле, сообщает «Маарив», превращается в мировой центр борцов за свободу (читай: порабощение.— Ю. С.) Чехословакии... Те, кто встречает материальные затруднения и не имеет достаточно средств для ведения активной деятельности в ЧССР и вне ее, получат материальную поддержку.

Центр координации подготовил программу для организации издания «Литерарни листы», которые были голосом демократии (читай: контрреволюции.— Ю. С.) в Чехословакии. Пожертвования для этой цели можно направлять по адресу: Банк Дискаунт, счет 450055, Тель-Авив».

Вероломного захвата арабских территорий, фашистского террора против их населения, погромов арабов в самом Израиле (последний массовый погром, по сообщениям печати, состоялся 4 сентября этого года в Тель-Авиве), «тихого» шпионажа в странах социализма в пользу ЦРУ оказалось для правящих кругов Израиля недостаточно. Сионистское «бюро добрых услуг» империализму публично расписывается в открытой, осуществляемой широким фронтом подрывной деятельности против стран социализма — и не впервые!

Авторитет среди правящих кругов Израиля — лондонский корреспондент сионистской газеты «Гаарец» потребовал недавно от израильских правителей «полной поддержки линии западных держав в борьбе против стран Восточной Европы, инициативы развязывания новой войны против арабских государств, захвата восточного берега реки Иордан, свержения существующего режима в ОАР, ликвидации всех политических организаций, которые поддерживают его, захвата территорий, по которым проходят нефтепроводы «Ирак петролеум компани» и АРАМКО, захвата части территории Саудовской Аравии на побережье Акабского залива» и так далее.

Не слишком ли много даже для 5729 года?!

Есть время разбрасывать камни, наступит время и их собирать, сказано в одной из древних легенд. И каким бы летосчислением они ни пользовались, израильским сионистским лидерам следует помнить, что времена колониальных захватов канули в прошлое и что совсем недалекое будущее призовет к суровому ответу всех, кто любыми методами пытается задержать ход истории.

Эльвира ПОПОВА

Два живописца

В художественном павильоне России на всемирной выставке в Париже 1867 года не меньшее внимание, чем «Княжна Тараканова» Флавицкого, «Тайная вечеря» Ге, «Последняя весна» Клодта, привлекал небольшой, скромный по колориту мужской портрет. Зрители отмечали удивительно схваченное выражение «малоэнергичного и малорешительного» характера, мастерски написанное лицо с поблекшими, старческими щеками и погасшим взором. На портрете, принадлежавшем кисти С. К. Зарянко, был изображен Федор Толстой — прославленный скульптор и художник, вице-президент Российской Академии художеств. Если бы автор создал лишь одно это произведение, и тогда он не был бы забыт. Сразу «все в один голос сказали, что это «chef d'oeuvre ». Каждого успеха в искусстве добивался Зарянко «пожертвованием здоровья и всякой минуты отдохновения». К концу жизни он «был слеп от слишком многосложного труда» — так писал брат художника в письме к другу. Отец С. К. Зарянко выкупился из крепостных князя Любомирского в середине 20-х годов, когда будущему художнику было лет десять. Семья переехала из-под Могилева в Петербург. Здесь, в доме министра народного просвещения князя А. Н. Голицына, куда поступил на службу отец, вероятно, и встретился впервые Сергей Зарянко с добрым своим учителем академиком А. Г. Венециановым. Сразу отличил тот одаренного подростка. Открылась дорога в школу Общества поощрения художеств, в академию, где Зарянко быстро делает успехи, и Алексей Гаврилович Венецианов берет его вместе с другими учениками в царский дворец писать интерьеры. Устроившись в громадном зале с мольбертом, без суеты, неслышно, но с необыкновенным тщанием и точностью переносил юный Зарянко на холст во всех деталях «Вид фельдмаршальского зала в Зимнем дворце», «Вид Тронного зала»... В 1841 году живописец был удостоен «серебряной медали первого достоинства» за один из интерьеров с группой учителей и воспитанников Училища правоведения. Здесь можно увидеть Александра Серова — будущего композитора, Владимира Стасова. Вырвалось наружу призвание портретиста! Зарянко решил не держаться более «одних только перспектив», а заняться портретами и поразил ими современников. В 1850 году ему за портрет Ф. П. Толстого присвоили звание профессора живописи. В восторженном хоре голосов некрасовский «Современник» сказал о портретах главное: «В них пойман внутренний человек».

Но в 50-е годы Зарянко все чаще пишет не интимные, домашние, а парадные, официальные портреты, необыкновенно тщательно и с любовью заканчивая их до последней возможности, чтобы и в лупу не увидеть отдельных мазков, «не существующих в натуре». В погоне за иллюзорностью с одинаковым старанием выписывает он и лицо, и одежду, и какой-нибудь незначительный аксессуар или случайно упавший на драгоценность луч света. И тогда вдруг его виртуозной кисти оказался неподвластен «внутренний человек». Смолк хор изумления и похвал. И, будто чувствуя в глубине души неладное, Зарянко уже не выставляет работ. Пишет портреты на заказ, все больше отдаваясь преподаванию. Учитель рисования в Александровском сиротском институте, Московском дворцовом архитектурном училище, в Дворянском полку в Петербурге... Он стремится к профессорству в академии, где некогда слыл чуть ли не протестантом, осмелившись доказывать, что следует разрешить воспитанникам писать картины «на ими самими придуманные сюжеты, но никак не на заданные». Теперь же он хотел преподавать молодежи свою новую, «научную», по его выражению, методу овладения живописью. Такая возможность представилась ему в Московском училище живописи, куда его назначили в 1856 году инспектором.

Один из самых непокорных учеников инспектора, Перов, в своих воспоминаниях о годах учения как бы завершает грустную повесть о творчестве Зарянко, запечатленную им самим на холстах.

«Пиши, что видишь, и не мудри!» — благоговея перед этим заветом любимого учителя Венецианова, Зарянко переусердствовал, поставив неосуществимую цель — добиться в живописи зрительного эквивалента природе. Чтоб не отличить, где живое лицо, а где портрет! Во имя «научного», «математического» изучения натуры старался он выбросить из творческого процесса собственную личность, свое отношение, переживание, как мы теперь говорим — видение натуры. Место высокого мастерства заняла изощренная виртуозность. Но признаться даже себе в ошибке, цена которой — смысл всей жизни, редко кому достанет мужества. Не смог и Зарянко. Он старался подкрепить, подпереть рушащуюся конструкцию «теорией».

Перов вспоминает, как послушные ученики Зарянко, поставив по новой методе холст на одной линии с моделью, деревянным циркулем в руках (железным недолго и глаз натурщику выколоть!) исчисляли даже толщину век и бровей... длину ресниц и толщину ноздрей. Творческое вдохновение было объявлено «несуществующим вздором, нелепостью, призраком, который никогда не понять и не поймать».

Перов не преувеличивал. В «Современной летописи» за 1864 год есть такие строки самого Сергея Константиновича: «Народ вдали, под деревьями, находящийся в расстоянии 44 сажен, 2 аршин и около 7 вершков от Иоанна, стоит на равнине, которая на 9½ аршин ниже уровня воды в Иордане; отделяющее от них Иоанна пространство еще ниже... Следовательно, вода должна бы прорвать берег и затопить город и плотину». Из этой бухгалтерии выведен итог: «Можно ли вполне наслаждаться произведением, полным таких грубых ошибок? Не должно ли оно производить на наблюдателя, понимающего дело и одаренного вкусом, такое же впечатление, как прекрасная ария, пропетая дурным голосом и фальшиво?» Это сказано о «Явлении Христа народу» Александра Иванова...

Почему же такое отношение к искусству, к собственному творчеству? Может, талант и душу художника давило еще крепостничество, уводя в рабство к «натуре» со столбовой дороги искусства? Может, сказались долгие годы сознания своей приниженности, зависимости и нужды, когда в академии едва дотягивал от одного случайно выпавшего пособия «недостаточному» до следующего? А надо было еще кормить восьмерых младших братьев и сестер. И с радостью начал писать Зарянко портреты людей, не ведавших унижений и бедности. Воссоздавал на холсте — до мистификации! — одинаково и блеск глаз и непослушно топорщащиеся, тонко рефлектирующие складки атласа, таинственный блеск жемчуга и каменьев в золотых браслетах и кольцах на нежных с полированными ногтями руках... Другому такое — вершина! Но ведь его равняли с Кипренским, Федотовым. И нам, зрителям, всегда будет горько сознавать, что место Зарянко в ряду славнейших осталось незанятым...

* * *

А летом 1870 года стены Императорской Академии художеств покинул один из самых блистательно удачливых ее учеников — Генрих Ипполитович Семирадский. Его учебный список был сплошным перечнем наград, премий, отличий. С тех пор, как на втором году обучения молодой живописец был удостоен сразу двух серебряных медалей — за рисунок и этюд, он получал их — золотые и серебряные — ежегодно. Наконец, эта последняя — большая золотая, присужденная за программу «Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу», дающая право несколько лет жить за границей на счет академии.

А сколько наград ему еще предстоит получить в Париже, Лондоне, Петербурге, Риме... Его путь на ниве искусства воистину станет подобен пути триумфаторов, проходивших некогда улицами вечного города, который отныне он, Генрих Семирадский, избрал после Мюнхена и Флоренции своим постоянным местопребыванием. Мастерская его и впрямь похожа на сокровищницу римского патриция: роскошные ткани, бронза, античные вазы, оружие, скульптура. Красиво, богато и удобно: необходимые аксессуары всегда под рукой.

Часто вспоминаются студенческие годы. Как спорили — до крика — на квартире у Репина и Антокольского в Петербурге со «странным критиком» Стасовым, бурно разносившим академию за ее «классицизм и рутину»:

— Всех этих Юпитеров, Аполлонов и Юнон — к черту! Эту фальшь, эти выдумки, которых никогда в жизни не было...

А Семирадский, чувствуя себя на экзамене по любимому предмету, тихим голосом не без иронии возражал:

— Я в первый раз слышу, что созданьям человеческого гения, который творит в области высшего мира — своей души, предпочитаются обыденные явления повседневной жизни. Ведь это так легко! Валяй с плеча, что видит глаз, только бы позадористей да почудней...

Владимир Васильевич, уже безнадежно разводя руками и грустно качая головой, утомленно отвечал:

— Молодой художник, во цвете сил и образования, может так восхищаться скопческой итальянщиной! Худо! Худо!

А все ж Стасов ратовал первым за его золотую медаль, предсказывал блестящую будущность. Теперь он, Семирадский, делом, картинами докажет свою правоту.

И картины появляются из-под умелой, точной, не знающей сомнения кисти, словно по волшебству. Невольно дивишься ненстощимости фантазии, серьезному классическому образованию человека, пришедшего в Академию художеств после защиты диссертации «Об инстинктах насекомых» на физико-математическом факультете Харьковского университета.

На его полотнах все, что только способно поразить: «Римская оргия блестящих времен цезаризма», «Разрушение Содома и Гоморры», «Тризна воинов Святослава», «Людовик XI после подписания смертных приговоров», «Христос у Марии и Марфы», «Александр Невский», «Шопен у князя Радзивилла», «Изаврийские пираты, продающие добычу»... И все это непременно на фоне богатых покоев, величавых скал, вековых деревьев, лазурного неба, роскошных берегов Адриатики, утопающих в розовато-лиловой дымке. Золотистые пятна солнечного света перемешаны с разноцветными россыпями роз. Юная нагота красиво соседствует с перламутром и шелками... Картины написаны дерзко, эффектно, колоритно и на диво мастеровито!

То была пора, когда в разных странах появились живописцы, распахнувшие в своих картинах перед зрителями двери во дворцы, виллы, сады и купальни римской знати. Но... с поправкой на красивость, пикантность — в банальном вкусе буржуа. Во Франции миссию эту выполняли Кутюр, Кабанель, Бугро, в Англии «образцовым истолкователем античных сюжетов» прослыл Альма Тадема. В России — Ф. Бронников, С. Бакалович, талантливый В. Смирнов и великолепный Семирадский. Безраздельно воцарилась внешность. Пышная, позирующая, влюбленная в себя. Многие современники осудили ее торжество, хотя другие и осыпали Семирадского наградами, избирали почетным членом Парижской, Венской, Туринской, Стокгольмской, Берлинской, Римской академий изящных искусств.

Вовсе не воинствующий А. Новицкий в «Краткой истории искусства» писал, что у Семирадского «внутренняя сторона картины оставляет зрителя вполне равнодушным, и самая трагическая сцена производит только приятное впечатление красивых тонов». И все же умный, сдержанный Крамской признавался, что был около двадцати минут под впечатлением «Грешницы» Семирадского. А дальше писал: «Хотя вся фальшь видна с первого раза, но критика молчит — так велика сила таланта».

Вот почему сегодня в Краковском музее перед грандиозным полотном «Светочи христианства», в Русском музее Ленинграда у громадного холста «Фрина на празднике бога Посейдона в Элевзине», в Москве — в Третьяковской галерее, возле исполненной все с тем же захватывающим дух мастерством небольшой картины «Танец среди мечей», невольно останавливаются зрители. Особенно впервые знакомящиеся с искусством. Красиво! Картины Семирадского — художника, чья слава при жизни непомерно превзошла цену созданного им, вызывают симпатии и интерес и сейчас. И в каждом поколении живописец приобретает почитателей — любителей виртуозного мастерства...

С. Зарянко. 1818—1870. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И СКУЛЬПТОРА Ф. ТОЛСТОГО. 1850.

Государственный Русский музей.

С. Зарянко. ПОРТРЕТ КН. М. В. ВОРОНЦОВОЙ. 1851. Государственная Третьяковская галерея.

Доблесть открытия

Недавно в газетах появилось сенсационное сообщение о крупнейшем открытии профессора М. И. ВОЛСКОГО.

Кто же такой профессор Волский? Как шел исследователь по трудному пути поиска? Какие горизонты открываются сейчас из лаборатории горьковского исследователя?

Об этом рассказывает наш специальный корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

Фото Г. Копосова.

Что должен чувствовать ученый-патриот, узнав, что его многолетние оппоненты наконец с трибуны Международного конгресса признают его идеи, но... приписывают их американскому исследователю, пришедшему к такому же выводу, как он, только на 12 лет позже?

Как должен вести себя человек, отдавший двадцать лет работы спорной и очень интересной проблеме, меняющей, по существу, наши представления о мире, узнав, что вот-вот диплом «Открытия» получат ученые, разработавшие один из возможных, указанных им путей в решении этой проблемы, а его приоритет все еще не признан, его идея в целом все еще отвергается?

Этого «вот-вот» не случилось. Совсем недавно Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР внес в Государственный реестр открытие профессора Михаила Ивановича Волского с приоритетом от 19 декабря 1951 года.

Какое же открытие сделал профессор М. И. Волский, и почему оно так долго отвергалось?

Двести лет в науке существовало незыблемое представление: человек, животные и растения не могут усваивать азот атмосферы. Даже само название этого газа в переводе с греческого означает «безжизненный», «не поддерживающий жизнь».

Так написано во всех учебниках мира. Так написано во всех энциклопедиях.

И вдруг профессор из города на Волге высказывает мысль, опровергающую истину веков, ставит под сомнение утверждение великого Лавуазье об инертности азота. «Природа уготовила азоту не просто скромную роль разбавителя кислорода атмосферы,— говорит профессор Волский,— азот необходим всему живому». И... подтверждает свою смелую до безумия гипотезу экспериментами.

«Вы сделали открытие, которое трудно переоценить. Спасибо, профессор»,— приветствует исследователя из Горького лауреат Нобелевской премии, академик Н. Н. Семенов. Это было еще в 1956 году.

«В недалеком времени с исследованиями Михаила Ивановича Волского об усвоении азота воздуха живыми организмами будут знакомить учеников средних школ, как знакомят их сейчас с явлениями поглощения кислорода воздуха при дыхании и горении»,— считает доктор биологических наук Л. В. Полежаев.

Но есть и другие отзывы.

«Экскурсы М. И. Волского в область физиологии являются таким набором ошибок, что их столь же неприлично обсуждать в научных инстанциях, как проекты perpetuum mobile.., «опыты» со столоверчением...»,— пишет ленинградский профессор Г. П. Конради.

Мнения ученых разделяются.

«Нельзя, понимаете, нельзя сделать в науке XX века открытие кустарю-одиночке, проводящему эксперименты у себя дома за печкой»,— говорят одни.

«А вы видели лабораторию Волского?» — резонно спрашивают другие.

* * *

Двухэтажный, из серого и красного кирпича дом на Ошарской улице города Горького. Неподалеку, едва видимая в утреннем осеннем тумане, медленно покачивает баржи и речные суда Волга.

В шестнадцати светлых комнатах, построенных с учетом специфики биохимической лаборатории, разместились современные исследовательские приборы. Новейшая ультрацентрифуга, масс-спектрометры, спектрофотометры, электронный микроскоп, много термостатов, в том числе с охлаждением, аппаратура для тонких биохимических, гистологических, спектральных анализов, приборы для экспериментов с меченым азотом.

Непохоже на «опыты за печкой»!

Штат лаборатории невелик, но и не очень мал: 16 научных сотрудников — биохимиков, инженеров, агрономов, морфологов, химиков, ихтиологов. Все они молоды, хотя некоторые успели написать, а другие защитить диссертации, и влюблены в своего шефа за его верность истине, талант исследователя, эрудицию, увлеченность, чуть старомодную щепетильность, сказывающуюся и в манере вести научную работу и просто в общении.

У термостата, в котором находятся камеры для инкубации куриных и перепелиных яиц в различных газовых средах, молодой биохимик Сергей Рунков.

В камерах созданы абсолютно одинаковые условия: температура, влажность,— но в одной обычный воздух, которым мы дышим, с кислородом и азотом, в другой — азот заменен аргоном, в третьей — гелием. Опыты показывают, что в процессе инкубации происходит усвоение азота атмосферы. Эти вопросы разрабатывают химик-аналитик Татьяна Басс и биохимик Владимир Голубев.

— Нас так долго не признавали и так долго ругали, что приходилось не идти вперед, а топтаться на месте, проверяя и проверяя результаты экспериментов,— говорит Сергей Рунков.— Но нет худа без добра. Пока топтались на месте, добились полной достоверности опытов.

Три абсолютно одинаковых сосуда несколько необычной формы. Сквозь прозрачное стекло видны нежные всходы ячменя. Тут наблюдают рост ячменя на стерильной, лишенной азота искусственной почве в разных газовых средах: обычный воздух, смеси кислорода и аргона, кислорода и гелия.

В зажимах замерли маленькие, похожие по форме на какие-то космические станции стеклянные сосуды — в них исследуют рост простейших организмов — грибка фузариум.

На окне в аквариуме среди морских камешков и водорослей безмятежно плавают рыбы. Но ихтиолог Эльвира Финашкина уже устанавливает сосуды для проверки: как будут вести себя рыбы в воде, насыщенной различными газовыми смесями.

— Все эти вакуумные приборы со стеклянными бактериальными фильтрами созданы в нашей лаборатории,— рассказывают сотрудники.— Их автор — Сергей Рунков.

Сергей Рунков работает в лаборатории уже шесть лет. Подготовил и написал диссертацию на интересную, совершенно новую в науке тему: «Биологическая роль атмосферного азота и влияние гелия на некоторые стороны азотистого обмена организмов».

Нет, Михаил Иванович Волский работает не как кустарь-одиночка. За монтажом систем для инкубации следит опытный биолог Антон Борисович Зимин; изучением усвоения атмосферного азота на различных стадиях инкубации тутового шелкопряда занимаются два кандидата наук — сестры Ариадна и Марина Леонтьевы.

Гематолог Н. С. Малиновская изучает изменение крови у белых мышей. Ею установлено, что у животных, помещенных в герметические камеры, где азот заменен гелием, снижается в крови содержание гемоглобина и эритроцитов, увеличивается число лейкоцитов, изменяется лейкоцитарная формула.

Очень любопытны наблюдения над тем, как меняется аппетит у белых мышей в зависимости от того, каким воздухом они дышат. В кислородно-гелиевой среде прожорливость животных резко повышается, в то время как вес остается близким к контрольному.

— Нам радостно сознавать, что результаты исследований лаборатории помогают при разработке систем жизнеобеспечения экипажей космических кораблей,— говорят сотрудники.— Такие крупные специалисты, работающие в этой области, как профессор, доктор технических наук Г. И. Воро-

нин и директор Всесоюзного научно-исследовательского института биосинтеза А. И. Поливода, высоко оценивают наши исследования и разделяют наши выводы, что азот атмосферы играет не последнюю роль в обмене веществ растений, животных и человека.

У Михаила Ивановича есть еще один надежный помощник — сын. Да, Евгения Волского увлек пример отца. После окончания кораблестроительного факультета политехнического института и нескольких лет работы в Центральном конструкторском бюро Волго-Балта, где молодой инженер уже руководил группой, Евгений бросает работу по специальности и поступает на 1-й курс вечернего отделения биологического факультета Горьковского университета. Для того, чтобы начать все сначала, надо иметь немалое мужество. Вдохновителем его на этот смелый шаг был профессор Г. И. Воронин, принимавший тогда непосредственное участие в организации лаборатории. Это он пригласил Волского-младшего работать у отца. «В биологии очень нужны хорошие инженеры»,— сказал Григорий Иванович.

Сейчас Евгений Михайлович Волский работает вместе с отцом, продолжает его дело.

* * *

В биологию Михаил Иванович Волский пришел из техники. В 1927 году он окончил Нижегородский университет со званием инженера-механика, больше тридцати лет заведует кафедрой сопромата, возглавляет созданную им лабораторию испытания материалов Министерства речного флота. Он доктор технических наук, автор многих интересных изобретений. По морям, рекам и железным дорогам страны ходили суда и паровозы с котлами конструкции профессора Волского, с котлами, свободными от температурных напряжений.

Над усвоением азота воздуха живыми организмами М. И. Волский начал работать с 1946 года. В 1952 году он подготовил, а в 1964-м защитил докторскую диссертацию по биологии, составляющую суть его открытия.

Хорошо сказал о М. И. Волском первый секретарь Горьковского обкома КПСС Николай Иванович Масленников, много лет знающий профессора:

— Принципиальность, настойчивость, убежденность — вот основные качества характера Михаила Ивановича. И еще честность. Удивительная честность. Перед людьми. Перед учениками. Перед своей совестью. Если бы вдруг опыты не подтвердили его гипотезу, этот человек нашел бы в себе силы сказать: «Я был неправ». И сейчас его больше всего радует торжество истины.

* * *

С профессором Волским в 1964 году меня познакомил... Иван Грозный. В «Огоньке» был напечатан мой репортаж о раскопках в Архангельском соборе гробницы грозного царя. И вот Михаил Иванович принес в редакцию статью, отвечающую на один из вопросов, взволновавших историков при вскрытии гробницы.

Статья М. И. Волского «Десница Грозного» была напечатана в «Огоньке» и вызвала много откликов.

Увлечение историей еще поприбавило недоброжелателей М. И. Волскому. «Либо техника, либо биология, либо история»,— возмущались некоторые. Это казалось странным. Ведь никто не будет всерьез утверждать, что знаменитый Амосов стал хуже оперировать оттого, что увлекся кибернетикой и написал книгу «Мысль и сердце» или что конструкция «Антея» пострадала оттого, что его автор обнаружил писательский талант?

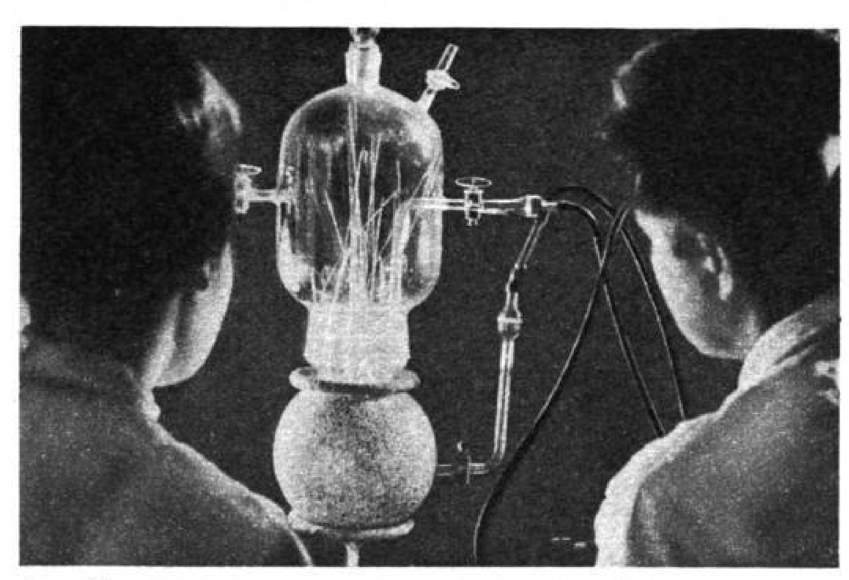
Три года назад еще мало кто из биологов признавал открытие Волского, но он был абсолютно спокоен и совсем не походил на классический тип обиженного всеми неудачника. Он просто работал, и работа давала ему уважение коллег и уверенность в собственной правоте.

А жизнь приносила все новые и новые подтверждения этой правоты. Ученому помогали в Комитете по делам изобретений и открытий, настойчиво требуя проверки экспериментов. Министр высшего и среднего специального образования РСФСР В. Н. Столетов помог оборудовать лабораторию. В 1954 и 1961 годах исследования Волского по усвоению животными и растительными организмами азота атмосферы были напечатаны в Горьком. Академик Н. Н. Семенов, пользуясь демократичным правилом Устава Академии наук СССР, в 1959 году представил работу Волского для напечатания в «Докладах Академии наук».

Эксперименты ставились в других институтах, других городах, других странах.

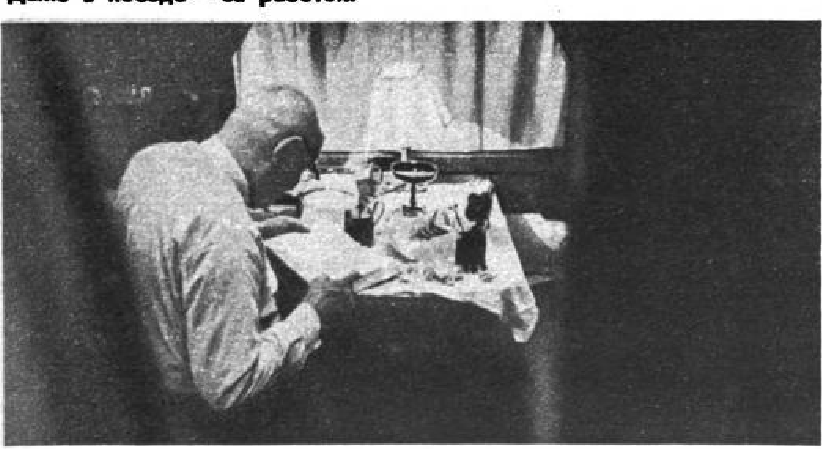
Тонкие исследования с меченым азотом провела лаборатория Р. Е. Мардалейшвили на кафедре кинетики химических процессов МГУ. Опыты полностью подтвер-

Отец и сын — ученые, друзья, соратники...

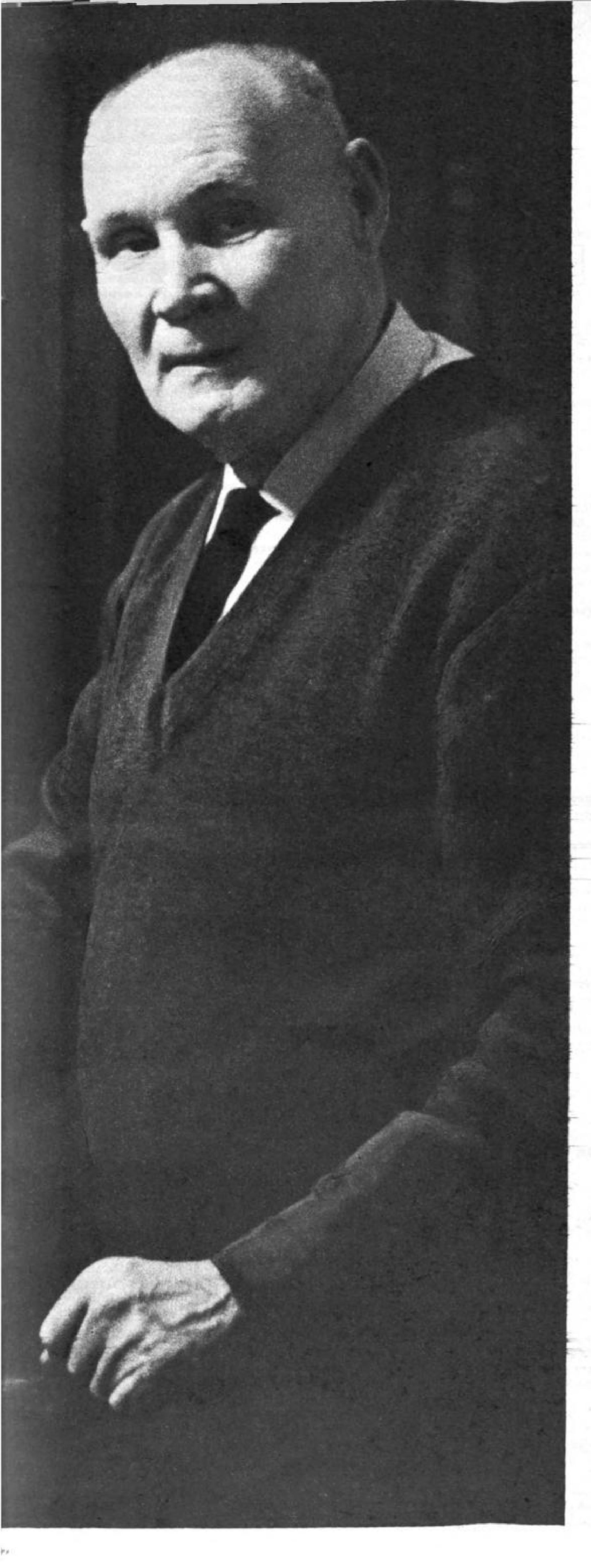


Тут наблюдают рост ячменя в различных газовых смесях

Даже в поезде — за работой.



Профессор М. И. Волский.



дили выводы горьковского профессора. Работы по усвоению азота атмосферы растениями и животными ставились в Японии, в Индии, в Швеции, в Германии, в США...

«Дорогой профессор Волский!— писал в Горький известный американский ученый из Научно-исследовательского противоракового центра Нью-Йорка, доктор медицины и философии Джовани Коста.— Я с большим интересом ознакомился с вашими экспериментами, которые говорят, что атмосферный азот может усваиваться высшими организмами. Я повторил по крайней мере часть ваших опытов с куриными яйцами и нашел, что в процессе инкубации происходит усвоение азота атмосферы».

* * *

Мы идем с Михаилом Ивановичем по улице Минина, где расположился водный институт, в котором преподает профессор. Каждый второй останавливает Михаила Ивановича, почтительно здоровается и прибавляет: «Поздравляю!» Это его ученики, его друзья, коллеги по работе, наконец, его избиратели. Старый коммунист Михаил Иванович Волский был депутатом шести созывов горсовета.

Проходим древнюю площадь у городского Кремля. Вот и вторая лаборатория, которой руководит профессор,— лаборатория по усвоению азота атмосферы. Заходим в кабинет. На письменном столе задумался бронзовый Сергей Степанович Перов, академик ВАСХНИЛ, недавно умерший друг Волского.

— Вот бы он порадовался!— говорит Михаил Иванович.— В трудные для меня дни он спорил, защищал, поддерживал. Не отказывался от меня. Не то что некоторые. Ну да бог с ними, пошло бы лишь на пользу!..

— Как может использоваться ваше открытие, перевернувшее, по существу, привычные, устоявшиеся веками представления?— спрашиваю я.— Каковы перспективы исследований?

— Это — к сыну, к Евгению Михайловичу. Мне 68, ему 39. Ему да молодым ученым лаборатории говорить о будущем, о перспективах.

— На заседании Комитета по делам изобретений и открытий отмечалось,— рассказывает Евгений Михайлович Волский-младший,— что открытие дает основание, во-первых, уточнить белковый обмен растений и животных, во-вторых, приступить к поиску стимуляторов усвоения азота атмосферы для повышения урожаев и увеличения продуктивности животноводства. И, наконец, это имеет значение при выборе атмосферы космических кораблей для дальних полетов.

Главное направление исследований,— продолжает Евгений Михайлович,— это раскрытие механизма усвоения азота атмосферы живыми организмами. Начнем с выяснения топографии включения азота в живую клетку, то есть выясним, какая часть клетки усваивает атмосферный азот, затем исследования механизма связывания азота, а дальше поиски стимуляторов, ускорителей этого процесса. Конечно, работа не на год и не на два. На много лет работа: она ведь только началась...

«ПЕСНИ СТОЛЕТИЙ»

Так названа трехтомная антология узбекской поэзии, вышедшая на русском языке в Издательстве художественной литературы имени Гафура Гуляма в Ташкенте.

В ней собраны лучшие образцы национальной поэзии узбекского народа с древних времен до наших дней: народные песни, поэтические сказания, прекрасные газели и дастаны великих классиков древнего народа, современная крылатая поэзия солнечной республики.

Три тома — три эпохи, три этапа становления и развития поэтического творения народа.

Первый том посвящен устному творчеству, в нем отразилась история народа — тяжелый подневольный труд, бесправие, нищета, забитость. Но уже в предреволюционных песнях зазвучало возмущение, гнев народный, воспевались герои борьбы против гнета, за свободу и справедливость.

Иными стали песни Советского Узбекистана, воспевающие труд свободный, жизнь, полную высокого смысла и значения, воспевающие человека социалистической эпохи.

Классическая поэзия узбеков, которой посвящен II том антологии, является одной из древнейших. Она весомо вошла в сокровищницу мировой классической поэзии. Пленительное творчество Алишера Навои, Зухириддина Бабура, Ахмада Югнаки, Муниса Хорезми широко известно на зарубежном Востоке и Западе. Передовые представители своего времени, они воспевали прогрессивные идеи просвещения, науки, свободу и справедливость, дружбу и верность. Поэтические творения их отличались жанровым разнообразием, мастерской отделкой формы, глубокой философской мыслью.

В первом ряду классиков узбекской поэзии — замечательная плеяда поэтесс. В сборнике представлены творческие жемчужины Надиры, Махзуны, Увайси и других. Стоны и страдания, печаль и рыдания бесправных в прошлом женщин края звучат в них. Гнев и возмущение вызывают у читателя строки против деспотизма ханов, мулл, баев, ишанов, попиравших элементарные человеческие права женщин Востока.

Том завершается произведениями просветителей — поэтов-демократов XIX века и начала XX века (Махмура, Огахи, Мукими, Фурката, Аваза).

Последний том антологии широко знакомит читателя с лучшими поэтическими созданиями послереволюционной узбекской поэзии. Первое поколение поэтов Советского Узбекистана сразу же включилось в строительство социалистической культуры, своим творчеством оно поведало о коренном и радостном переломе в жизни родного народа.

Ленин, партия, Советская власть — им посвящены вдохновенные строки стихов узбекских поэтов старшего и среднего поколения, о них слагает свои песни талантливая литературная молодежь. Творчество Айбека, Уйгуна, Зульфии, Мамарасула Бабаева стало достоянием всей советской литературы, ибо оно пронизано чувством безграничной любви к родному народу, ясным пониманием его исторических целей, единых для всех народов нашей многонациональной страны.

Завершенная антология узбекской поэзии — событие большой культурной значимости, она дает яркое представление о многовековой поэтической культуре нашего народа.

Т. РУСТАМОВ

Песни столетий. Антология узбекской поэзии в трех томах. Главный редактор Сарвар Азимов. Ташкент.

Михаил ДУДИН

ДРУГУ

Ты воевал и знаешь, что в бою
Солдат не слышит своего снаряда.
А что ты ищешь? Молнию свою!
В свой миг ударит. Не ищи. Не надо.

От страха только трусу умирать.
А мы солдатской клятвы не нарушим.
Нам до конца уже не разменять
Крещенные огнем и кровью души.

Страшнее черта мнимые друзья.
Они заносят Каина дубины.
Спина к спине! Нам победить нельзя,
Не прикрывая собственные спины.

ПРИЗНАНИЕ

Бомбы землю кромсали и рвали.
Свежей кровью краснела вода.
В одиночном окопе за рвами
Не до нежности было тогда.

Убежденной душой святотатца,
Очумев от обид и потерь,
Я стеснялся в любви объясняться.
Объясняться мне поздно теперь.

Не считай, что я ради забавы,
От твоих настроений далек,
Обхожу придорожные травы
И не рву на меже василек.

Просто я не могу по-иному
Жить заботами этого дня.
Нестерпимая жалость к живому
Все сильней заполняет меня.

УТОПИЧЕСКИЕ СТИХИ

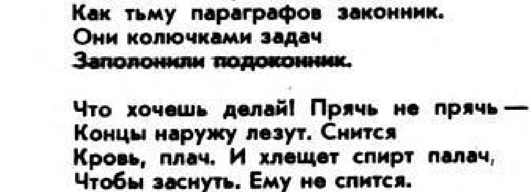
Обращаясь ко всем живущим
Разных стран и наречий разных,
Ради жизни веков грядущих
Объявить повсеместный праздник:
ДЕНЬ БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

Если праздник удачным будет,
Можно силы свои утроить,
Сговориться надежно людям
И на радость людей устроить
ГОД БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

Год без выстрела дней спокойных,
Год без пыток ночей осторожных,
Вот тогда, позабыв о войнах,
Начинать уже будет можно
ВЕК БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

И земля зацветет отменно,
Из кровавого выйдет круга.
Мы разучимся постепенно
На земле убивать друг друга.
ЛЮДИ! ДЕЛО ТОЛЬКО ЗА ВАМИ.

ВСПОМИНАЯ ОДНО ОКНО В ГАМБУРГЕ



Разводит кактусы палач,
Как тьму параграфов законник.
Они колючками задач
Заполонили подоконник.

Что хочешь делай! Прячь не прячь —
Концы наружу лезут. Снится
Кровь, плач. И хлещет спирт палач,
Чтобы заснуть. Ему не спится.

Спирт перечеркивает явь.
Но с новой силой наготове
Явь к изголовью рвется вплавь
В крови, из крови, морем крови.

Война бросает род на род
Из века в век необратимо.
И в свой черед идет народ,
Любуясь кактусами, мимо.

Чем их дойму, чем их пройму,
Изгоев, вдов и белоручек?
Играют мальчики в войну.
И память спит в тени колючек.

У преисподней рвет живот
Кровавой судорогой рвоты.
Палач на пенсии живет.
Он жить не может без работы.

НА СМЕРТЬ ОДНОПОЛЧАНИНА

Страшна война. Но только раны
Войны страшней самой войны.
Уходят рано ветераны
В седую вечность тишины.

Уходят медленно и немо
За окончательный предел
От неоконченной поэмы
С черновиками добрых дел.

Им нелегко в бою сдавалась
Судьбы и времени шуга.
Им до победы оставалось
Все время только полшага.

Как это расстоянье дразнит,
Когда больничная кровать
Дает возможность видеть праздник,
Где им уже не пировать!

В их преждевременном уходе,
Конечно, нет твоей вины.
Ты в стороне. Причина вроде
В слепых последствиях войны.

Рассвета медленные блики
Бегут по выжженной стерне.
И призрак милой Эвридики
Беззвучно плачет в стороне.

ВДОВА

А. Мыльникову.

Изба стара. Стара старуха.
Опрятно прибрана изба.
Из глаз старухи смотрит сухо
И мудро времени судьба.

Мир одиночества жесток
Застыл на маятнике тихо.
Сидит, забравшись на шесток,
Кот одноглазый, словно лихо.

По стенке, от икон в сторонке,
В печали выцветшей своей
Висят в трех рамках похоронки
На мужа и на сыновей.

На клен-малину в палисад
Глядит с окошка ванька-мокрый.
Дожди по лугу моросят
И обволакивают округ.

Теперь старухе мало надо.
А то, что надо, есть в избе.
И для души своя отрада —
Залетный аист на трубе.

Он с аистихой в дальний путь
Уже своих птенцов торопит.
Чтоб это счастье не спугнуть,
С весны старуха печь не топит.

* * *

Ты человек, живешь среди людей,
Ты знаешь их пристрастья и проступки,
Как в непорочность верят проститутки
Как схимниц просвещает Апулей,

Как клевета похожа на елей.
И отличить серьезное от шутки
Не так легко. Противоречья жутки:
Сегодня смейся, завтра слезы лей.

Ты человек. Ты раб и господин,
Самим собою будь на этом свете,
Все примечай и верь своей примете,

Снегам вершин и зелени долин,
Добру и злу, но знай, что мир един
И ты один за все и всех в ответе.

ВАЛЯЯСЬ В ТРАВЕ

Сегодня ясно! Все неясно.
Опять с надеждой спорит страх,
И мир тревоги не напрасно
В моих меняется глазах.

Он ставит точки и вопросы
И раздвигает окоем,
Живое семя смертью косит
И вечным шествует путем.

Пока я думаю об этой
Неразрешимости своей,
Былинку в хвое разогретой
Куда-то тащит муравей.

Кто он: пророк или насмешка,
Судьба, ползущая в пыли?
...Опасно тлеет головешка
Над муравейником земли...

Где все правы и все неправы
И где в сумятице травы,
Как малый рыцарь малой славы,
Пищит комар: «Иду на вы!»

Пойди пойми его отвагу.
Он, обнажая острие,
Вонзает маленькую шпагу
В высокомерие мое.

* * *

На всю Вселенную в ночи одна звезда видна.
Одна звезда горит в ночи, и нет других огней.
Звезда, как правда через ложь, горит в ночи одна.
Ответный свет моей души соединился с ней.

* * *

Сама природа отпустила
Тебе таланта и добра.
Куда твоя уходит сила,
Зачем ты маешься с утра?

Венчает дело опыт смелый
И постоянство мудреца.
Берешься делать дело — делай,
Но непременно до конца.

Чтоб время замыслы и чувства
Напрасно в прах не разнесло.
Чтоб труд поднялся до искусства
И стало чудом ремесло.

УПАЛА ЯБЛОНЯ В САДУ

Памяти К. Г. Паустовского.

Упала яблоня в отавы,
От сладкой тяжести устав,
Календаря осенней славы
Своей листвой не долистав.

А как она цвела весной,
Шатер раскинув навесной
Под синим небом белый-белый!
Как в завязь превращался цвет,
Как наливался соком целый
Необозримый рой планет!

Не сонмы яблок в ветках зрели —
Миры в космических полях.

Она держалась еле-еле,
Как инвалид на костылях.
И сразу рухнула.
Устало
В перемещении теней
Шла ночь, и холодно блистала
Звезда Полярная над ней.
Трава дышала влажной жаждой,
К шершавой ластилась коре.
И свет звезды в росинке каждой
На каждом яблоке горел.

ПЕЙЗАЖ

(Кастилья де Моро)

За плоский горизонт туманы
От побережья отвело.
На крепостных камнях вараны
В истоме дышат тяжело.

Синеет сонно даль морская,
И на губах седеет соль.
И саднит душу боль мирская,
Незатихающая боль.

СВЯТЫЕ РУКИ ТЕТИ ШУРЫ

Гляжу на руки тети Шуры,
Как на лицо ее труда:
Они, как корни дуба, буры,
Они улыбчивы и хмуры,
В них вся судьба ее натуры
Отобразилась навсегда.

В них опыт жизни год за годом
Без кода, ясным языком
Глубоко вписан: огородом,
Весенним паром, недородом,
Грибами, ягодами, медом,
Огнем и хлебом с молоком.

Все знали в жизни эти руки,
Все перепробовать смогли:
Печаль любви, тоску разлуки,
Тревогу материнской муки
И отчужденье смертной скуки
Сырой кладбищенской земли.

Все в мире прочным остается,
Что руки сделали вокруг,
Что сделать в будущем придется,
И связь времен не оборвется,
Пока живая нить прядется
Святым искусством этих рук.

НАД МОГИЛОЙ А. С. ПУШКИНА

В тоске земных столпотворений,
В извечной сменности систем
Живет недолго добрый гений,
Себя раздаривая всем.

И в этой беспощадной трате
Остановить его нельзя.
Он держит целый мир в охвате,
По дебрям памяти скользя.

Когда же смерть уводит в небыль
Его от мировых затей,
Возможностей слепое небо
Обозначается светлей.

Земля становится богаче
Одной вершиной в этот миг.
Вершиной гения, тем паче,
Что он для нас ее достиг.

Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.

* * *

Разгуливают аисты по лугу.
Дымятся травы в утренней росе.
Давным-давно земля привыкла к плугу,
К серпу — пшеница, клевера́ — к косе.

Ждет и тебя последняя страница.
Чем ты ее заполнишь не спеша?
Но — хоть убей! — не может примириться
С последним часом смертная душа.

Ты тешилась победой. Ты страдала.
Впадала в восхищенье и просчет.
А вот тебе все кажется, что мало,
Что главное не сделано еще.

* * *

Верь! Невозможно жить без веры.
Верь в хлеб, и в соль, и в смех, и в плач.
Верь полной верою без меры.
Как смертник в жизнь, как в смерть палач.

Верь сам себе, как веришь другу,
Как другу верит новый друг.
И вера верности по кругу
Пройдет, расширив жизни круг.

Верь в братство душ на свете белом,
В неограниченность души.
И, подкрепляя веру делом,
Других уверовать спеши.

Верь так, как в воздух верят птицы,
Все море мира верой мерь,
Как в совершенство без границы,
Своим возможностям поверь.

ДУБ

Старинный дуб раскинулся могуче
Во всей красе земного естества.
Подобна надвигающейся туче
Его ветвей тяжелая листва.

Над ним небес промытых мир просторный
И семицветной радуги раствор.
И в три обхвата не обхватишь черный,
В буграх наростов узловатый ствол.

Его корней железное упорство
Ветвится кроной по земле сырой.
Вгрызаясь в грунт, в его суглинок черствый,
Дуб спорит с небом и земной корой.

Он в ясный день и в час грозы урочной,
В сверканье молний презирая смерть,
Самим собой соединяет прочно
Стихию неба и земную твердь.

Он на посту. Он дней и сил не числит.
Прижмись к нему. Прислушайся. Внемли,
Как по его стволу проходят мысли
Земли и неба, неба и земли.

* * *

Разменяются тучи на ливни,
Хлынет светлая синь с высоты.
Будешь ты и добрей и наивней,
Станешь проще святой простоты.

Отгоришь незаметно грехами,
Ни себя, ни других не виня.
И грехи обернутся стихами,
Ясным светом вчерашнего дня.

И останется там, за плечами,
Та, которой уже не помочь,
Вперемежку с пустыми ночами
Соловьиная пьяная ночь.

И, наверно, оттуда, оттуда,
Сквозь цветущий содом по садам
Ощущение вечного чуда
За тобою пойдет по следам.

Через донник и рыжую гречу,
Через белую бурю берез,
Через зависть и смуту навстречу
Справедливому воздуху гроз.

НА ПРОЩАНИЕ

1

Прощай!
Но улетай, не помня
Своей обиды и тоски.
Душа моя —
Каменоломня,
Где все разбито на куски.
Карьеры взорваны,
Устои
Сгорели.
Нечем дорожить.
Осталось самое простое:
Желанье ждать
И жажда жить.

2

И опять не уснуть, не забыться.
Делать нечего больше. Прощай!
Улетает осенняя птица,
И горчит на губах молочай.

Улетай! Ты сама не заметишь,
Как зимы подойдет забытье.
Но под снегом забвенья,
Как фетиш,
Мне останется имя твое.

Может, сердце опять перетужит
В одиночестве пепел родства,
Так, как зиму, спаленная стужей,
Бесполезная дубу листва.

3

Клянусь, ты лучшее из воинств,
Где нет предательств и измен.
Я жил в плену твоих достоинств,
Благословляя этот плен.

Но плен есть плен. Бегу из плена,
Без права возвращенья в плен.
Что это? Верности измена
Или привычка перемен?

Ни то, ни это! Просто фаза,
Когда противоречья злят
И ждет отказа иль приказа
Промытый страстью, тихий взгляд.

Михайловское, июль 1968.

Виталий **МЕНЬШИКОВ**

Два с лишним десятилетия спустя после того, как по приказу группенфюрера СС Каммлера (поставленного Гитлером и Гиммлером во главе ракетного арсенала фашистской Германии) 5-й зенитный дивизион особого назначения под командованием полковника Вахтеля произвел первый ракетный залп по Антверпену, я прошел по городу, по его площадям, улицам и узеньким переулкам, ведущим к порту, где падали и взрывались «фау», сметая с лица земли все живое...

Время стерло многие следы, оставшиеся от 1 265 ракет, обрушившихся на этот бельгийский город. Но еще можно разыскать рубцы на каменном его теле, сохранившиеся после каннибальского удара, нанесенного «секретным оружием» третьего рейха. И когда смотришь на автографы, высеченные ракетными осколками на стенах Антверпена, кажется, что читаешь клинопись войны, звучащую как предостережение.

«Отцом «фау» называют Вернера фон Брауна, ученого, поставившего свою науку на службу гитлеровской машине смерти. Он был своим человеком в «Вольфшанце» — «Волчьем логове», как именовали восточнопрусскую ставку Гитлера. Сюда сообщали фюреру о результатах ракетных ударов на Антверпен и Лондон. И здесь после одного из визитов фон Брауна, как свидетельствует гитлеровский министр военной промышленности Шпеер, «фюрер лично произвел в профессоры герра фон Брауна и пожелал собственноручно скрепить подписью соответствующий документ». Известно, что Гитлер лично наградил «отца «фау». Он был в восторге от ревностного служения фон Брауна и его идеи «тотального возмездия».

Каждая из ракет, сконструированных фон Брауном, была в руках нацистской Германии оружием террора, предназначенным главным образом для массового уничтожения мирного населения городов Европы. Гитлеровцы еще надеялись «оружием возмездия» удержаться, сохранить фашизм.

В осуществлении программы террористических ракетных ударов по городам Европы тесно сотрудничали вермахт, нацистский аппарат, промышленники и ведущие ученые и конструкторы гитлеровской Германии. Их всех объединяли круговой порукой цели империалистической агрессии, презрение к судьбам сотен тысяч мирных граждан Европы.

Военные концерны «третьего рейха» извлекали огромные прибыли из создания «оружия возмездия». Английский историк Д. Ирвинг, основываясь на секретных нацистских документах, захваченных американцами, свидетельствует: на производство ракет, включая их запуск, было израсходовано около 150 миллионов имперских марок! На изготовление ракет и «летающих бомб» перевели больше половины всех крупнейших подземных заводов нацистской Германии. Программа выпуска «оружия возмездия» по приказу фюрера и его министра Шпеера (который недавно вышел из тюрьмы Шпандау, где он отбыл двадцатилетний срок заключения по приговору Международного Нюрнбергского трибунала как военный преступник) была отнесена к категории «самой первостепенной срочности», оттеснив на второе место производство танков, самолетов и другого оружия для фашистского вермахта. Только в 1944 году в Германии было изготовлено двадцать три тысячи единиц «оружия возмездия». Но фабрикантам смерти этого было мало. На одном из совещаний в гитлеровской ставке ведущий авиаконструктор «третьей империи» Мессершмитт потребовал, чтобы «Германия производила ежемесячно 80 000—100 000 единиц «оружия возмездия»!

До этого дело не дошло. Советская Армия раньше нанесла смертельные удары по фашизму. 2 мая 1945 года Вернер фон Браун вместе с командующим Пенемюндским ракетным полигоном, гитлеровским генералом Дорнбергом и четырьмястами учеными-ракетчиками сдался в плен американцам.

Однако на этом нельзя ставить точку в истории «фау». Нельзя потому, что ракетный гешефт, начатый германскими монополистами на закате фашистской империи, ныне продолжен в Западной Германии наследниками военных фирм типа «Мессершмитт», «Дорнье» и других.

Как и во времена «третьего рейха», западногерманские фабриканты оружия получают от правительства и военного министерства заказы на сотни миллионов марок для реализации широкой программы в области ракетостроения. Только с 1962 по 1965 год на так называемые «космические исследования» в ФРГ было израсходовано около 349,5 миллиона марок. Только в 1968 году эти ассигнования достигнут 320 миллионов марок, а в 1971 году должны составить примерно полмиллиарда марок.

Ракетные монополии ФРГ не просто делают деньги ради денег. Они вторгаются в политику, в определение государственного курса ФРГ. А опыт истории красноречиво свидетельствует на примере реализации той же гитлеровской «программы оружия возмездия», к чему это может привести.

Передо мной — текст «Годового доклада федерального правительства за 1967 год». Этот документ недавно был опубликован в Бонне. В разделе «Планирование бундесвера» этого отчета боннского кабинета предельно откровенно изложены агрессивные установки империалистов ФРГ. Там сказано: «Ракетные соединения и часть авиационных соединений должны предназначаться для выполнения атомных задач».

К постановке этих «задач», нацеленных на военную перекройку карты Европы, как свидетельствуют факты, в первую голову приложили руку те монополии, которые в ФРГ оснащают бундесвер ракетным оружием.

Западногерманское агентство Ферайнигтер Виртшафтсдинст в августе 1968 года известило о решении нескольких ведущих авиационных фирм — среди них «Мессершмитт» и «Дорнье» — учредить в Бонне совместное объединение. Цель нового мозгового треста монополий, по заявлениям его создателей, будет заключаться в разработке долгосрочных концепций, с точки зрения германской политики, в области авиационной и ракетной промышленности. Одновременно этот централизованный орган ведущих военных фирм ФРГ будет давать рекомендации «заказчикам, представляющим государство». Иными словами, боннскому кабинету и его министрам.

Как здесь не вспомнить о «рекомендациях», которые давал в восточнопрусской ставке фюрера «Вольфшанце» профессор Мессершмитт, жаждавший, чтобы не меньше как 80 000—100 000 ракет «фау» ежемесячно обрушивалось на города Европы, сея смерть и разрушение!

Хозяева фирм, подобных «Мессершмитт» и «Дорнье», ни на йоту не изменили своей приверженности к политике агрессии и военных авантюр, ибо война для монополистов с берегов Рейна всегда была источником баснословного обогащения. Политика же подготовки реванша и милитаризма вновь стала основой их гешефта.

Не исчез с арены и Вернер фон Браун, который занимает сейчас пост директора американского центра космических полетов при Национальном управлении по аэронавтике и исследованию космического пространства в Хантсвилле, в штате Алабама. «Отец «фау» — частый гость ФРГ. Сюда его влекут не только родственные узы (в феврале 1968 года сообщалось, что Браун прилетел из США в Мюнхен и проследовал оттуда в городок Обераудорф, где в «семейном кругу праздновался день рождения его отца девяностолетнего барона Магнуса фон Брауна»), но и тесные связи с ракетными монополиями нынешнего боннского рейха. Где-где, а на Рейне отлично знают о том, что «отец «фау» Вернер фон Браун всегда был верноподданным разбойничьего империализма. Недаром специальный корреспондент французского журнала «Пари-матч» Жильбер Грациани, встретившись осенью 1965 года, как он писал, «где-то в Западной Германии» с Вернером фон Брауном, передал следующие слова фон Брауна: «...Никто никогда не сомневался в том, что космос будет иметь военное значение».

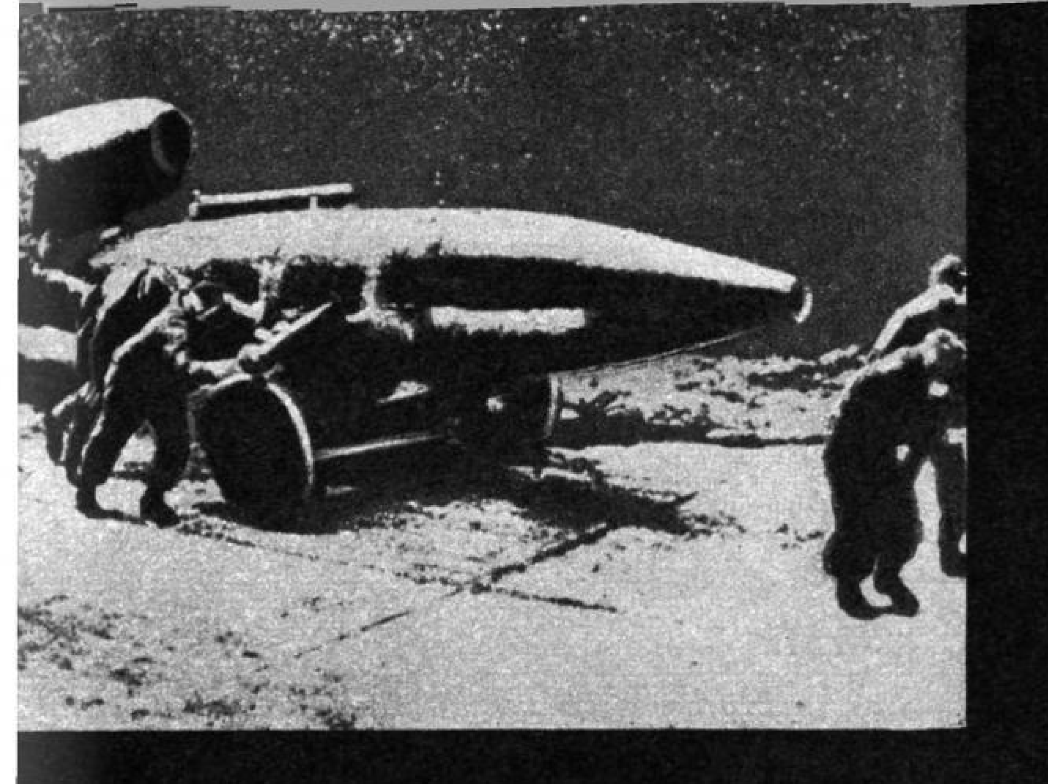
Западногерманские монополии и боннские министерства развертывают новую программу военного ракетного гешефта. Последние данные, переданные иностранными телеграфными агентствами из Бонна, говорят о том, что западногерманские военно-воздушные силы намерены модернизировать свой ракетный арсенал, состоящий из ракет класса «земля — земля», способных нести атомные боеголовки. В соответствии с планами командования бундесвера размещенные в южных и северных районах ФРГ ракетные части должны начиная с 1970 года быть оснащены «улучшенным вариантом» американских ракет «Першинг», который «имеет больший радиус действия, чем тип этих ракет, находящихся на вооружении бундесвера, а также может быть более быстро подготовлен к открытию огня».

Общие расходы по перевооружению бундесвера новыми ракетами составят около одного миллиарда марок.

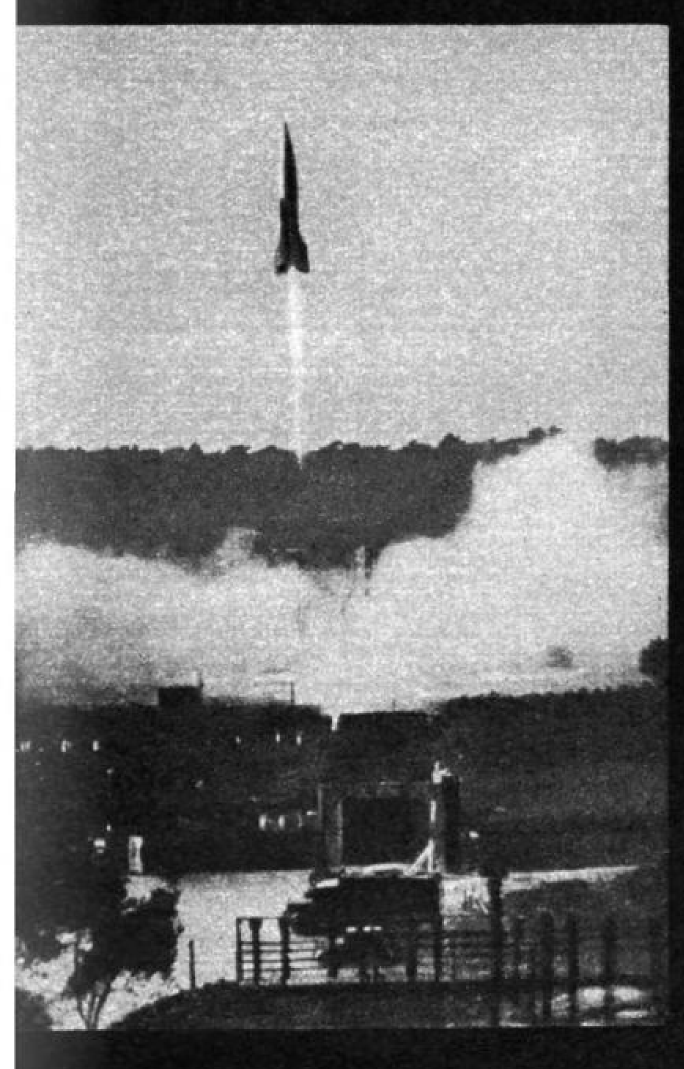
В одном из своих многочисленных интервью Вернер фон Браун выразил уверенность в том, что Западная Германия станет скоро мощной ракетной державой. Сам «отец «фау» с американского берега НАТО усиленно помогает западногерманской военщине в ракетном вооружении бундесвера.

Гитлеровцы подвозят ракеты «фау» на стартовые позиции.

В одном шеренге с гитлеровскими военными чинами — главный конструктор «фау» Вернер фон Браун [крайний справа].



КРЕСТЫ НА РАКЕТАХ



Ракета «фау» стартует с секретного фашистского полигона Пенемюнде. 1 265 таких ракет обрушила нацистская Германия на Антверпен, 517 — на Лондон, около 600 ракет взорвалось в других районах Англии. Только в английской столице взрывами «фау» было убито свыше 2 700 человек.

8 марта 1945 года ракета «фау» взорвалась в центре Лондона, на рынке Фэррингтон. Было убито 380 рабочих, продавцов, прохожих.

Особо доверительные отношения сложились между американским ракетным центром в Хантсвилле, возглавляемым Вернером фон Брауном, и западногерманским Объединенным научно-исследовательским обществом воздухоплавания и космонавтики. Этот новый «мозговой трест» монополий ФРГ в первую очередь концентрирует свои усилия на осуществлении задач в области создания новых типов оружия.

Как сообщило в середине лета 1968 года западногерманское агентство ДПА, это общество, которое финансируется в основном государством (более 100 миллионов марок в год), ведет научно-исследовательские работы по созданию третьей ступени «европейской космической ракеты», западногермансно-американского зонда для исследования деятельности Солнца и ряд других проектов, осуществляемых совместно ФРГ и ее союзниками по НАТО.

О том, насколько продвинулись вперед западногерманские ракетчики, опередив уже своих европейских партнеров по Североатлантическому блоку, свидетельствуют работы, проведенные в ФРГ по созданию мощных ракетных полигонов.

В ночь с 19 на 20 марта 1968 года на западногерманском испытательном полигоне в Лампольдсхаузене (Вюртемберг) состоялись генеральные испытания созданной фирмами ФРГ третьей ступени «европейской ракеты». В проведении испытаний участвовало около 150 техников и сотрудников «Немецкого испытательного центра воздушных и космических полетов». Ссылаясь на заявление представителя испытательного центра Вальтера Лукаша, газета «Ди вельт» писала, что испытательный полигон в Лампольдсхаузене, близ Хейльбронна, является «единственным в своем роде в Европе». По словам Лукаша, подобные объекты «имеются только в США и, вероятно, в Советском Союзе».

Когда я дописывал эти строки, телетайп передал из Бонна телеграмму корреспондента ТАСС:

30 тысяч жителей района Экерсберг (Бавария) выступают против строительства в этом районе ракетных позиций западногерманской армии. Против размещения ракет выступают также жители района Дейнинг. Недавно в Эглинге состоялось собрание представителей населения этого района, осудивших ракетные планы командования бундесвера.

Я прочитал эти сообщения и мысленно вновь увидел перед собой перекресток на шоссейной дороге, с юга на север пересекавшей зеленые холмы Баварии, ее живописные города под красными черепичными крышами, дорожные знаки, на которых зловеще чернеют силуэты бундесверовских танков. Пересекая в машине Баварию по пути в Антверпен, я видел огромные дорожные щиты, предупреждающие о том, что по соседству расположилась американская военная база; видел, как тяжело переползают через бетонку бундесверовские самоходные ракетные установки с теми же крестами на бортах, что гитлеровцы рисовали на боках «королевских тигров», «фердинандов» и «пантер».

На дорогах ФРГ много знаков, предупреждающих водителей и пешеходов о всевозможных опасностях в пути. Нет только одного знака, важного для всех в Европе и в мире,— «Внимание! Бундесверовские ракеты! Опасность для всеобщего мира!»

ВЕКА И НОВЬ

Столице Советской Армении — 2750 лет. Наш корреспондент обратился к председателю исполкома городского Совета Еревана Григорию Ивановичу Асратяну с просьбой рассказать о прошлом и настоящем города.

Г. АСРАТЯН,
председатель исполкома городского Совета Еревана

Свидетельство о рождении Еревана было найдено случайно. Почти двадцать лет назад во время раскопок на холме Арин-Берд археологи перевернули массивный базальтовый камень и увидели на нем клинообразные письмена. Это была своеобразная метрика нашего города: «Бога Халди величием Аргишти сына Менуа эту мощную крепость построил, установил для нее имя Эребуни...» Название через века приобрело армянскую огласовку: Еревуни, Ереван. Далее в свойственном для тех времен монументальном стиле сообщается, что крепость была воздвигнута для устрашения врага, что в этих краях поселено 6 600 пленных воинов, указан год постройки — в переводе на наше летосчисление 782-й до нашей эры. «Аргишти говорит: ...Земля была пустынной, могучие дела я там совершил...».

Можно себе представить эту землю. На треугольном плато, составляющем вершину холма,— величественная крепость с контрфорсами. А внизу, в тумане — долина, виноградники, приземистые жилища, жмущиеся к подножию. На горизонте словно плавает в воздухе снежная вершина Арарата.

В центре цитадели — двор с деревянной колоннадой на фоне раскрашенных стен. Во двор выходят все основные дворцовые помещения и храм. В кладовых — карасы для вина. В крепости хранилось зерно, собранное из окрестных областей.

Храм. Колонный зал — шесть рядов колонн. Многоцветные росписи по фризу: на ярко-синем фоне цветы граната, бородатые боги на львах. Глиняная скамья опоясывает зал. У южной стены — жертвенник. В нем горел огонь — сохранились следы копоти, остатки пепла и золы, частицы перегоревшего металла и костей. В жаркие дни по каналу, проложенному в полу храма, бежала вода, увлажняя воздух.

Когда велись раскопки, археологи обнаружили в канале щитовидную бляшку, возможно, застежку панциря, а в центре зала — бронзовое колечко-змейку. О чем могли бы рассказать эти безмолвные свидетели событий, отделенных от нас тысячелетиями?..

Во время раскопок другой урартской крепости найден замечательный ритуальный щит: по концентрическим кругам торжественной процессией идут львы и быки. Клинообразная надпись на нем свидетельствует, что щит посвящен богу Халди в городе Эребуни.

Наш известный ювелир Назарет Куюмджян в честь 2750-летия Еревана изготовил щит, тематически перекликающийся с драгоценным изделием древнего чеканщика. Изображения, идущие по концентрическим кругам на поле щита, символизируют века и эпохи, прошедшие со дня основания города.

КИМ БАКШИ, СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». С Григорием Ивановичем Асратяном, председателем горисполкома Еревана, я впервые встретился около года назад и по поводу, никак не связанному с 2750-летним юбилеем. Мы осматривали город — его новые улицы и районы, говорили о принципах градостроительства. Это не была отвлеченная теоретическая беседа. Мы оба волновались: слишком близкие любому горожанину темы обсуждали. Судите сами. Есть современная многоэтажная — сборно-железобетонная, каркасная, стальная, пластиковая, большеоконная архитектура — модерн, как ее еще иногда называют. Это, так сказать, с одной стороны. С другой, город — этот живой организм — имеет свою историю, свой сложившийся облик, национальные традиции. Как их сочетать? Разрушать старые районы и на их месте строить новые, вознесенные ввысь улицы? Гуляя по таким проспектам, теряешь представление, в каком городе живешь. Но, с другой стороны, нельзя же сейчас строить малоэтажные особняки, не замечать новых материалов, совершенной строительной техники, не воспользоваться замечательными возможностями второй половины двадцатого века!

Что такие возможности велики, можно убедиться в Ереване. В 1960 году несколько молодых архитекторов и строителей, в том числе Джим Торосян (теперь руководитель крупной архитектурной мастерской), Роберт Манукян и Арам Арамян (теперь заместитель председателя горисполкома), за 42 дня собрали из железобетонных тонкостенных деталей огромный купол на Выставке достижений народного хозяйства Армении. Купол диаметром сорок пять метров накрывает площадь 2,5 тысячи квадратных метров и стоит, словно балерина на кончиках пальцев, на четырех точках.

Да, ереванцы умеют строить в современном стиле. Но не забыты ли традиции армянского зодчества? У памятника Шаумяну мы пересекаем улицу и входим в парк Коммунаров. Он интересно реконструирован в последние годы, пересечен каналами. В конце парка навстречу нам поднимается здание драматического театра имени Сундукяна. Что сказать о нем? Оно сверхсовременно по своим формам.

Большие пространства стекла, словно схематический разрез, показывают разные уровни, на которых движутся зрители в театре, ожидая начала спектакля. Но (и это «но» окрашивает то, что мы видим, в яркий национальный колорит) через стеклянную стену в фойе просматривается огромное панно Мартироса Сарьяна «Армения».

Здание монументально, хотя и невелико по размерам. Это одна из традиций армянского зодчества: памятники удивительно крепко «поставлены», в них есть весомость огромных сооружений. Вместе с тем они человечны, соотнесены с ростом и восприятием человека, не подавляют вас. Но вернемся к театру. Его вход украшен портиком с горельефами из туфа: вместе с традиционными для армянской архитектуры лозами расположены обобщенные атрибуты театра и рядом портрет первого армянского драматурга античности царя Артавазда II. Здание сверхсовременно, но оно смело использует традиции национальной архитектуры.

В Ереване этот поиск, стремление не потерять свое лицо в потоке индустриального строительства виден повсюду — от большого до малого. От 14-этажной гостиницы «Ани», от самой улицы Саят-Нова, на которой эта гостиница расположена,— поток алых роз с большими декоративными сосудами — карасами, установленными среди цветов (Саят-Нова — певец роз, любви и радости жизни), до оформления кафе и магазинов — например, великолепного цветочного магазина на улице Абовяна, спроектированного Степаном Кюркчаном и оформленного своеобразной, с национальными элементами мозаикой Сусанны Кюркчан... До садовой скамейки... До традиционного фонтанчика для питья. На одном из них я видел высеченную цифру «2750».

Я спросил Григория Ивановича об архитектурном своеобразии новых домов. Что рождает его? Национальный орнамент, мозаика, облицовка туфом? Асратян пожал плечами: рецептов нет. Мы не раз говорили об этом с главным архитектором города Эдуардом Папяном. Мне кажется, он прав: это не проблема стиля, это вопрос сердца.

Несмотря на свою древность, Ереван — самая молодая столица Армении. До него были Армавир, Арташат, Тигранокерт, Двин, Ани и другие города.

Ереван разделил судьбу других армянских городов, армянского народа. Волны завоевателей, шедших то на Запад с Востока, то с Востока на Запад, оставляли за собой лишь дымящиеся развалины. Шах-Аббас I угнал все население Араратской долины в Персию. Эту участь испытал и Ереван. Но снова и снова на старое пепелище приходили каменотесы и строители. Звенел металл, ударяясь о послушную поверхность туфа. Вставали храмы и дома.

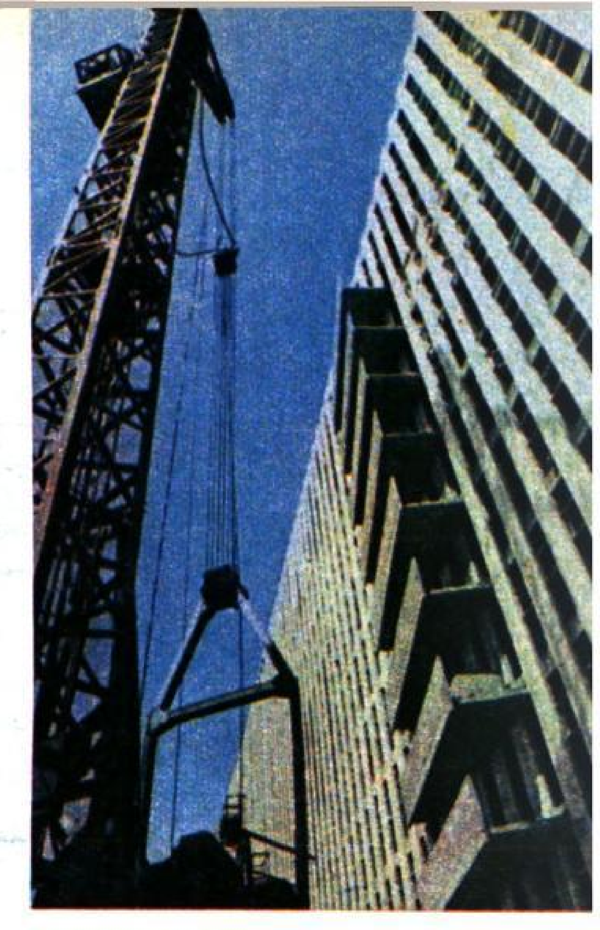
Это напоминало торопливую весну в пустыне, когда за считанные дни она покрывается цветами, словно спешит пройти извечный путь к плодам. Но за летней сушью и зимней стынью в пустыне обязательно наступает расцвет. В Армении же ростки ремесел, культуры, искусства затаптывались на века. И часто лишь рукописная книга была той портативной формой культуры, которую можно было унести с собой, укрыть от врага. Может быть, поэтому в Армении живет трепетное отношение к древним манускриптам. В центре Еревана, сложенный из серого базальта окружающих скал, стоит Матенадаран — хранилище древних рукописей и одновременно научно-исследовательский институт.

Когда русские войска в 1827 году освободили Ереван, это был обычный азиатский провинциальный городок с узкими, кривыми улочками, глухими глиняными стенами. «Московский телеграф» в январском номере 1828 года пишет, что ширина главных улиц Эривани — 3—4½ шага.

В XIX веке мало что изменилось в городе. В 1882 году царский чи-

ЕРЕВАНСКИЕ ЭТЮДЫ

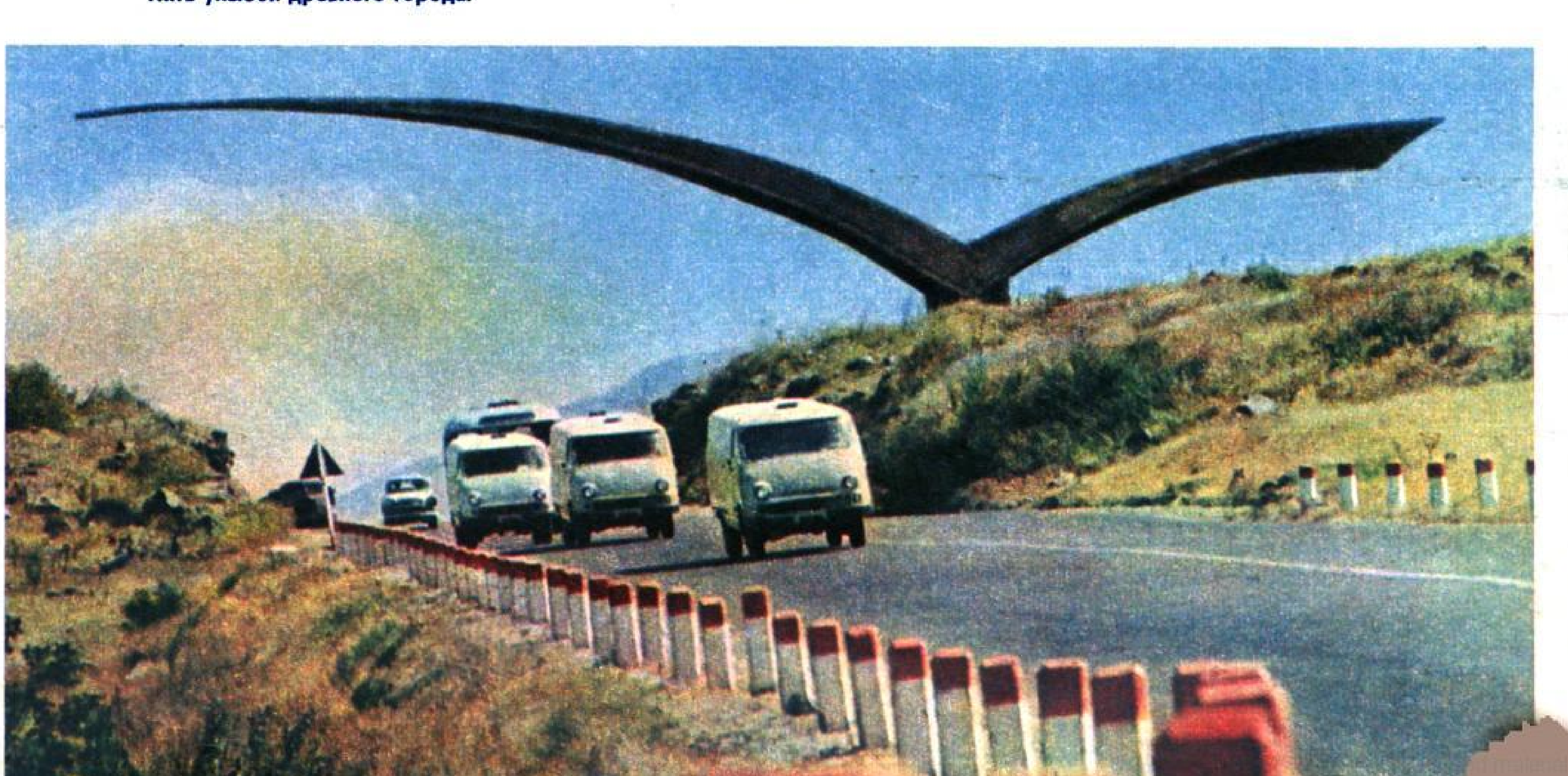
«Лебединое озеро» на площади Ленина.



Столица тянется ввысь.

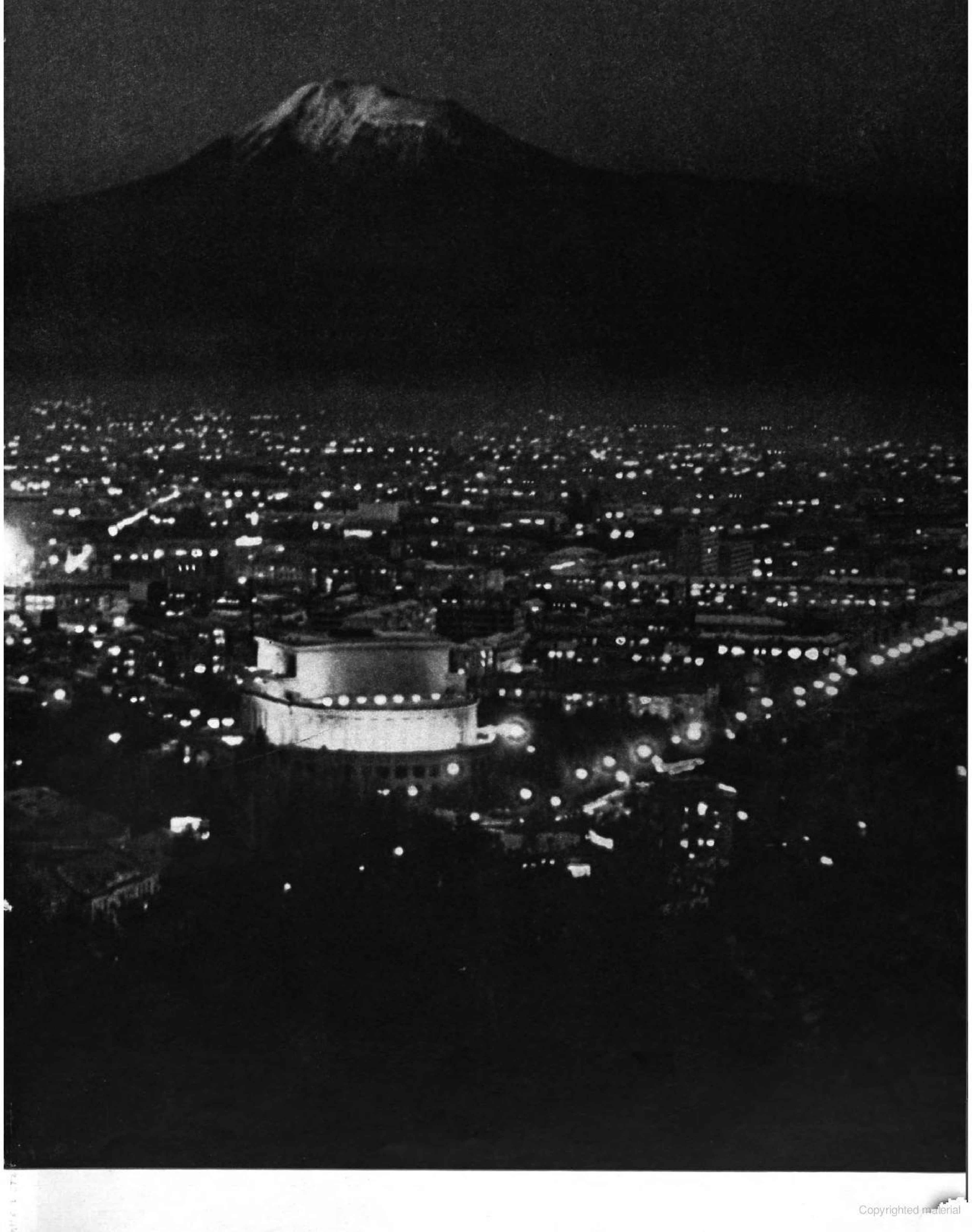
Фото И. Тункеля.

Пять улыбок древнего города.



Сделано в Ереване...

Воинственный царь Аргишти основал этот мирный город.



Археолог Сурен Саркисян ведет раскопки Эребуни.

Вечна память народа.

новник Мордовцев писал: «Глиняные дома с глиняными плоскими крышами, глиняные улицы, глиняные площади, наконец, глиняные окрестности — все глина и глина».

Сохранился очень интересный документ — «Смета доходов и расходов гор. Эривани на 1901 год». Конечно, смешно сейчас даже сравнивать сегодняшний бюджет города с тогдашним. Но просто прочесть эту аккуратно изданную, большого формата книгу очень любопытно и полезно. Доходы в 1901 году шли: с трактиров и заведений по производству и продаже спиртных напитков (самые крупные статьи), с извозного промысла, с городского выгонного пастбища и огородного места, с городских зданий — будки в Колюбакинском сквере, с пяти лавочек при сторожке Английского сада (это тот самый парк, где стоит драматический театр имени Сундукяна). Еще в статье доходов — сборы за право стоянки скота и хранения сена на городских площадях, плата за пользование городской сточной канавой и т. п.

На что шел городской бюджет? Прежде всего на расходы по управлению — 65% (сейчас 0,7%). Городской голова получал в год 5 тысяч рублей, а на стипендии и плату за обучение по городу тратили 250 рублей. Статья «Эриванскому полицмейстеру на усиленные по городу разъезды» составляла 300 рублей — это столько же, сколько обозначено в статье «Общие меры по распространению образования среди городского населения: содержание общественных библиотек, читален, музея, картинной галереи, издание народных книг и т. п.».

На следующий день после той памятной прогулки, которую мы совершили с Григорием Ивановичем Асратяном, я поехал в Дом-музей Хачатура Абовяна. Когда-то село Канакер было за чертой города. Сегодня его трудно назвать селом. Это район Еревана, расположенный на возвышенности, как бы на краю чаши, в которой лежит центр города.

На изгибе улиц за аркой — музей и рядом старый, подслеповатый дом. Глиняные полы, пестрые покрывала, медная утварь. Тондир для хлеба, маслобойка, камень-фильтр, через который очищали питьевую воду. Для старого Еревана это был, наверное, хороший дом.

...Запах яблок из кладовой, последние осенние розы во дворе. Несрезанные, чуть привядшие грозди винограда.

Отсюда юноша Абовян уходил в далекий мир — в Россию, чтобы познать мудрость, чтобы вдохнуть воздух прогрессивных идей. Абовян учился в Дерптском университете, воспитавшем много замечательных деятелей русской культуры. И сейчас музей поддерживает тесные связи с Тартуским университетом, с Тарту, с Эстонией.

Кровная связь Армении с Россией, со всей нашей страной вдохновляла тех, кто создавал и оформлял Музей Хачатура Абовяна.

Если перейти через площадь, то на обрыве, на пороге широких пространств, недавно установлен памятник-родник. Он как рама для бесконечно изменчивой картины горной страны, для снежно-белого Арарата. Две гнутых струи текут в одну чашу. И надпись: «Как этот родник и как Арарат, пусть будет вечна дружба армянского и эстонского народов, начало которой положил Хачатур Абовян».

Я вспомнил про дом Хачатура Абовяна, когда был в необычном музее, который совсем недавно открылся в Ереване. Музей-квартира композитора А. А. Спендиарова. Один из его создателей и директор — композитор Владилен Бальян с превеликой тщательностью собирает все, что говорит о многочисленных связях Спендиарова со всей нашей многонациональной культурой. Владилен Бальян справедливо считает, что в этом неразрывном единстве громче и своеобразнее звучит ярко национальная классическая музыка Спендиарова.

Каждое воскресенье в половине восьмого вечера в маленький сквер перед музеем собираются слушатели. Звучит запись «Ереванских этюдов» Спендиарова. В дни празднования 2750-летия города — а они совпадают с днем рождения композитора — здесь будет дан камерный концерт. И это станет традицией. Со временем в доме оборудуют небольшой концертный зал, а в прохладном подвальчике — кафе. Поклонники серьезной музыки (а таких множество в городе) станут собираться здесь.

Музей шагнет на улицу, активно включится в духовную жизнь города. Так в нашем разговоре возникает большая, важная тема: «Город и человек».

Возраст Еревана — 2750 — я бы разделил на две части: 2702 и 48, учитывая, что Советская власть в Армении установилась 48 лет назад.

Наши отцы получили в наследство город глинобитных домишек, несколько десятков двухэтажных зданий, пыль, лихорадку, плохонький водопровод. И вот меньше чем за полвека, на памяти одного поколения, встал совершенно новый город!

Ереван в советское время рос непредвиденными темпами. Видный зодчий академик Александр Таманян в 1924 году создал первый план реконструкции города — с учетом 150-тысячного населения. Тогда многие смотрели на этот план, как на фантастику. Но в 1939 году в Ереване жило 204 тысячи. Послевоенный план реконструкции предусматривал к 1965 году 450 тысяч населения, но сегодня, в 1968 году, население города около 750 тысяч!

Ереван — город промышленный. Электромашины и гидронасосы, алюминий и различные станки-автоматы, вычислительные машины и автомобили, кабель и автопокрышки, синтетический каучук и передвижные электростанции. Этот список можно далеко продолжить.

Ереван — город науки: 7 тысяч научных сотрудников, развитая сеть научно-исследовательских институтов — отраслевых и академических. Обширный спектр исследований — от физики элементарных частиц и астрономии до проблем использования армянского камня и разведения сельскохозяйственных растений.

Ереван — город культуры, город художников, архитекторов, скульпторов, поэтов, музыкантов. И вместе с тем это город молодежи. 258 тысяч учащихся. Каждый третий в городе.

Обо всем этом говорится не для похвалы, хотя есть все основания гордиться нашими достижениями. Говорится для того, чтобы стали яснее масштабы нашего роста. В прошлом году построено школ на 17 тысяч мест. Несмотря на эту внушительную цифру, нам нужно строить в год в два раза больше.

Мы говорим о крупном промышленном потенциале Еревана. Но и здесь возникают серьезные проблемы. Так сложилось, что промышленность города расположена в южной его части. Основное население живет на севере и северо-западе. Каждое утро и каждый вечер в этих направлениях надо перебросить огромные массы людей.

Мы всесторонне изучали эти вопросы, привлекая на помощь ученых, вычислительную технику. В последние годы проложены широкие магистрали север — юг. В северных жилых районах разворачивается «промышленность без отходов»: точное приборостроение, вычислительная техника, предприятия легкой промышленности. Но этого мало. Научные расчеты показывают, что развивающемуся городу совершенно необходим скоростной подземный транспорт.

Вот уже несколько лет идет осуществление последнего (по счету!) плана реконструкции Еревана. Этот коллективный труд «Ереванпроекта» рассчитан на город, в котором будет жить миллион человек в 1980 году. Главная цель плана — дать направление развитию столицы Армении на многие годы вперед; не разрушая сложившегося облика, вписать в него новые архитектурные и планировочные решения. Речь идет не просто о строительстве большого города, а именно столицы.

Чтобы помочь читателям «Огонька» представить себе, каким станет наш город, мне хотелось бы совершить вместе с вами мысленную прогулку по Еревану, скажем, 1978 года.

...Завершено создание девяти самостоятельных районов, словно бы городов в едином городе. Завершено строительство ста искусственных озер. Климат в Ереване очень сухой, водные поверхности смягчают его. Сомкнулся кольцевой бульвар — зеленое ожерелье, охватывающее центр города, стометровой ширины полоса с кафе, теннисными кортами, концертным залом, прохладными озерами, тенистыми уголками, с памятниками великим людям Армении, с изумрудными лужайками, на которых уже сейчас ереванские скульпторы выставляют свои новые работы. Это стало хорошей традицией: не держать их у себя в мастерской, а выносить на суд города.

Вдоль кольцевого бульвара, который создается по проекту Ф. Дарбиняна, на большом расстоянии друг от друга встанут 20—25-этажные дома-башни. Они внесут современность в облик Еревана, подтянут его вверх, как пунктир, подчеркнут очертания бульвара, дадут силуэту города новые акценты. Вместе с тем высотные здания не заслонят очертания родных гор.

Будущий центр города — это не отдельная площадь, а Главный проспект с целой системой площадей и улиц. Он начнется у пятисотметрового тоннеля, идущего из Разданского ущелья. Линией 8—12-этажных домов он коснется центральной площади Ленина, включит в себя теперешнее здание Исторического музея и будущую Государственную картинную галерею Армении и уйдет до пересечения с Кольцевым бульваром — туда, где встал обширный спортивный комплекс.

От Главного проспекта на юг, через площадь Ленина, по бульвару, где сегодня бьют 2 750 фонтанов, протянется до реки Раздан административная артерия города. Сразу за Разданом, у созданного сейчас Ереванского моря, раскинется обширная зона отдыха.

Одна из важных частей этой зоны — Исторический и этнографический музей под открытым небом. Сюда из недоступных горных мест будут свезены замечательные образцы древнеармянской скульптуры и народного зодчества.

Сейчас собраны первые экспонаты музея: доисторические пиктограммы, каменная стела IV века, средневековые кресты-камни — хачкары, изумительное кружево, вырезанное на туфе или базальте. Парк-музей будет заложен в дни празднования 2750-летия Еревана.

Многочисленные и многонациональные гости в дни празднования нашего славного юбилея увидят новый, быстро развивающийся город. Это результат братской помощи Москвы, всех союзных республик, итог огромной созидательной работы, которую проводят партийные и советские организации Армении. Сам народ бережно держит наш город на своих огромных ладонях и любовно его украшает.

...Я прилетел в Ереван незадолго до начала юбилейных торжеств. Утром позвонил друзьям, и по уже установившейся традиции мы отправились бродить по городу.

Прекрасен Ереван осенью, когда жара спадает, но розовые стены города еще помнят ее горячее дыхание. Осень в Ереване — пора винограда и персиков, время, когда поспевают полотна в мастерских художников — как раз к выставкам, когда весело звенит долото или молоток — дарах — в руках мастеров, которые вместе со скульпторами переводят в камень то, что было сначала эскизом, потом небольшой глиняной или гипсовой статуэткой и вот теперь просится на улицу, на площадь.

В мастерских художников мы долго рассматриваем новые работы Манука Грдиана, Минаса Аветисяна, Акопа Акопяна. Очень разные по своей манере, они полны философских раздумий о главных ценностях, которые пронес армянский народ через свою многовековую историю.

Мы едем к Ервању Кочару, создателю знаменитого памятника Давиду Сасунскому. Кочар недавно закончил своего Вардана Мамиконяна, я видел — пока еще в гипсе, но в натуральную величину — этого яростного всадника, летящего на быстром, как мечта, коне.

Ерванд Кочар, горячий и бурлящий, как лава, потащил показывать свою новую работу — Александра Сергеевича Грибоедова. Поэт изображен в распахнутом на груди халате, с книгой в руке, другой рукой изящным и благородным движением он касается лба. На лице — печать мудрости и одновременно грусти человека, познавшего горе от ума.

Казалось бы, недавно был я последний раз в Ереване, но за это время на окрестных холмах поднялись сразу три монумента: пятидесятиметровый, посвященный 50-летию Советской власти, осеняющая город фигура Матери Армении и шпиль памятника жертвам резни 1915 года — острый, словно колющий небо.

С Арой Арутюняном мы увиделись у музея Эребуни, выстроенного перед холмом Арин-Берд. Ара Арутюнян сделал из красного октемберянского туфа барельефы для музея. Трудно было поверить, что совсем недавно музея еще не было — я помню, мы поднимались здесь с Григорием Ивановичем Асратяном. Тогда лишь птицы порхали по склону.

Город не просто скопление домов, сочетание улиц. Не просто место, где люди живут и работают. Город — великий зодчий духовного мира, незаметно, ненавязчиво, глубоко проникающий в сознание человека, формирующий его вкусы и ответственность.

Воспитать человека, любящего свой город, родную землю, патриота и гражданина — вот о чем думают ереванцы, прокладывая новую улицу, разбивая новый сквер, устанавливая новый горельеф на стене дома, скульптуру в парке, мозаику на фасаде, памятник славным людям и их большим делам.

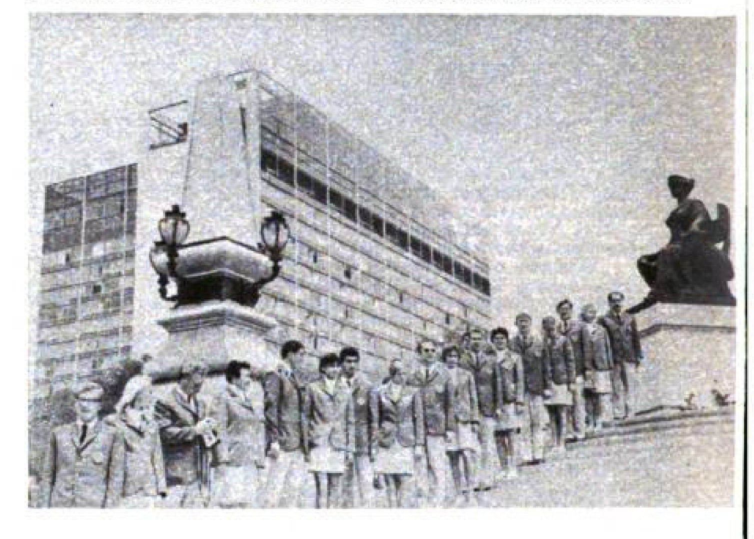
Сейчас Еревану 2 750 лет, но уже бегают по его улицам те самые ребятишки, которые как полноправные граждане будут праздновать 2800-летие города. Об этом надо помнить всегда.

В этом доме живут советские спортсмены.

Вот она, одна из спортивных арен Мехико, стадион «Ацтека».
Фото ТАСС и ЮПИ.

Олимпийские медали ждут...

У памятника героям борьбы за независимость Мексики.



ОЛИМПИЙСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

В. ВИКТОРОВ, специальный корреспондент «Огонька»

«Существует такое выражение: олимпийское спокойствие. Оно олицетворяет высшую невозмутимость, полнейшую сдержанность всех чувств, бесстрастность суждений. Но можно ли сохранять олимпийское спокойствие в преддверии зимних и летних Олимпийских игр? Нет, слишком велика наша заинтересованность в успешном выступлении спортсменов СССР и в Гренобле и в Мехико»...

Такое редакционное вступление было опубликовано в третьем номере «Огонька» за 1968 год, и после него рубрика «Олимпийское беспокойство» стала систематически появляться на страницах журнала. Сперва мы знакомили наших читателей с зимними видами спорта, а после завершения Белой олимпиады во Французских Альпах перенеслись в столицу летней олимпиады — Мехико.

За это время мы узнали, как готовятся к борьбе на XIX Олимпийских играх легкоатлеты, баскетболисты, яхтсмены, гимнасты, боксеры, штангисты, пловцы... Мы познакомились с главными их соперниками — спортсменами из многих стран, узнали заботы врачей и тренеров, те трудности, которые ждут олимпийцев. И вот в дни, когда этот номер «Огонька» выйдет в свет, над Мехико вспыхнет олимпийский огонь и представители девяти видов спорта из восемнадцати, входящих в программу олимпиады, начнут борьбу, к которой они так долго и так тщательно готовились.

В современном спорте на одном энтузиазме, на одном эмоциональном взрыве, на одном страстном желании победить далеко не уедешь. Современный спорт — это неустанные творческие поиски все более совершенной техники, все более высокой спортивной формы. Именно этот труд, скрытый от глаз даже самых искушенных болельщиков, позволяет в конечном счете достичь и рекордных высот и самой высокой ступеньки пьедестала почета.

В современном спорте даже болельщику одним энтузиазмом не обойтись. Он должен знать многое, чтобы ясно представить себе то, что будет происходить на олимпийских аренах, вне зависимости от того, будет ли он наблюдать за борьбой с трибун стадионов «Эстадио Олимпико», «Университариос», «Ацтека», или станет пользоваться голубым экраном телевизоров.

XIX Олимпийские игры открываются 12 октября в час дня по мексиканскому, или в четыре часа утра по московскому времени, а на следующий день олимпийское беспокойство, которым жили спортсмены и болельщики,

сразу же достигнет большого накала. Ну что же, это — благородное, творческое беспокойство, без которого невозможно движение вперед! Никогда еще за всю историю олимпиад не проходили они в столь трудных условиях, и соответственно никогда еще не была так сложна подготовка к стартам. Ведь борьба развернется на высоте 2 240 метров, а влияние среднегорья на человека, живущего на уровне моря, до сих пор окончательно не изучено. Вот почему олимпийское беспокойство первыми выразили сами мексиканцы. Еще до XVIII Токийской олимпиады, как только была избрана столица следующих, XIX Олимпийских игр, мексиканцы бросили лозунг: «1968 год начинается сегодня». И все эти годы рядом со спортсменами и тренерами работали врачи, биохимики, физиологи, психологи, устанавливая секреты адаптации — приспособления человеческого организма к высоте. На двух «малых олимпиадах», как окрестили олимпийские репетиции в Мехико, проверялись взгляды и выводы ученых. И все же единства достигнуто не было. Так, например, ученые не смогли решить, где же лучше тренироваться пловцам: в условиях среднегорья или на уровне моря. Наши пловцы избрали первый вариант, американцы — второй. Кто прав, решит Мехико.

Мехико рассудит! Но разве от этого наше беспокойство уменьшается? Или, может быть, оно смягчается от мысли, что после мексиканских испытаний в конечном счете весь спорт шагнет вперед? Конечно, это так, но подобная рассудительность придет, видимо, ко всем нам лишь в конце октября, когда погаснет олимпийское пламя и XIX олимпиада отойдет в область истории.

Отдых после тренировки в олимпийской деревне. В. Козырь, Л. Жаркова, В. Сапея, Н. Бурда, Н. Иванов.

Как быстро проносятся олимпийские четырехлетия! Кажется, совсем недавно советские спортсмены дебютировали на XV Олимпийских играх в Хельсинки и сразу же добились выдающихся успехов, завоевав 67 олимпийских медалей, в том числе 22 золотых. Еще через 4 года — новый шаг вперед, на этот раз в Мельбурне: 98 медалей, из которых 37 золотых,— а из Рима были увезены уже 103 медали, и притом 43 золотых!

Конечно, после такого триумфа Токийская олимпиада разочаровала многих. 96 медалей и всего 30 золотых казались чуть ли не шагом назад. А вот сейчас перед Мехико мы можем лишь мечтать о таких итогах, и не потому, что стали слабее, чем были в Токио. По общему признанию, советская сборная стала сильнее в главных своих звеньях — помолодели и окрепли команды легкоатлетов, гимнастов, пловцов. Многих славных побед за эти четыре года достигли баскетболисты, штангисты, борцы, фехтовальщики. Но процесс, начавшийся в мировом спорте после триумфальной для нас олимпиады в Риме, стремительно развернувшийся затем в Токио, грозит еще больше расшириться в Мехико. Процесс этот — бурный подъем спортивного мастерства во многих странах и в первую очередь европейских. Видимо, безвозвратно канула в вечность эпоха гегемонов, и ныне драгоценнейшие олимпийские трофеи будут все больше распыляться среди спортсменов всех пяти континентов. Конечно, как и прежде, главным нашим соперником в борьбе за командную победу остается команда США, у которой мы уже трижды выигрывали первое место на олимпиадах, но все большую роль начинают играть спортсмены ГДР, ФРГ, Франции, Венгрии, Польши. Все лучше выступают атлеты африканских стран.

Да, удивительные изменения происходят на наших глазах в мировом спорте. На I Олимпийских играх 1896 года в Афинах приняло участие 285 спортсменов из 13 стран. На XV олимпиаду в Хельсинки приехало 4 952 спортсмена из 69 стран. В Мехико возьмут старт 7 726 человек из 112 стран земного шара!

А разве можно не удивляться стремительному росту мировых рекордов, особенно разительному именно в нынешнем олимпийском году? Сколько уже лет идут разговоры о пределах в спорте, а сильнейшие каждый раз опровергают эти теории.

Среди мировых рекордсменов видим мы и наших спортсменов. Нет никакого сомнения, что в ряду выдающихся результатов, достигнутых по пути в Мехико, один из самых фантастических принадлежит советскому копьеметателю Янису Лусису. В одном из первых же сообщений из Мехико мы снова слышим имя Лусиса. На первой же тренировке он метнул копье под сто метров, превысив почти на 10 метров свой мировой рекорд. Копье перелетело все футбольное поле и разбилось о скалу. Корреспонденты сообщили, что этот бросок вызвал панику у других метателей, но Лусис их успокоил, сообщив, что на тренировке пользовался женским копьем, которое легче на двести граммов. Однако Лусис не упомянул о том, что это копье при дальних бросках требует еще более филигранной техники, чем копье восьмисотграммовое — мужское.

Нам понятно то олимпийское беспокойство, которое испытывают соперники Яниса Лусиса. Ведь и мы озадачены последними сообщениями. Уже в канун олимпийских стартов стало известно, что спортсменка из ГДР Маргитта Гуммель на 20 сантиметров побила мировой рекорд в толкании ядра, принадлежащий Надежде Чижовой, что финский штангист полутяжелого веса Каарло Кангасниеми расправился с феноменальным рекордом нашего Яна Тальтса, а венгерский метатель молота Дьюла Живоцки, не показавший за последние три года высоких результатов, улучшил свой мировой рекорд, задав трудную загадку чемпиону Токийской олимпиады Ромуальду Климу...

Так мы еще раз могли убедиться, что значит широкий рост спортивного мастерства. Да, XIX олимпиада началась значительно раньше 12 октября, и творческое беспокойство тяжелым грузом легло на плечи атлетов. Нетрудно представить то психологическое напряжение, которое они сейчас испытывают там, в далекой мексиканской столице! А ведь многим еще долго ждать своего часа и после того, как будет объявлено об открытии XIX Олимпийских игр. Перед нами лежит олимпийская программа — длинная, как мексиканская улица Инсурхентес, протянувшаяся на 32 километра с севера на юг, через весь огромный город. И так же, как высятся над Мехико два гигантских близнеца — горные вершины Попокатепетль и Истаксиуатль,— так над олимпийской программой высятся два спортивных пика: легкая атлетика и плавание. Под сенью этих гигантов (в легкой атлетике разыгрываются 36 комплектов призовых медалей, в плавании — 29) располагаются все остальные виды спорта, входящие в олимпийскую программу.

Хорошо легкоатлетам: они первыми вступают в борьбу, но ведь программа соревнований бегунов, прыгунов и метателей так обширна, что продлится целую неделю и Надежде Чижовой придется шесть дней ждать своего часа. Только 19 октября в 10 часов утра толкательницы ядра начнут предварительные соревнования с тем, чтобы разыграть финал лишь на следующий день. Спринтеры начинают XIX олимпиаду. Но эстафета 4 × 100 метров будет разыграна лишь 20 октября, и всех нас волнует вопрос, как справятся с лихорадкой ожидания наши молодые бегуны Алексей Хлопотов, Евгений Синяев, Николай Иванов и Владислав Сапея, на которых мы возлагаем такие большие надежды. А как важен будет их успех для психологического настроя всей нашей олимпийской команды!

Невозможно перечислить все события, которые ожидают нас на великолепном университетском стадионе, отданном легкоатлетам. Поэтому мы ограничимся перечислением лишь тех выступлений, которых ждем с особым волнением и особыми надеждами. 14 октября возьмут старт ходоки на 20 километров, на следующий день в борьбу вступят пятиборки; 16 октября Лусис начнет борьбу за золотую медаль в метании копья, а Виктор Кудинский — на дистанции 3 000 метров с препятствиями. Затем придет час скороходов на 50 километров, прыгунов в длину, а 19 октября завершат свой двухдневный путь десятиборцы.

Сколько же волнений ждет всех нас на университетском стадионе! Но его стенами, украшенными фресками и мозаиками знаменитого мексиканского художника Диего Ривера, конечно, не ограничивается мера нашего беспокойства. Ведь вместе с легкоатлетами берут старт штангисты, современные пятиборцы, которыми мы по праву гордимся, баскетболисты и волейболисты, яхтсмены. А вслед за ними выйдут на дорожки фехтовальщики и велосипедисты...

Особенно трудным будет для нас день 18 октября. Читаем в программе: «Легкая атлетика. 15.30. Мужчины — прыжки в длину. Финал... Тяжелая атлетика. 16.00. Полутяжелый вес». Игорь Тер-Ованесян и Ян Тальтс. Две наши золотые надежды возьмут в этот день старт почти одновременно. Как же успеть и на стадион и в зал «Инсургентес»? Как увидеть и невесомый прыжок и взлет тяжелой штанги? К этому еще прибавляется и плавание. (Пловцы возьмут старт 17 октября и сразу разыграют эстафеты, а на следующий день состоятся финал женских прыжков с трамплина и полуфинальные заплывы вольным стилем на 100 метров и брассом). А борцы и гребцы? Разве их борьба будет менее захватывающей?.. И только после этого перед нами возникнут две новые спортивные вершины, и под их сенью пройдет вся вторая олимпийская неделя.

Эти вершины — бокс и гимнастика.

Не раз советские гимнасты завоевывали олимпийское золото. Вспомним Виктора Чукарина, Бориса Шахлина, Марию Гороховскую и Ларису Латынину, победителей трех олимпиад. Вспомним, что на четырех Олимпийских играх советские боксеры завоевали 26 медалей, из них 7 золотых. Фамилии таких великолепных мастеров ринга, как Владимир Енгибарян, Геннадий Шатков и Валерий Попенченко, до сих пор повторяют любители бокса во всех странах мира.

Знакомясь с программой боксерских поединков в Мехико, я вспомнил о своей последней встрече с чемпионом Токийской олимпиады во втором среднем весе Валерием Попенченко. Она произошла в спортивном музее, который находится под трибунами большой спортивной арены в Лужниках. Там среди драгоценных серебряных и хрустальных кубков, завоеванных на всех спортивных широтах, мое внимание привлек серебряный кубок, подлинное произведение ювелирного искусства. Табличка сообщала, что этот переходящий приз получил Валерий Попенченко как лучший боксер Токийской олимпиады.

— Полюбуйтесь,— сказала мне дежурная музея,— скоро мы будем прощаться с Попенченко. (Она так и назвала кубок именем его владельца.) Отправляем его в Мехико, и, как знать, вернется ли он к нам обратно?..

В этих словах пожилой женщины — хранительницы нашей спортивной славы — звучало знакомое олимпийское беспокойство. Да, с первого до последнего дня олимпиады будет оно будоражить души советских людей — рядовых болельщиков, спортсменов и их тренеров. С первого дня, когда увертюру разыграют быстроногие спринтеры, и до последнего, когда финал исполнят неутомимые марафонцы. Такова внутренняя гармония олимпийской партитуры, с которой нам предстоит познакомиться теперь уже не на бумаге, а на спортивных аренах Мехико. И нам остается лишь одно: усмиряя олимпийское беспокойство, надеяться на то, что музей спортивной славы в Лужниках скоро украсится новыми победными экспонатами. Для этого у нас есть все основания. Советские спортсмены готовы к борьбе.

Москва — Мехико.

Преображенская церковь.

М. БАБИКОВ

Фото М. Савина.

Богат русский Север постройками из дерева, которые как будто вышли к нам из былин и сказок. Диву даешься, когда смотришь на красоту пропорций деревянных домов и церквей. Кому случается попасть в Кижи, тот невольно останавливается, пораженный творением рук народных мастеров. На маленьком островке вблизи северного побережья Онежского озера, у входа в губу Великую, выстроился целый музей под открытым небом. До поры до времени молва о нем не уходила дальше ближайшей округи. Но прошло время — оглянулись люди и с удивлением заметили: сколько же редкостного, необычайного построено на старорусской земле руками мастеровых в давние годы.

Откуда произошло название Кижи? Рассказывают, что у давних обитателей этих мест было сходное по звучанию слово. И означало оно игрища — место. где веселятся и развлекаются люди. У нас в селе такое место празднеств, хороводов, больших веселых гуляний называлось горкой. На горке же состязались в силе и ловкости. Кижи тоже были большим игрищем, местом молебствий и сборищ.

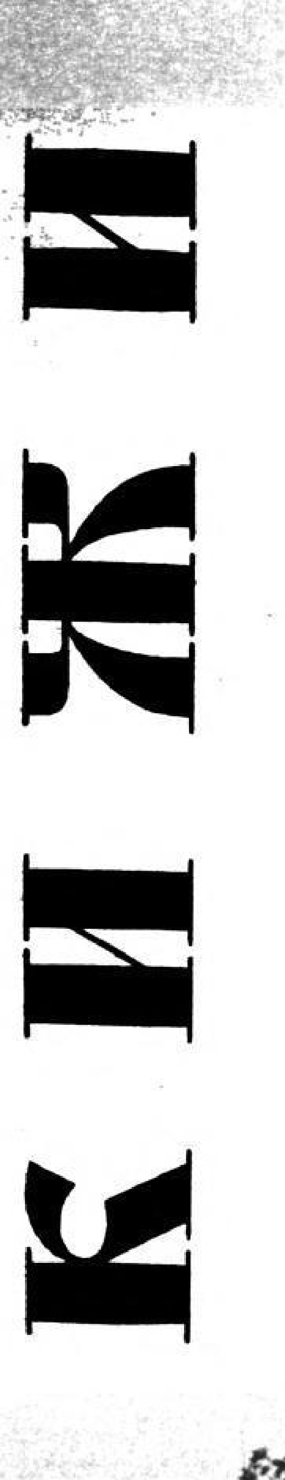
Столетиями крохотный островок, на котором раскинулись Кижи, шумел многолюдством.

...Наш рейсовый теплоход, резко кренясь то на один, то на другой борт, то замедляя ход, то вновь набирая скорость, делает многочисленные повороты по проливам и протокам, крутится возле невысоких каменистых островков. По правому борту остался Большой Климецкий остров.

Не успел штурвальный взять право руля, чтоб повернуть в Сенную губу, как прямо по курсу за островком, покрытым мохнатой лесистой шапкой, всплыл и отчетливо обозначился на серовато-свинцовом осеннем небе летучий корабль. Да, корабль, хотя я и знал, что это не корабль, а Преображенская церковь в Кижах. Когда смотришь издалека, островок как бы приподнят над водой на горизонте, а над ним полощет многочисленными парусами, распластав их по ветру на мачтах и реях, старинный фрегат. Так и кажется, что попутный ветер гонит судно по озерному простору. Это сходство собора со сказочным парусником, видно, входило в замыслы зодчих, воздвигнувших на островке приметный ориентир для мореходов.

Заонежье — родина потомственных мореходов, предприимчивых открывателей дальних земель. Судьба жителей здешних мест издревле связана с водой. На лодчонках-ушкуях, на ладьях и шнягах, под парусами и на веслах, пешим, бурлацким ходом с бечевой ходили они по бесконечным озерам и рекам, протокам и каналам. Отправлялись и в дальние края, плавали по морям, навещали заморские страны, доходили до холодных льдов, до Груманта.

Преображенская церковь стоит два с половиной столетия. И возве-



дена не из камня, а из обыденного на Севере материала — дерева, материала, кажись, не очень-то долговечного. Особенную нарядность придают собору двадцать две главы, крытые искусно выделанными под лемех осиновыми пластинками, которые от времени приобрели серебристый оттенок. Эти купола удивительно гармоничны, радуют глаз плавностью линий.

Какое вдохновение, какое умение владеть топором, какой глазомер и художественное чутье, какой поколениями воспитанный вкус надо было иметь мастерам, чтобы поднять над свинцово-синеватыми водами Онеги эти купола!

Посетителям Кижей рассказывают старинную легенду, которая и поныне бытует в тех краях. Говорят, долго строил мастер это свое детище. А когда закончил и отошел подалль, чтобы посмотреть на дело рук своих, то дух у него занялся, и от переполнившей его радости не смог он сказать ни слова. И, пораженный своим творением, пошел он тогда к берегу озера и бросил в его глубокие воды свой топор, сказав при этом, что больше он ему не нужен, второй такой чудо-храм построить он уже не способен, пусть один он и останется радовать людей своей красотой и поражать их искусством рук мастерового человека.

И верно, без своего топора не смог бы мастер вновь приняться за дело — топор-то был его главным помощником. Топором он срубил собор из здешней звонкой сосны, срубил его в лапу, и скреплять его не потребовалось ни гвоздями, ни болтами.

Рядом с Преображенской другая — Покровская церковь. Она моложе на полстолетия. Всем своим обликом скромнее, беднее, чем ее знатная старшая сестра. Ее новый строитель не дерзнул конкурировать со своим предшественником. Да и трудно было его превзойти. Но она дополняет красоту своей старшей сестры.

В обеих церквах богатейшие иконостасы. Немало там довольно редкостных, старинного письма икон. Иконостас Преображенской церкви настолько роскошен, раззолочен и так по-купечески выставляет напоказ свое богатство, что как-то даже не вяжется с общим скромным убранством церковных помещений, с простыми гладкотесаными стенами, с широкими лавками вдоль стен, с низковатыми одностворчатыми дверями из массивных досок. Это впечатление драгоценного украшения на простом, повседневном платье усиливается еще и оттого, что после утраты во время войны многих старинных икон оказался совсем оголенным некогда искусно расписанный купол церкви. Теперь он покрыт простыми, гладко выструганными досками. Сохранились лишь тябла, обрамлявшие эти иконы по куполу.

Приглядишься к иконостасу Покровской церкви — и сразу видишь: этот — житейский, поближе к народу, а изображенные на иконах святые, чудотворцы и их сподвижники напоминают собой простых поморов, которые, видно, и служили прообразами иконописцам. Живописец писал то, что видел сам, изображал на иконах близких ему людей и понятные ему явления. Смотришь на икону «Зосима и Савватий» и видишь, как на житейных клеймах ее видны несущиеся по синим морским волнам под раздутыми парусами корабли. Там стоят деревянные крестьянские избы. Здесь мужики пашут землю, рубят лес. Разные бытовые сцены можно увидеть на этих иконах.

Меж двух церквей взметнулась в небо колокольня. Она хоть и повыше куполов Покровской, но дотянуться до верхушки Преображенской церкви все же не смогла. Контуры ее совсем просты, стены ровные. Устремленностью вверх, прямолинейностью стен и граней она еще более подчеркивает и усиливает вязь куполов Преображенской церкви.

На небольшом островке в Кижах поселилось целое семейство не только обрядовых, но и бытовых построек. Простую крестьянскую избу напоминает маленькая одноглавая Лазаревская церквушка. Заходишь в нее — и невольно думается, что предназначена она была для одиночек-отшельников.

Внешним убранством, размещением изб, горниц и светелок, хозяйственными службами, наружными украшающими оторочками запоминаются крестьянские дома. Это дом-усадьба, дом-двор под одной крышей.

Жили люди в холодном, ветреном, дождливом и снежном краю. И чтобы не ходить к скотине в непогоду через улицу, не держать домашние припасы в удалении и не таскать их на себе при ненастье, под общей кровлей старались собрать все нужное для жизни. Посмотришь на такой дом снаружи, заглянешь в его утробу со множеством закоулков — и сразу поймешь, сколь нужно было для частной житейской надобности строить такие дома. Просторные избы на большую семью, горницы для старших и для гостей, прохладные вышки-светелки для новобрачных, обширные кладовки-клети для солидных семейных припасов, хлевы и конюшни, а над ними сеновалы-повети, на которые можно заехать прямо с возом сена по накатнику-взвозу,— все это срублено в один общий четырехугольник без всяких прирубов и пристроек.

Поглядел я на такой дом, построенный «кошелем», полюбовался на галерею, опоясавшую передние стены резной оторочкой, посмотрел на повиснувший гнездышком у самого конька балкончик из затейливо выпиленных дощечек — и всплыли в памяти такие дома, рубленные мужиками в старину по всему нашему Северу. Так строили и в Беломорье, и на Двине, и по Мезени, и на обширной, раскатистой Печоре. В печорских краях такие дома были еще на моей памяти, кое-где сохранялись даже в тридцатые годы. Строили у нас дома «лицо в лицо». Стоял, помню, у нас и дом, построенный «вдоль по земле», как исстари называли такой порядок мои односельчане. Он не смотрел окнами в окна соседям, а повернулся к улице боком. К самым уличным мосткам спускалось высокое крыльцо из обработанных узорами тесин и вырубленных топором фигурок на толстых опорных столбах. Даже ступеньки на нем были рисунчатые. По окнам от конька крыши вдоль крайних досок по концу тесовой кровли вместо водосточного желоба — рубленные топором и сверленные коловоротом дощатые украшения. Только на деревянных ставнях простенький долбленый рисунок, раскрашенный красками. Потом, при колхозах, нужда в больших хозяйственных пристройках отпала, и они, совсем состарившись, уступили место нынешним аккуратным, рассчитанным на одну семью скромненьким домикам. А в Кижах вот стоят и по сей день.

Возводя Кижи, его строители не забывали о близости границы, о разбойничьих набегах воинственных соседей из-за моря. Оттого-то вокруг соборов поставлены высокие двойные деревянные стены и навалены между ними огромные камни-валуны.

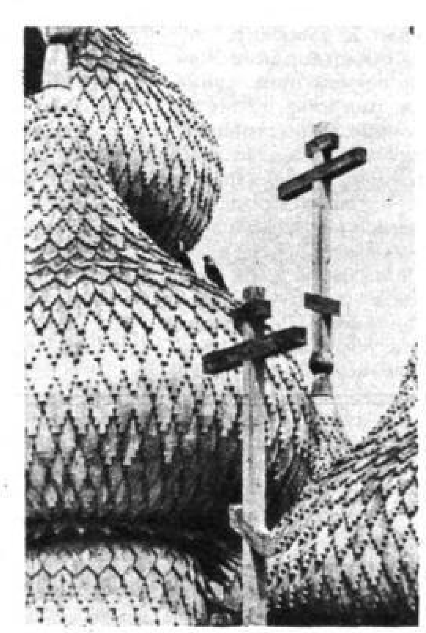
И поныне этот старинный церковный ансамбль выглядит небольшой крепостцой со сторожевыми башнями и наглухо запирающимися тяжелыми воротами. В давние годы стоял тут воинский дозор, а на месте нынешних соборов была крепость.

Историки свидетельствуют и изустные рассказы передают из века в век, как не однажды доводилось Кижам обороняться от вражеских нашествий, в долгой осаде отражать набеги чужестранцев.

Не остались Кижи тихим архитектурным заповедником даже в недавнюю военную годину, не обошла их война стороной. Невдалеке от крепостной стены сохранилось несколько безымянных могил. В народе ходит предание, что тут отдали свои жизни партизаны, казненные захватчиками.

Много безвестного о Кижах раскопали историки. Дознаются они и о тех, кто тут не склонил головы перед врагом. И тогда рядом с древними памятниками народного зодчества поднимется памятник народному мужеству. Как люди восхищаются трудами рук человеческих, так они будут поклоняться памяти верных своих сынов. Если канули в Лету имена строителей Кижей, то имена бойцов сохранятся для народа навеки.

Поздним вечером мы уходим из Кижей. Сквозь серую пелену дождя одиноко поблескивают на островке всего два-три огонька. А завтра смотрители и экскурсоводы музея встретят очередную партию экскурсантов.



Фрагмент Преображенской церкви.

Один из уголков Заповедника.

ДАЛЕКАЯ СТОРОНА

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Под вечер, после школы, сын приходил иногда в библиотеку, сидел в читальном зале, сидел в тишине, старался, как и другие, неслышно листать лежавшие на зеленом сукне длинного стола журналы, смотрел картинки, иногда тихо смеялся, найдя что-нибудь веселое в «Крокодиле»; а мать Александра Дмитриевна спускалась по временам из комнаты выдачи книг, смотрела издали на сына, делала ему строгие глаза, напоминая, что в читальном зале нельзя громко говорить или громко смеяться, и он подмигивал ей и тоже делал строгие глаза: неужели он не понимает, что здесь следует быть совсем тихим?

Уже давно, уже восемь лет, они жили вдвоем — мать и сын, и между ними было раз навсегда условлено, что отец уехал далеко, на Колыму, сколько пробудет там — неизвестно, и незачем спрашивать об этом. Но мальчик знал, что отец уехал навсегда, он — Сережа — все знал, только никогда не говорил об этом матери, и в школе один из учеников, сын столяра Мишакова, жившего в одном доме с ними, спросил раз с жесткой мальчишеской безжалостностью и при этом испытующе посмотрел на него:

— А почему твой отец бросил вас?

— Мой отец уехал на Колыму, он работает на золотых приисках,— ответил Сережа с достоинством.

Но Фотя Мишаков свистнул, сказал насмешливо:

— Ну, да. Вернется с золотом, наверно... тогда одолжи пятачок.

Все это было обидно, горько и обидно, однако, вернувшись из школы, мальчик ничего не сказал матери, только вечером, когда мать обычно доставала из почтового ящика на площадке лестницы вечерний выпуск «Известий», попросил вдруг:

— Мама, дай ключ от ящика. Может быть, есть письмо.

Он взял ключ, принес газету, ничего не сказал больше, и мать позднее спросила лишь:

— От кого это ты ждешь письмо?

— Просто так,— ответил он.— Мало ли кто может написать.

Но мать все же заподозрила что-то, ее сердце было ранено однажды, а раненое сердце не заживает, оно всегда сочится кровью понемногу.

Библиотека закрывалась в девять часов, и сын дожидался, когда мать кончит выдавать книги и класть обратно карточки в кармашки возвращаемых книг. Обычно, пока он ждал ее в читальном зале, мать приносила ему прочесть что-либо, Пушкина, Лермонтова или Гоголя, и он уже привык, что Пушкин со сложенными на груди руками, и Лермонтов с черными усиками, в гусарском доломане, и Гоголь с острым носом и длинными волосами с завитком на ушах встречают при входе в читальный зал и потом наблюдают, как он, Сережа Смольцов, читает «Песню про купца Калашникова», или «Вия», или «Сказку о попе и о работнике его Балде» и тихо смеется при этом. Мать приносила ему иногда бутерброд или яблоко, и он, пригибаясь, откусывал на уровне края стола по кусочку, а семечки от яблока аккуратно завертывал в бумажку.

В этот раз мать принесла стихотворения Жуковского, и сын, читая, как лесной царь сулит младенцу золото, перлы и радость, думал о том, что на руках отца и умереть не страшно, но вот уже восемь лет как ушел отец от них, и все дальше, туманнее становится тот, кто носил когда-то своего сына на плечах, подпрыгивал по временам, как конь, и тогда можно было захлебнуться от счастья...

Он попросил однажды мать дать ему том энциклопедического словаря на букву «К», сказал, что прочитал «Измаила-бея» Лермонтова и хочет побольше узнать про Кавказ; но в толстом томе на твердой, глянцевитой бумаге он отыскал прежде всего слово «Колыма», читал волнуясь описание ее природы, представлял себе тундру и бухту Амбарчик, леса́ из тополя и даурской лиственницы и реки со странными названиями: Балыгычан, Бахапча, Коркодон или Большой Анюй... Он видел эти реки, на которых намывают золото, видел туман над тундрой, и где-то на Колымской низменности или, может быть, в отрогах Юкагирского плоскогорья затерялся в тумане тот, без которого совсем глухо пошла их жизнь.

Александра Дмитриевна поставила ящик с абонементными карточками на место, сняла с себя синий рабочий халатик, вымыла руки и теперь снова стала домашней, в вязаной темно-синей кофточке, а потом и в шубке, уже старенькой, с вытертым беличьим воротником, и сын пообещал раз купить для нее со временем ту шубку, какую они видели в окне мехового магазина, сказал: «Куплю тебе такую шубку, а твоя уже совсем старая стала»,— и мать ответила: «Не по карману нам, сынок». Но если бы отец был рядом, может быть, шубка оказалась бы и по карману, и всегда вставало это, что без отца трудно им вдвоем, и пока еще он, сын, кончит школу, а потом какой-нибудь институт, столько воды утечет за это время...

Мать была невысокая, а он за последний год подрос, стал только чуть пониже ее, и мать взяла его под руку, и они шли рядом.

— Ну, что было у вас сегодня?— спросила мать, всегда знавшая, как прошел его день в школе.

— По-русскому четыре,— сказал он.— Но я не виноват. Написал слово «неохочий» отдельно, а нужно было с частицей вместе. Я просто подумал о человеке, который не любит охотиться. А Зинаида Лукинична сказала: «Надо вникать в смысл»,— но я старался вникнуть.

Конечно, было обидно, что именно по русскому языку у него неудача: мать всегда хотела, чтобы он учился чистоте и правильности речи по книгам, которые давала ему, а в последний раз дала «Муму» Тургенева, и он даже отер пальцем глаза, читая рассказ, но, конечно, в читальном зале никто не заметил этого.

— Надо вникать в смысл, Сереженька,— сказала мать мягко.— Русский язык велик и богат, самый богатый по оттенкам, самый трудный, но самый богатый.

Это он знал, Сережа Смольцов, знал еще тогда, когда задумал стать писателем и первый свой рассказ «Мы мчимся» сначала не показал матери, а потом показал, она прочла, сказала мягко, как всегда: «Надо у всех учиться и никому не подражать... а ты кому-то подражаешь»,— и он признался, что читал что-то похожее и захотел так же описать, как летишь на саночках с ледяной горы, не открыв, однако, что это был рассказ Чехова «Шуточка».

— Чтобы стать писателем, нужно не только научиться правильно писать на родном языке,— сказала мать еще.— Нужно прежде всего любить людей, о которых пишешь.

— А если не любишь их?— спросил он осторожно, подумав об отце, который, видимо, не любил мать и своего сына тоже не любил, если ушел от них.

— А если не любишь людей, то и писать о них незачем... ничего такого, что могло бы задеть читателя или заинтересовать его, не получится. Читателю нужно, чтобы писали про его чувства и мысли, и когда писатель пишет правильно о них, его любят.

— Как Пушкина?— спросил он.

— Может быть, не так сильно, Пушкин все-таки гений, но любят.

Он подумал тогда, что отец, наверно, не смог бы стать писателем, раз он не любит даже своих близких, но вместе с тем что-то тревожное и ранящее было связано с отцом, всегда было связано с ним, даже не любившим их...

— Конечно, это я только в первый раз написал так,— признал он неудачу своего опыта.— Теперь напишу что-нибудь, о чем еще никто не писал.

— Ладно, Иван Сергеевич,— согласилась мать,— или, может быть, Антон Павлович... ладно, мой писатель, пиши себе, может быть, и вправду найдешь что-нибудь хорошее и настоящее в жизни.

Мать никогда не выказывала своей слабости, даже тогда, когда им было очень плохо, она всегда старалась казаться ровной, выдавала читателям книги, советовала, какие прочесть, клала обратно карточки в кармашки, наклеенные с внутренней стороны на переплете, а новые книги лежали стопками, пока их не внесут в каталог. Никто из бравших или возвращавших книги не должен был ничего знать, что́ на душе у библиотекаря, и только иногда мать затруднялась подсказать, какую

книгу лучше выбрать: так часто то, что было написано в книгах, не совпадало с жизнью, не совпадало и с ее, Александры Дмитриевны, затаенными мыслями и тревогой, и все-таки самой неотступной была всегда тревога за сына. Конечно, мать влияет на сына, но наступит опасная пора, когда нужны мужское влияние и мужская рука, тогда пустота особенно обнаружится, и ни одной матери с ее чувствами не заменить отца с его пониманием созревающей души сына... Мать никогда не выражала этого, глубоко несла в себе, и между ними обоими было условлено, что не нужно ни о чем вспоминать, Колыма далеко, наверно, больше полусуток нужно, чтобы добраться на самолете до нее.

В квартире вместе с ними жили скрипичный мастер Авенир Сергеевич Юшков, тихий, задумчивый человек, и его жена, Елена Гордеевна, тоже тихая и сердечная, и всегда хотелось зайти в их комнату, посидеть возле Авенира Сергеевича, а он и дома всегда что-то мастерил и клеил, показывал дощечки из какой-то резонансной ели, которая идет для верхних дек скрипок, и казалось, что, если приложишь дощечку к уху, услышишь, как поет в ней будущая скрипка.

Елена Гордеевна понимала, почему мальчику так хочется посидеть возле мужского плеча, посмотреть, как действуют мужские руки, и доверительно побеседовать с Авениром Сергеевичем, как беседуют друг с другом мужчины.

Они вернулись из библиотеки домой, и мать пошла в кухню поставить на плиту чайник, а из комнаты Авенира Сергеевича было слышно, как он пилит что-то пилочкой или лобзиком; зайти в комнату Юшковых мальчик, однако, не решился, но Елена Гордеевна увидела его в коридоре, сказала: «Заходи, Сереженька»,— и он зашел в их комнату. На верстаке Авенира Сергеевича лежали стамески, а с края были зажаты в тисочки две склеенные фанерки, может быть, тоже из резонансной ели или из грушевого дерева, которое также идет для изготовления скрипок.

— Присаживайся,— сказал Авенир Сергеевич, и мальчик сел рядом с ним и стал смотреть, как тот тоненькой пилочкой выпиливает на дощечке прорезь, похожую на изображение параграфа.— Докладывай, какие успехи?

Авенир Сергеевич иногда по-отечески проглядывал его школьный дневник, говорил при этом: «Пятерка — это хорошо... нужно всю жизнь на одних пятерках прожить, хоть и не всегда удается. Однако все-таки нужно стараться стать душевным отличником»,— но что значит «душевный отличник», Авенир Сергеевич не пояснял, это означало, наверно, стать человеком достойным и справедливым и, уж конечно, не бросать близких, а жить всю жизнь с ними.

Было так горько и несправедливо, что отец оставил их, а он, сын, хотел гордиться своим отцом, как гордились другие мальчики, отец Миши Ступина был капитаном парохода, уходившего в далекие рейсы, в Кубу и Вьетнам, и Миша принес раз номер газеты «Водный транспорт», в котором писалось о подвигах наших моряков, в том числе и капитана Ступина. А отец Кима Карнаухова был физик, и Ким по временам загадочно говорил о расщеплении атома — понаслышался дома, и хотя его отец и не сам расщепил атом, но все же был причастен к этому; а ему, Сереже Смольцову, нечего было сказать о своем отце, который ушел от них, и приходилось говорить, что он на Колыме добывает золото, но Елена Гордеевна сказала раз матери на кухне, сказала тихо, однако мальчик услышал:

— Наверно, уже давно другая семья у него, не стоит и настраивать себя на лучшее... настроишь себя так, а потом и вовсе не оберешься горечи.

Мальчик смотрел, как Авенир Сергеевич выпиливает на деке прорезь, и Авенир Сергеевич сказал:

— Эти эфы в скрипке вроде легких... отсюда она вдыхает воздух, а выдыхает звук. Возьму тебя как-нибудь с собой в нашу мастерскую, посмотришь и альты, и виолончели, и контрабасы, некоторые из них на весь мир знамениты, но приходится иногда лечить их; а лечить только тогда можно, когда все секреты знаешь, у скрипок, скажем, Джузеппе или Пьетро Гварнери — один звук, а у Страдивари — другой, чуть погуще, эти скрипки и без смычка поют.

— Как без смычка?— спросил мальчик.

— Одной своей славой поют,— и Авенир Сергеевич, подумав, все же пояснил, как скрипки могут петь своей славой:— Есть люди — одно только их имя назови, и все знают, что это за человек, а в руки такое само не дается, потрудиться нужно, и по совести потрудиться, да без задоринки при этом.

На столе возле верстака лежали ручные часы Авенира Сергеевича, мальчик поглядел на них, отвел глаза, потом снова поглядел.

— У меня к вам большая просьба, Авенир Сергеевич,— сказал он с усилием.— Дайте мне на один день поносить ваши часы, я аккуратно, а завтра после школы верну вам.

— Зачем тебе это?— поинтересовался Авенир Сергеевич.

— Недавно один мальчик в нашем классе,

Гога Авакумов, хвастался, что ему подарили часы, а меня он задел при этом.

Он не объяснил, однако, как и чем задел его Гога Авакумов, и Авенир Сергеевич подумал всего одну минуту, нельзя было понять, о чем он думает, потом сказал:

— Возьми... это хорошие часы «Вымпел», меня наградили ими.

— Я завтра же после школы верну. Только не говорите ничего маме.

— Нашел болтуна,— даже несколько обиделся Авенир Сергеевич.— У нас с тобой мужские дела, и женщинам знать про них незачем.

Он дал ему часы, перед этим завел их, и мальчик запрятал часы в карманчик своей курточки, благодарно посмотрел на Авенира Сергеевича, но тот сделал вид, что занят своей работой.

Мать позвала пить чай, мальчик успел сказать еще: «Вы не беспокойтесь, Авенир Сергеевич» — и ушел, а Авенир Сергеевич посмотрел ему вслед, посмотрел грустно и скорбно, потом произнес вслух: «Отцы!» — и больше ничего не добавил.

Они сидели, пили вместе чай, как всегда, уроки он приготовил еще до того, как пошел в библиотеку, и мать спросила: «Что читал сегодня?» — она всегда, может быть, по привычке библиотекаря, спрашивала, что́ он читал.

— Взял одну книжку в нашей школьной библиотеке,— ответил он уклончиво.

— Какую же?— поинтересовалась она.

Ему принадлежал теперь ее письменный столик, а она пользовалась столом мужа, который одно время хотела продать, но потом все стерлось, или сгладилось, или даже ушло совсем, и только на сукне остался след чернил, пролитых когда-то мужем. Мальчик нехотя достал из ящика своего столика книгу, и мать, взглянув на нее, сказала: «Что ж, писатель неплохой»,— но сказала это как-то смутно, словно давно забыла роман Мамина-Сибиряка «Золото» и теперь старалась припомнить его содержание. Она ни о чем не спросила больше, и мальчик положил книгу обратно в ящик.

У них всегда был общий мир, и она знала все мысли сына, а теперь у него был уже свой мир, и многого она не знала, только догадывалась и глубоко задумывалась при этом. Сын ничего не сказал про часы Авенира Сергеевича и надел их на руку лишь на другой день перед школой. Он сел за свою парту, а рядом сидел Ким Карнаухов, отец которого был физиком, на первом уроке по арифметике нужно было решить письменную задачу, и хотя отец Кима был физиком, с арифметикой у Кима получалось плохо, и сейчас он искоса поглядывал, как сосед решает задачу. Сережа решил задачу, чуть сдвинул обшлаг рукава и посмотрел на свои ручные часы; посмотрел на них и Ким, ничего не спросил, а потом спросил:

— Откуда у тебя часы?

— Отец прислал. «Вымпел». Ни на минуту не отстают за сутки.

— Чего ты заливаешь,— сказал Ким, когда они сдали свои тетради.— У тебя нет отца.

— Дурак,— ответил Сережа, но совсем спокойно.— Мой отец — главный инженер на золотых приисках. Знаешь, какая у них там драга?— и он вспомнил, что́ прочел о драге в энциклопедическом словаре, а роман Мамина-Сибиряка взял в школьной библиотеке именно из-за его названия.

— Заливаешь,— повторил Ким, однако неуверенно: возможно, он даже и не знал, что такое драга.

— У них там и золотые жилы находят, такие самородки попадаются, что держись только. Наверно, отцу Героя Социалистического Труда присвоят... все-таки два ордена Ленина у него уже есть.

— А почему же все говорят, что отец бросил вас?— спросил Ким, но уже совсем неуверенно.

— Поменьше слушал бы,— посоветовал Сережа.

Во время перемены он ходил по коридору, изредка сдвигал обшлаг рукава, озабоченно поглядывал на часы, и некоторые одноклассники подходили и смотрели на его часы, спорили между собой, какие лучше — «Вымпел» или «Полет», а он снисходительно слушал их: это наградные часы, в свое время часами «Вымпел» награждали всех Героев Советского Союза, но отец подарил ему, сыну, чтобы он носил их; конечно, в школу он носить их не станет, только сегодня надел, потому что после школы он с матерью пойдет в фотографию сниматься: отец просил прислать ему снимок, а в Москву его пока не отпускают, сейчас с золотом горячка. В Советском Союзе добывают золота, может быть, больше, чем во всем мире, а на некоторых реках золота столько, что драга не справляется.

Он говорил это и видел Колыму с ее низменностью, плоскогорьем и реками, видел и отца, в полушубке и валенках, в Москве уже тает, а на Колыме еще глубокая зима, даурская лиственница вся в инее, а про тундру в словаре сказано, что есть тундры моховые и кустарниковые, есть и такие, на которых растут одни скользкие водоросли с грибами пополам, а отец и на оленьих и на собачьих упряжках поездил и сам умеет управлять ими... Ким Карнаухов уже верил немного в его отца, и Миша Ступин тоже верил, если отец прислал сыну такие часы, а на другой день Сережа принес кусок кварца, и все разглядывали блистающие прожилки в нем: это было золото, а кусок кварца хранился у матери еще с давних времен, когда отец привез его из первой своей геологической экспедиции, его, Сережи, тогда еще не было на свете. Он сказал матери, что учитель биологии просил принести образец кварца, в биологическом кабинете была и минералогическая коллекция.

— Можешь отдать в вашу минералогическую коллекцию,— сказала мать.— У нас он ни к чему, а это хороший образец золотоносного кварца.

Он был у них ни к чему, кусок кварца, который привез когда-то отец, уже давно не было отца, и что же хранить какие-то следы былого, нет и нет — и дело с концом. Но мальчик пожалел, однако, отдать кварц для школьной коллекции, держал его в ящике своего столика, иногда доставал и смотрел на золотые вкраплинки: он должен был принести их семье благополучие, золотоносный кварц, но обманул их и ничего не принес; и все же кварц был связан с отцом, и кто знает, может быть, отец еще вернется, войдет в их комнату, оглядит ее, скажет: «Как давно я не был здесь!» — и тяжесть свалится с души матери, а он, сын, будет стоять рядом с ней, готовый защитить ее, готовый и разделить ее радость.

— Ну, как, Сережик, поносил часы?— спросил Авенир Сергеевич.

— Да, спасибо. Ужасно удобно с часами. Всегда знаешь, когда кончится урок или перемена, а «Вымпел» лучше «Полета» это все говорят, а за что вас наградили часами?

— Поработал, потрудился, вот и наградили,— сказал Авенир Сергеевич скромно.— У них на оборотной стороне надпись есть.

И он показал совсем мелкую надпись на оборотной стороне часов: «А. С. Юшкову за трудовые усилия». А что это были за усилия — вылечил заболевшие скрипки, или разгадал секрет скрипичных мастеров из Кремоны, или сам Страдивари шепнул на ушко свою тайну, или просто на скрипках, которые изготовил на своем веку он, Авенир Сергеевич, играют сейчас десятки молодых скрипачей и побеждают на конкурсах, а за игру на одной из его скрипок действительно получила золотую медаль молодая скрипачка на конкурсе в Париже.

Но все это были лишь мысли скрипичного мастера, одни его мысли, а руки работали тем временем, что-то пилили и склеивали, и если щелкнуть ногтем по деке готовой скрипки, изнутри раздастся легкий гул, нежная вибрация, нежное содрогание души скрипки.

— Я сказал, Авенир Сергеевич, что это папины часы,— признался мальчик.— Вы не обижайтесь, пожалуйста, ведь, может быть, папу тоже наградили такими часами... на Колыме многих, наверно, награждают.

— Очень может быть,— отозвался Авенир Сергеевич.— Вообще, Сережик, не знаем мы, где теряем и где находим и что́ теряем и что́ находим... и ты вот потерял, а нашел взамен потерянного...— но не объяснил, что́ тот нашел взамен потерянного, он не сумел объяснить, что мечтания иногда восполняют утрату и что без мечты не то что скрипки, но и губной гармоники не смастеришь. Авенир Сергеевич думал о своем, а руки его тем временем двигались, лобзик поскрипывал, и сыпалась мелкая, кремового цвета пыльца.

— Ты мои часы носи время от времени,— сказал он,— часто не нужно, а время от времени носи... раз подарок отца — нужно время от времени носить их, а как-нибудь разживусь, будешь носить тогда свои собственные. Отца напрокат не возьмешь, конечно, не придумали еще этого, но я для тебя не напрокат буду, а только заменяющим пока, а на мои руки можешь положиться.

Мальчик посмотрел на руки Авенира Сергеевича, на золотые его руки, о которых так было и написано в одной из газет и помещена фотография Авенира Сергеевича, склонившегося над изготовляемой им скрипкой. Он хотел было что-то сказать ему, понятное им одним, но мать позвала ужинать, и он смог сказать только: «Спасибо, Авенир Сергеевич»,— но ведь это могло означать, что он лишний раз благодарит за часы.

Он сидел за столом, ел намазанный маслом хлеб, а мать смотрела на сына, но как-то туманно, грустно и туманно.

— Надо побольше гулять, Сереженька,— сказала она.— Совсем бледный стал. Сейчас весна на дворе, скоро и вовсе потеплеет.

А потом по радио стали передавать сводку погоды, в сводке сообщалось, что на Урал надвинулся циклон с сильными ветрами и снегом, а Колыму, наверно, и совсем замело.

На ночь мать стелила ему постель на диване, на нем когда-то спал отец, и одно время она хотела продать вместе с письменным столом и диван, чтобы ничего не осталось от прошлого, а потом — словно стаял снег или смыла вода — стерлось, сгладилось, завяло и ушло навсегда это прошлое.

Мать вскинула простыню, прежде чем постелить ее, взбила подушки, а сын пошел умываться, лег вскоре, его школьная курточка висела на спинке стула, брючки были аккуратно сложены, и на них покоилась толстая книга, чтобы сохранились складки. Комната еще твердо постояла со всеми предметами в ней, тихо поплыла затем, а мать сидела в стороне, раскрытая книга лежала перед ней, но Александра Дмитриевна не читала, только смотрела куда-то поверх книги. Потом она подошла к сыну, поправила одеяло на нем, в полувыдвинутом ящике его столика лежали книга «Золото» и кусок кварца, который мальчик пожалел отдать для минералогической коллекции, и мать знала, почему он пожалел отдать кварц и что́ хотел найти для себя в книге «Золото».

Она стала готовиться ко сну, распустила волосы, принялась расчесывать их, думая о своем. На столе сына лежали его учебники и тетради, и она, расчесывая волосы, открыла одну из тетрадок с портретом Некрасова на обложке.

«Золото огнем, человек бедой познается» — аккуратным, еще полудетским почерком было выписано откуда-то на первой странице. А ниже шли, тоже выписанные откуда-то, неведомые географические названия: Буюнда, Балыгычан, Большой Анюй, Аян-Юрях, Омолон, Оротукан, Средне-Колымск... Чего он искал в этой дальней, холодной стороне, ее мальчик, какие тайные мысли были связаны у него с Колымой? Но она знала, что́ это за мысли, она научилась вникать в его, уже скрываемый, внутренний мир. Он не хотел примириться с тем, что навсегда сгинул в тундре или в Юкагирских ущельях отец; он заставлял себя верить, что отец вернется еще, скажет: «Ну, вот и снова я с вами!» — и останется с ними теперь уже навсегда.

Он хотел гордиться своим отцом, наделял его чертами мужества, рассказывал, округляя глаза, одноклассникам, сколько золота добыто под руководством отца, выписывал из энциклопедического словаря названия рек и селений и, наверно, уже все знал про Колыму, знал, и когда вскрываются весной ее реки и когда замерзают к зиме... Она была близка ему — далекая сторона Колыма, вместе с отцом намывал он золото, искал самородки, но самую золотоносную жилу им, может быть, только предстояло найти.

Александра Дмитриевна закрыла тетрадку, положила ее к учебникам и движением головы откинула назад рассыпавшиеся волосы, от которых на миг, когда они прикрыли лицо, все как бы дымно заволокло вокруг, но это уже курилась седина...

Г. Семирадский. 1843—1902. ТАНЕЦ СРЕДИ МЕЧЕЙ. 1881.

Государственная Третьяковская галерея.

Г. Семирадский. НА БЕРЕГУ МОРЯ. КУПАНИЕ РИМЛЯНКИ.

Государственная Третьяковская галерея.

Азиз НЕСИН

Все из-за дождя

Рассказ

Я открыл кран — воды нет...

— Что, вода не идет? — крикнул я жене.

— Ведь шел дождь... водопровод не работает! — прокричала она в ответ.

Да, стамбульцы знают: чуть только над городом начнет накрапывать дождь, городской водопровод на несколько часов выходит из строя — трубы, говорят, засоряются, и мы сидим без воды.

Но в то утро было солнечно.

— Когда шел дождь? — опять прокричал я.

— Не так давно слегка побрызгал.

— Да когда же?

— Никакого дождя не было,— сказал сын.

— Нет, был немножечко,— возразила дочь.

Начался спор, шел дождь или нет.

— Если бы дождя не было, из крана текла бы вода,— оборвала их мать.

Но даже этот убийственный довод не заставил их умолкнуть.

Я вышел на балкон.

— Был дождь? — спросил я у соседа напротив.

С противоположного балкона человек в пижаме прокричал:

— Я не заметил, но, вероятно, шел...

Ну и болван! И живут же такие на свете!

— Раз не заметили, почему думаете, что шел? — спросил я сердито.

— В радиоприемнике помехи, из этого я заключаю...— ответил он.— Включите приемник, сами услышите.

— Нет, дождя не было,— заявил другой сосед, он слышал нашу перекличку.

Я вернулся в комнату и включил радио. Действительно, раздался шум и треск, как всегда бывает, когда в Стамбуле идет дождь.

Сосед снизу, тот, что утверждал, будто дождя не было, крикнул:

— Шел, шел!..

— Почему вы так решили? — спросил я.

— Газа нет, понятное дело... из-за дождя,— ответил он.

Теперь уже сомневаться не приходилось, что дождь прошел, хотя никто его не успел заметить.

Мне что-то надо было взять из кладовки, окна там не было, и я зажег лампу. Она засветилась желтым светом и подслеповато замигала. Это опять из-за дождя... Как тут не выругаться!

Не успела жена сказать: «Слава аллаху, что дождик был небольшой, не то и света не было бы»,— как лампочка потухла.

Я бросился к телефону, снял трубку, набрал номер редакции и услышал хриплое утробное рычание.

— Аллооо!..

Я решил, что неправильно набрал номер, и извинился.

— Что вы, помилуйте, господин,— ответил тот же незнакомый голос в трубке,— стоит немножко побрызгать дождю, как на телефонных линиях начинаются беспорядки. Я только что целых десять минут проговорил с содержательницей публичного дома, принимая ее за свою мать. Вам еще повезло.

И он захихикал.

Еще с полчаса крутил я диск, переговорил с кучей незнакомых людей и наконец дозвонился до работы.

— Что у вас случилось? — спросил я.

— Беда! — ответил чиновник.

— Что такое?

— Нас заливает, с потолка прямо хлещет... Комната превратилась в озеро...

— Послушай, ты что говоришь! Над нашим бюро еще четыре этажа...

— В том-то и дело... с верхних этажей на нас и льет...

— У вас был такой сильный дождь?..

— Вероятно, был... Так говорят, но я лично не видел.

Я в сердцах бросил трубку.

— Газеты еще не приносили?

— Когда дождь, разносчик приходит поздно,— ответила прислуга.

— Какой дождь?..

— Если сильный, так и совсем не приходит...

Вконец расстроенный, я вышел на улицу. Ждал, ждал — автобуса нет... Люди на остановке начали ворчать:

— Когда это дождь был, что автобусы так запаздывают?

— Покапал немного... Я видел...

— Чуть-чуть побрызгал...

Мы стояли под палящими лучами солнца. Наконец показался автобус. Набилось нас в него — ух!

На двадцать минут позже расписания подошел пароход к пристани. Пассажир рядом со мной читал газету.

— Американский генерал Бердингер Уолд прибыл...— сказал он приятелю, что сидел напротив.

— Да?

— Послушай, что генерал сказал журналистам: «Турция защищена от любого атомного нападения».

Приятель, сидевший напротив, издал странный звук и засмеялся. Сосед спросил его:

— Ты что смеешься?

— Послушай, на кой черт тратить на нас атомную бомбу? Да разбрызгай над Стамбулом два стакана воды, и жизнь в городе остановится...

Я очень чувствителен в вопросах, затрагивающих честь моей родины, а потому встал, чтобы не дать пощечину этому явно безответственному типу, и вышел на палубу.

Приехал в редакцию. В тот день все перепуталось. Посыльный вместо одиннадцати часов пришел в семнадцать. Девушка-машинистка совсем не явилась. Лифт не работал. Разносчик кофе поскользнулся и упал с лестницы. А жена, дозвонившись ко мне, сказала, чтобы я пораньше возвращался домой, ибо у нас сегодня будут гости.

Но как я ни стремился уйти из редакции раньше, ничего не получилось. У меня начались такие ревматические боли, что я не мог шагу ступить. У меня всегда так бывает, едва только дождевое облачко покажется на небе.

Но вот я снова на пристани! Она вся изукрашена разноцветными флагами, большими и малыми...

Что бы означали эти флаги? Ведь сегодня не праздник, не гулянье. Любопытно... Не день освобождения Стамбула, не праздник Республики, не день открытия меджлиса, не день образования второй республики, не день победы — ничего похожего, самый обыкновенный день...

Я спросил у кассира. Он пожал плечами.

— Почему вывесили флаги, спрашиваете? Не знаю... Интересно, в самом деле, какой это праздник?

Я спросил у работника пристани, он тоже ничего не знал. И тоже удивлялся, почему флаги...

— Может, приехал какой важный иностранный гость?

— В газетах не пишут...— ответил я.

Меня такое одолело любопытство, что я никак не мог уйти, не узнав, в чем дело. И запоздал домой.

Начальник пристани тоже ничего не знал. О аллах, я с ума сойду! Я суетился, разузнавая, в чем дело. И вот ко мне подходит матрос, который принимает и бросает канат.

— Господин, что это вы всех расспрашиваете про флаги? Они не знают, я вам объясню...

— Говори быстрее!

— Никакого праздника нет, утром был дождь... По-видимому, дождь был благодатным.

— Ааа! Ну и что? — домогался я.

— Когда пошел дождь, залило склад, и флаги эти намокли, вот мы их на пристани и развесили просушить.

Вот оно что! Теперь я мог спокойно идти домой.

— Где ты пропадаешь? — набросилась на меня жена.— Гости сидели, ждали-ждали тебя и ушли.

Перевод с турецкого
Г. АЛЕКСАНДРОВА
и К. ГЛАЗУНОВОЙ.

ТЕАТР ДРУЖБЫ ПОКАЗЫВАЕТ

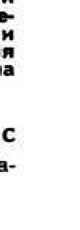
В зале напряженная тишина. А на сцене деревья, посланные злым волшебником, обступают Кота; некуда ему деваться: все теснее смыкается кольцо! Но в последнюю секунду Кот прыгает на ветку и оттуда разговаривает со своими врагами...

Лица юных зрителей просветлели: в сказках, конечно, все кончается хорошо!

Народную сказку по пьесе Гейнца Калау Берлинский театр дружбы (ГДР) показывает в Московском Центральном детском театре. Иностранная речь звучит на этой сцене впервые.

Главный режиссер театра Хейнер Мобиус оживленно рассказывает мне, что прямо-таки поражен живым откликом нашего зрителя, глубоким пониманием происходящего!..

Для поездки в Москву Театр дружбы подготовил две пьесы: «Кот в сапогах» — для самых маленьких и «Чего вы хотите, или потерпевшие крушение в Иллирии» по мотивам «Двенадцатой ночи» Шекспира. Оба спектакля очаровали зрителей, и не только маленьких.



Берлинскому театру дружбы для детей и юношества исполнилось в этом году 18 лет. Театр показывает своим зрителям Шекспира и Мольера, Светлова и Маршака... Произведения советских авторов здесь ставят, основываясь на традициях нашего советского театра.

Татьяна ЛОТИС

На снимке: сцена из спектакля «Двенадцатая ночь».

У СОВЕТСКИХ — СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ!

Первый раз пишу в «Огонек». Может, и не написал бы, да тема уж больно важная.

Проблема заграничной кинопищи гораздо важнее, чем кажется многим из нас. Не случайно за фильмы типа «Фантомас» голосует в основном молодежь; люди зрелые в большинстве своем — против! Молодые же люди часто не могут устоять перед соблазном острых ощущений. Я очень часто замечаю, как долго и горячо молодежь обсуждает остросюжетные заграничные фильмы, а потом начинает подражать выражениям и манерам «героев». По всему видно, что такие фильмы запомнятся молодым надолго, если только не станут — пусть даже в какой-то мере — «путеводителем» в жизни.

И становится до слез обидно, что о наших фильмах просто забывают! Обидно, что у нас слишком много так называемых средних, серых фильмов. На экранах не появляются больше фильмы, равные по художественной ценности, а значит, и силе воспитания таким, как «Чапаев», «Повесть о настоящем человеке», «Смелые люди»...

В чем же дело? Или время большого искусства нашего кино прошло?..

Мне кажется, что к киностудиям в наши дни нужно предъявлять вдвое, втрое более высокие требования, чем когда-либо. Надо выпускать на экран хотя бы половину из тех фильмов, что выходят ныне, но чтоб их можно было смотреть! Чтобы с них могла «делать жизнь» наша молодежь! Чтобы каждый фильм был идейно и художественно полноценным — да нет, выдающимся!.. Чтобы каждый новый фильм был праздником для аудитории! Чтобы тираж позволял смотреть хорошую новую картину каждому гражданину СССР!..

Теперь о кинопрокате.

План валового сбора по киносети составлен так, что, если не показывать «Фантомасы» и всякую другую заграничную кинопищу, то он никогда не будет выполнен. Поэтому и городская, и районная киносеть, да и сами киномеханики рвут из рук друг у друга такие фильмы, стараясь демонстрировать их как можно больше.

Я отец четырех сыновей, и меня не может не тревожить идеологический вред некоторых «боевиков». Поэтому я считаю, что нужно найти какой-то способ преградить путь на наши экраны плохой, бездарной кинопродукции. Самым лучшим способом, разумеется, будет то, что наши киностудии начнут выпускать на экраны фильмы, способные вытеснить «Фантомасов» с экрана.

Мне 30 лет, из них десять лет я работал комбайнером и трактористом, а последние четыре года заведую колхозным клубом и одновременно работаю киномехаником; так что мысли мои все, что называется, «выстраданные».

Яков РЕМПЕЛЬ

Оренбургская область, Переволоцкий район, Кичкасский сельсовет, с. Долиновка.

* * *

Я попал в плен темы «Какие мы смотрим фильмы?». Хочу выразить и свое мнение.

Кино, по-моему, только кирпичик в здании нашего воспитания. Человек воспитывается в семье, в школе, в театре, на улице, в гостях, перед экраном телевизора, на стадионе и т. д. Всего не перечтешь! Но кирпичик кино — большой и очень важный, ибо популярность его в наше время не имеет равных.

Я согласен с теми высказываниями, где говорилось о необходимости высокоидейных фильмов; не правы те, кто утверждает, что плохие фильмы хорошему человеку не принесут вреда! Во всяком случае, хороший человек после просмотра «Фантомаса» будет жалеть время, потерянное впустую. Но зрители — все без исключения — любят смелых, ловких, бесстрашных и благородных героев... Думается, их необязательно искать среди воров, убийц и грабителей! И разве не было чудесных героев, когда мы смотрели настоящие фильмы: «Чапаев», «Дети капитана Гранта», «Слепой музыкант», «Все остается людям» и многие, многие другие картины!.. А как любят школьники наших замечательных актеров: Никулина, Моргунова и Вицина! Жаль только, что фильмов с участием этой «золотой тройки» очень мало! Их хочется видеть часто: это любимцы народа!

Меня как педагога очень и очень волнует поднятая «Огоньком» тема! Ее значение трудно переоценить: она касается буквально каждого человека!

С уважением Николай ЛУД

п/о Синкевичи, Лунинецкого района, Брестской области, Белорусской ССР.

* * *

Письма, опубликованные в «Огоньке», говорят о многом! И прежде всего о том, что хотелось бы и чего не хотелось бы видеть на экранах. Мне 28 лет, но, оказывается, и в этом возрасте манит приключение! Глядя на экран, я хотел бы многое испытать, стать отважным, многое изведать... По своей работе часто разговариваю с киномеханиками. Самые пожилые из них помнят старые киноленты, и о них говорят с большим уважением, а новыми «вестернами» недовольны. Нам же выбирать не из чего! Приходится глядеть, что покажут...

Я предлагаю нашим студиям шире экранизировать классику, все те, дорогие нашей юности книги, которые мы в свое время прочли да и теперь нередко перечитываем снова.

С глубоким уважением

Дмитрий ДИЗО,
слесарь-наладчик

Токтогульская ГЭС,
поселок Кара-Куль.

* * *

Томск — город студентов, город молодежи, но я ни разу не слышала там восхищения «Фантомасом». Наоборот, все говорили, что это пустой и неумный фильм. Мне самой 19 лет; я работаю уже год и умею отличать пошлость от любви, чистоту от грязи! Приключения, детективы молодежь любит смотреть и будет всегда любить такие фильмы! Только вот что удивляет: наши детективы почему-то редко вспоминаются, навсегда исчезая из памяти.

Больше хотелось бы видеть хороших фильмов на темы советской и зарубежной фантастики. Для малышей надо ставить фильмы по произведениям Гайдара, Носова и других детских писателей. А что-то не видно и таких фильмов.

Я люблю кино; туда приходишь смотреть мир, узнавать новое, наконец, и отдохнуть тоже!.. Конечно, очень необходимы фильмы, которые заставят людей задуматься. Но пусть это будет наша жизнь! Сама жизнь, которая всегда подчинена у нас идее. Ибо без идеи она просто не может существовать!

До свидания.

Татьяна РОЖКОВА

Магнитогорск.

* * *

Я больше всего люблю фильмы лирического и романтического жанра и многое примеряю для себя. Как вы думаете, с кого я буду брать пример в жизни?!. Конечно, с того человека, кого люди любят и уважают, чья мать никогда не плачет и не жалуется, а, наоборот, говорит: у меня хороший и скромный сын!

Так и в кино. Если нам показывают плохие фильмы,— что же делать! Все равно я знаю: кому подражать, а кому нет, на кого надо быть похожим и на кого — нет... Я помню, когда я посмотрел фильмы «Идиот», «Гранатовый браслет», то у меня просто не было подходящих слов, чтобы благодарить постановщиков. И я точно знаю, что у многих парней после этих картин появилось совсем другое — чистое отношение к любви, к дружбе мальчика и девочки.

Надо много делать таких фильмов! Слава богу, у нас есть для них сюжеты: Пушкин, Чехов, Гоголь, Достоевский; мы богатые!.. Молодежь устала смотреть «дикую любовь», любовь Запада. Устала от криков и выстрелов «отважных» ковбоев, от злых лиц гангстеров. После этих картин в воображении и мыслях ничего не остается: душа и сердце не обогащаются чувствами.

Покажите другое, покажите нам духовно богатые фильмы! Мы же умели раньше их делать!.. Извините, что волнуюсь. Хотелось высказаться о том, что волновало, еще до письма тов. Строганова.

С уважением

сержант М. БАБАДЖАНЯН,
секретарь первичной
комсомольской организации

Армения.

* * *

Вы спрашиваете: какие фильмы мы смотрим? Плохие! Смотрим, а хорошего не видим. Запомнились «Никто не хотел умирать», «Отец солдата» да еще несколько фильмов, посвященных коллективизации и Великой Отечественной войне. Но у нас почти нет таких современных картин! Что-то посмотришь о нынешней жизни, посмеешься, а потом думаешь: «Что за ерунда?!»

Надо больше выпускать фильмов, которые были бы острыми, заставляли бы нас думать о своей ответственности за будущее, а не только развлекаться.

Николай ВЕРИНСКИЙ,
ученик 10-го класса

БССР. Могилевская область, Бобруйский район, п/о Гороховка, д. Каменка.

* * *

Гениальный Маяковский, умнейший и преданнейший делу революции человек, говорил: «Я в восторге от Нью-Йорка города. Но кепчонку не сдерну с виска. У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока».

Почему же мы перестали смотреть — пусть не свысока , а просто с достоинством — на «буржуев»?.. Мы ведь можем не брать то, что нам они предлагают, а строго отбирать в зарубежной кинематографии то, что нам нужно.

Хороших зарубежных фильмов много. И среди американских есть хорошие, например, «Скованные одной цепью», «Раз картошка, два картошка» и другие. Беда в том, что за последнее время наши собственные фильмы о современниках становятся все хуже! Какую картину о современниках можно поставить рядом с «Чапаевым», «Трилогией о Максиме», «Депутатом Балтики»?.. Не знаю! Очень хороши, разумеется, «Война и мир», «Анна Каренина», но ведь тут не видишь современников.

В чем же дело?.. А собственные промахи наши объясняют и силу влияния буржуазных фильмов.

В. РУДНЕВА

Ставрополь.

* * *

Дорогая редакция, обязательно напечатайте мое письмо!.. Родителей я не помню, воспитывался в детдоме в Армавире. Нас с 7 лет каждое воскресенье водили в кино. Нет ни одного фильма, которого бы я не видел!.. Особенно нам нравились фильмы о героях гражданской войны. В «Чапаева» мы играли все — и девочки и мальчики... Девочки играли потому, что в фильме была Анка-пулеметчица. Вот это был настоящий фильм, с большой буквы! А почему бы сейчас не поставить наперекор «Фантомасу» картину «Василий Теркин»?.. Я думаю, все наши дети стали бы играть в настоящего героя!..

Павел ДОНСКОЙ

Грузия, Зестафони.

* * *

У нас принято шельмовать поборников скромности, именовать «ханжами»! Попробуй осудить раскрашенные лица, волосы, вольное поведение — «Ханжа!..». В постели сцены доходят почти до... всего! А ведь в кино ходят и бабушки, и тети, и дети. Попробуй девушка после этакой «науки» соблюдать честь и гордость! Попробуй парень уважать женщину, девушку... По-моему, уж лучше «Фантомас», чем эротика!..

Разумеется, хороши героические фильмы, но почему все наши герои в них непременно гибнут? Разве это правильно? Разве такое кино воодушевляет? Я перенесла все ужасы войны, все видела. И больше не хочу! Пусть герои остаются в фильмах живыми, пусть побеждают и учат побеждать! Преобладающее большинство зрителей так же скажет! Надо, чтобы наша молодежь стремилась к героическому!

На днях я смотрела «Три дня Виктора Чернышева». Этот фильм нуждается в обязательном проведении широкой дискуссии в аудитории — и сразу же после просмотра! Иначе и ставить незачем такие картины. В каждом многонаселенном доме мы можем встретить Виктора Чернышева, но если просто его показывать — вот, мол, какие у нас есть,— то это ничего не даст!

ФЕДОРОВА

Карачев, Брянской обл.

* * *

Кино — это жизнь. А наше кино, наверное, самый яркий учебник жизни!.. Но где же в нем страничка для молодежи? Страничка для подростков 13—15 лет?.. Увы, есть только маленький абзац: это первая серия «Неуловимых мстителей». Ну, а потом будет вторая серия. И больше ведь нет ничего! Вот вам и объяснение, почему ребята увлеклись «Фантомасом».

Взяли бы да устроили дискуссию на эту тему, тогда узнали бы настроение молодежи!.. Ради бога, извините меня за резкость: я понимаю, что у взрослых нет времени выслушивать мнения своих детей о кинофильмах. Я понимаю: у всех работа, дела; всем некогда заниматься разной «чепухой». Но ведь многим некогда заниматься этой «чепухой» еще и потому, что их ждут... бесконечные партии домино, карточные игры во дворе, поджаренные семечки под окном, рыбалка, охота и журналы мод...

Кстати, о моде: наша молодежь носит то, что ей советуют журналы, то, что она видит в кино. Но ведь не мы это выбираем: нам это показывают и рекомендуют взрослые!

Прошу извинить меня за такой тон, а Вас, уважаемая редакция, за то, что отняла у Вас много времени.

С большим уважением

Ирина ЮРИНА

Владимир.

* * *

Дела кинотеатров не «поправятся» от таких кинофильмов, как «Тридцать три», «Нет и да» и других таких же: их никто не хочет смотреть, даже старухи и влюбленные, которым некуда себя девать!.. Я думаю, что дети играют в «Фантомаса», а не в Чапая потому, что каждый малец думает сегодня о технике на грани фантастики,— так разве же у нас нет ее — своей?..

Я советую не дискутировать дальше на тему: показывать «Фантомаса» или нет. Лучше устроили бы такую дискуссию, которая могла бы подсказать кинематографистам, как сделать, чтобы наши фильмы людям было интересно смотреть!..

Юрий РОДИМЦЕВ, механик

Чимкент.

* * *

Хочется коротко спросить: почему рабочий человек правильно понимает советскую эстетику и, наоборот, почему в ней так плохо разбираются те, кому это по долгу службы положено?!.

Вот мы смотрим сейчас еще один «шедевр»: «Мастер-палач». А где сегодняшние советские картины? Куда делись и почему ушли от нас наши «Путевки в жизнь», «Чапаевы», «Депутаты Балтики»?

Еще раз скажем: очень грустно, что нам, рядовым людям, приходится напоминать работникам кино, представителям искусства и культуры о существовании идеологической диверсии со стороны наших политических антиподов.

Работники Днепропетровской биофабрики:
А. ЕРШОВ, Л. АНДРЕЕВА и другие

Днепропетровск.

* * *

Не согласна я с теми, кто пишет, что от зарубежных фильмов всегда портится настроение! Нельзя охаивать все, что сделано не у нас! Такие великолепные картины, как «Мост Ватерлоо», «Путь в высшее общество», очень запоминаются! И они очень ясно показывают всю грязь буржуазной морали,— в этом именно их главная ценность.

И среди новых зарубежных картин есть сильные, нужные фильмы. Но, конечно, прежде всего надо снова начать хорошо делать свои фильмы! Сколько у нас было чудесных картин — не перечтешь! И сколько бездари появляется сейчас!..

Наконец, еще об одном. О рекламе советских фильмов.

Перед картиной «Верная рука — друг индейцев» демонстрировались отрывки из фильмов «Тихая Одесса» и «Когда ветер и дождь стучат в окно». Почему-то в этих отрывках тоже были показаны кадры с убийствами и дракой. Да и с плаката на нас смотрят озверелые люди с револьверами. Зачем же и фильмы и рекламу делать по образцу и подобию заграничных реклам? Всюду, всюду — подражание!..

Н. БАЗАНОВА

Симферополь.

* * *

Уважаемая редакция! На днях в журнале я натолкнулся на письма про ядовитую кинопищу и перечитал их с большим интересом. С 1966 по 1967 год я был в Советском Союзе в качестве стажера на курсах преподавателей русского языка.

Имеют ли право иностранцы писать такие письма? Я этого не знаю. Я видел две серии «Фантомаса», когда был еще в Москве, и был поражен. Ведь у вас страна социалистическая,— как же допускается такая кинопища?!. Всем известно, что в буржуазном обществе бизнесмены в своих личных интересах делают такие неморальные фильмы, а правительство равнодушно допускает их. Но зачем же вы допускаете такие фильмы? Это уж непонятно!

Теперь: по-моему, большинство из тех, кто стоит за такие фильмы,— молодые. Разве это не имеет никакого значения?

Я хочу сказать, что дурные фильмы могут повлиять даже на человека честного, неиспорченного. Потому что в буржуазном обществе есть такие художники, которые умеют шулера, грабителя, любого дурного человека нарисовать так, что он станет «героем». Зрители будут ахать и восхищаться их ловкостью. Но неужели и вам нужно такое «одобрение» грязной жизни?

Да, искусство сильнее всего! Оно может сделать много хорошего и много плохого.

Но разве нельзя запрещать показ плохих фильмов, если они повлияют хоть на одного человека из тысяч?..

Арун СОМ

Индия, Калькутта.

А. РОМАНОВ,
председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР

„КАКИЕ ФИЛЬМЫ МЫ СМОТРИМ?"

Комитет по кинематографии при Совете Министров СССР считает, что статьей Б. Строганова «Ядовитая кинопища» в журнале «Огонек» начат большой и важный разговор о репертуаре советских кинотеатров, об идейных и художественных достоинствах советских и зарубежных фильмов, идущих на наших экранах.

Опубликованные в №№ 27, 29, 32 и 33 «Огонька» отклики на эту статью содержат суждения зрителей главным образом о зарубежных фильмах, включая и некоторые художественные киноленты, приобретенные в социалистических странах. Мнения при этом высказываются разные. Одни относят к разряду «вредных», «грязных», «пошлых» чуть ли не все картины, созданные в зарубежных странах, даже произведения известных прогрессивных кинохудожников западных стран, разрабатывающих острые социальные темы; другие считают, что не только серьезные, социально значимые кинопроизведения, но и лучшие приключенческие и иные развлекательные ленты имеют право быть показанными советским зрителям, поскольку вкусы наших людей выросли и они давно уже научились отличать плохое от хорошего.

По мнению Комитета, все выступления, продиктованные стремлением оградить наш экран от тлетворного влияния буржуазной кинопродукции, заслуживают самого серьезного внимания. Недостатки, еще имеющие место в работе по покупке и в прокате зарубежных фильмов, действительно иной раз приводят к тому, что на советский экран проникают и такие произведения, которые, возможно, и не следовало бы демонстрировать в нашей стране. Вполне понятно желание советских людей видеть наш экран свободным от буржуазного влияния, чистым и целенаправленным, несущим в массы нашу, коммунистическую идеологию. Именно поэтому Комитет считает закономерной и ту тревогу, которая прозвучала в ряде писем кинозрителей в связи с тем, что на экран просачиваются у нас порой и низкопробные зарубежные фильмы.

Однако в связи с тем, что в выступлениях читателей «Огонька» содержались и такие утверждения, касающиеся кинорепертуара, которые не отражают фактического состояния закупки и проката зарубежных фильмов, Комитет считает необходимым осветить этот вопрос более подробно.

В одном из писем, опубликованном в «Огоньке», утверждалось, например, что количество зарубежных картин на наших экранах, «к сожалению, не убывает, скорее наоборот». Такое утверждение по меньшей мере неточно. Вот данные за последние годы.

В 1965 году всего в прокат было выпущено 229 новых фильмов, из них: советских — 115, из других социалистических стран — 60 и из капиталистических стран — 54 (23,5%). В 1966

году из 237 новых картин было соответственно — 125, 71 и 41 (17,2%). 1967 год дал дальнейшее увеличение доли советских фильмов и фильмов социалистических стран в текущем кинорепертуаре и уменьшение количества картин, приобретенных в капиталистических странах до 30 (13,6%).

В первом полугодии текущего года среди 126 вышедших на экраны страны новых картин было 74 советских, 35 из социалистических стран и 17 из капиталистических стран (13%).

Средние тиражи фильмов капиталистических стран из года в год снижаются, и в настоящее время они почти в три раза ниже тиражей отечественных фильмов.

Уменьшается и число зрителей, просмотревших фильмы капиталистических стран. Так, если в 1965 году оно составляло 25,2% общего числа кинозрителей, то в 1967 году — лишь 15,7%, в то время как на долю советских картин приходится 62,9% всех зрителей (в 1965 году — 54,9%). Таким образом, на вопрос: «Какие фильмы мы смотрим?» — может быть только один ответ: преимущественно **советские** фильмы и лучшие фильмы **социалистических** стран.

Несостоятельными являются также утверждения, будто на показе картин капиталистических стран наши киноорганизации зарабатывают «огромные деньги». Исчерпывающий ответ на это утверждение дают данные о валовом сборе средств от кино: в 1965 году доля фильмов капиталистических стран в общей сумме валового сбора составляла 25,8%; в 1966 году она уменьшилась до 19,8%, а в 1967 году составила только 15,7%, тогда как удельный вес доходов от советских картин повысился до 62,9% и социалистических стран — до 21,4%.

Таковы факты.

Видимо, незаслуженный интерес некоторых зрителей к детективным фильмам вроде «Фантомаса» создает впечатление, будто картины капиталистических стран пользуются у нас особым вниманием органов кинопроката и составляют чуть ли не основу выполнения ими финансового плана.

Комитет по кинематографии исходит из того, что основу текущего репертуара кинотеатров должны составлять **лучшие фильмы советского производства, а также лучшие фильмы социалистических стран.** К сожалению, органы кинофикации и кинопроката на местах и некоторые кинотеатры допускают порой нарушения проводимой Комитетом репертуарной политики, что выражается в предоставлении зарубежным фильмам большего экранного времени, чем они того заслуживают, и в чрезмерном рекламировании таких фильмов.

Комитет по кинематографии, осуществляя постоянный контроль за работой местных органов кинофикации и кинопроката, уделяет особое внимание вопросам кинорепертуара в республиках, краях, областях, городах и в сельской местности, решительно исправляя имеющие место недостатки и ошибки в его формировании. В 1967—1968 годах Комитет изучал кинорепертуар и рассматривал на своих заседаниях отчеты о прокате фильмов в Грузии, Узбекистане, Белоруссии, Туркмении. В первом квартале текущего года был издан специальный приказ о серьезных недостатках в репертуарном плане кинотеатров Москвы.

Одновременно Комитет по кинематографии принимает меры к улучшению существующей практики закупки фильмов в зарубежных странах.

Проблема эта сложная, в особенности если учесть кризисное состояние современного кинематографа во многих западных странах. Торговля фильмами осуществляется, как известно, на паритетных началах. Советская кинематография заинтересована в продвижении лучших своих произведений на мировой экран, но она не всегда может получить от западных кинофирм кинопроизведения прогрессивного направления. Надо иметь в виду при этом то обстоятельство, что изредка появляющиеся на Западе кинопроизведения, разоблачающие или критически отображающие те или иные стороны буржуазного образа жизни, соответствующие фирмы весьма часто отказываются поставлять Советскому Союзу. Каждое предложение зарубежных фирм предварительно рассматривается и обсуждается в комиссии, в которую входят видные деятели советской культуры (писатели Л. Леонов, В. Кожевников, Ю. Жуков, кинорежиссеры С. Герасимов, С. Юткевич, Ю. Егоров, кинокритики А. Караганов, Е. Сурков и др.). За 1966—1967 годы и первую половину 1968 года комиссией было просмотрено 397 фильмов, поступивших из капиталистических и развивающихся стран, при этом свыше 300 было отклонено из-за их невысоких художественных достоинств и сомнительного содержания.

Комитет, который принимает по рекомендации комиссии решения о покупке того или иного фильма, обычно внимательно рассматривает не только эти рекомендации, но и последующие суждения и мнения зрителей. Так, приобретенный в 1960 году и выпущенный на экраны небольшим тиражом (229 экз.) фильм «Великолепная семерка» был в феврале 1967 года снят с экрана и исключен из действующего фильмофонда. Тогда же, до истечения срока лицензии, была прекращена демонстрация фильмов «Семь невест для семи братьев», «Бабетта идет на войну» и «Рокко и его братья». В марте 1967 года была прекращена демонстрация фильмов «Особняк на Зеленой» и «Шайка бритоголовых». Фильмы «Вчера, сегодня, завтра» (выпущенный ограниченным тиражом), а также «Ключ» и «Ограбление по-итальянски» в связи с резкой их критикой со стороны общественности были сняты с экрана также до истечения срока лицензии.

Подобной практики Комитет будет придерживаться и в дальнейшем. В ее проведении мы рассчитываем на помощь общественности и печати. И если в печати будут время от времени появляться статьи, посвященные не со-

---

ОТ РЕДАКЦИИ

С ЧУВСТВОМ ОЗАБОЧЕННОСТИ...

С тех пор, как «Огонек» в № 21 опубликовал не статью, нет, всего лишь скромное, хоть и весьма тревожное письмо рабочего из Калининграда товарища Строганова о состоянии кинорепертуара, количество откликов на тему «Какие мы смотрим фильмы», ежедневно поступающих в редакцию, не уменьшается, а, наоборот, продолжает возрастать.

В общей сложности на 1 октября 1968 года пришло более тысячи писем читателей. Глубина содержания этой интереснейшей почты «Огонька», к сожалению, и в малой доле не исчерпывается читательскими откликами, какие мы имели возможность печатать на страницах нашего журнала.

Примечательно, что даже те письма, авторы которых спорят с тов. Строгановым, отстаивая право «Фантомасов» появляться на советском экране, все равно позволяют видеть неравнодушное, заинтересованное отношение к кино со стороны людей всех возрастов. Говорят о такой живой, деятельной любви к кино, которая уже сама по себе заслуживает, на наш взгляд, внимания работников кинематографии, формирующих репертуар для киноэкранов страны.

Как же формируется этот репертуар? Каковы «нормы» соотношения зарубежных и советских фильмов, появляющихся на экранах?

На эти вопросы мы находим ответ в выступлении тов. А. В. Романова, председателя Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР, которое мы сегодня печатаем.

Правда, редакция согласна далеко не со всеми положениями, высказанными в письме А. В. Романова. И в первую очередь с теми цифрами, какие должны доказать, что в прокате фильмов существует количественное преимущество советских картин над зарубежными... К сожалению, дело обстоит совсем не так!

Неблагополучие с кинопрокатом происходит на местах, об этом пишет и сам А. В. Романов. Оно-то и приводит к серьезнейшему нарушению репертуарной политики. А об этом как раз и сообщают наши читатели.

И нам представляется, что к письмам читателей следует прислушаться особенно внимательно.

Так называемое «равновесие» кинопроката — зыбкое, кажущееся равновесие. Цифры не раскрывают истинного положения вещей. В самом деле, если какой-то кинотеатр получает для проката две картины — советскую и зарубежную,— то в погоне за «кассой» советскому фильму часто дают всего один сеанс, тогда как на всех остальных «крутят» нечто прибыльное, «ходкое», вроде «Фантомаса»...

О том, как случается это на практике, весьма убедительно рассказывает в нашей нынешней подборке писем тов. Ремпель из села Долиновка.

Поэтому цифры эти никак не могут нас успокоить.

Допустим, далее, что комиссия по закупке зарубежных картин вдруг случайно пропустит на экран всего лишь один-единственный недоброкачественный фильм. Не окажется ли он той самой ложкой дегтя, которая, как известно, портит всю бочку меда?! Речь же идет не об одном и даже не о десятке таких зарубежных картин, против которых справедливо, со всей решительностью возражают зрители!

Вместе с тем авторы писем серьезно обеспокоены **и состоянием советской кинематографии.** Они хотят видеть больше наших, советских, хороших картин. И — задумаемся — не мало ли перечисляет тов. А. В. Романов действительно интересных новых фильмов?

Попробуем сами подсчитать эти картины. Произвести такой подсчет, к сожалению, совсем нетрудно. Язык же цифр в данном случае становится беспощадным. Ибо речь идет о **нашем оружии в идеологической борьбе** —

мнительным «шедеврам» буржуазного кинематографа, не фильмам, показанным однажды на информационных просмотрах в Доме кино, но таким кинопроизведениям, которые вышли на массовый экран и которые надо правильно оценить и разъяснить их содержание,— то это принесет большую пользу.

Следует заметить в связи с этим, что упоминающиеся в критическом плане в материалах «Огонька» фильмы «Лола», «Анжелика — маркиза ангелов», «Война окончена», «Сладкая жизнь» и другие для проката в СССР никогда не приобретались. Комитет также не разделяет положительной оценки некоторых произведений современного буржуазного кинодекаданса и отрицательно относится к предложениям о приобретении такого рода фильмов.

Недавно Комитет по кинематографии всесторонне рассмотрел на своем заседании вопрос об улучшении дела закупки и проката зарубежных фильмов и принял постановление, в котором учтены и многие замечания читателей «Огонька».

Что же касается высказанных в «Огоньке» упреков в адрес советской кинематографии, в частности суждений о том, что наши киностудии все еще поставляют на массовый экран и неудачные, малозначительные и неинтересные произведения, то советские кинематографисты не могут не прислушаться к такого рода критике и не признать, что в общем она справедлива. При этом, однако, не следует сбрасывать со счета, что за последние годы советской кинематографией создано немало значительных произведений киноискусства, к числу которых наши взыскательные зрители относят киноэпопею «Война и мир», новые историко-революционные фильмы «Шестое июля», «Софья Перовская», «Первый курьер», «Николай Бауман», «Железный поток», «Сергей Лазо», «Гроза над Белой» и вышедшие ранее «Ленин в Польше», «Сердце матери», «Верность матери». С интересом были приняты также и такие разнообразные по темам и жанрам фильмы, как «Твой современник», «Весна на Одере», «Сильные духом», «Бабье царство», «Анна Каренина», «Три тополя на Плющихе», «Начальник Чукотки», «Путь в «Сатурн» и «Конец «Сатурна», «Исход», «Еще раз про любовь» и другие. К юбилею комсомола вышли и выходят новые картины на молодежные темы: «Неуловимые мстители» (награжденный в 1967 году призом ЦК ВЛКСМ «Алая гвоздика»); «Три дня Виктора Чернышева» (получивший в 1968 году на III Всесоюзном кинофестивале в Ленинграде приз ЦК ВЛКСМ «За лучший фильм, посвященный молодежи»); «Республика Шкид», «Доживем до понедельника», «Служили два товарища», «Иван Макарович», «От снега до снега», «Удар! Еще удар!», «Годен к нестроевой», «Армия Трясогузки снова в бою».

Наконец, нельзя умолчать и о том, что за последний год в особенности советская кинематография создала ряд интересных полнометражных документальных и научно-популярных картин: «Страна моя», «Служу Советскому Союзу», «Народа верные сыны», «Великая Отечественная», «Если дорог тебе твой дом», «10 лет космической эры», «Обыкновенный фашизм», «Гренада, Гренада, Гренада моя», «Человек и хлеб», «Лицом к лицу с расизмом», «Язык животных».

В настоящее время киностудии страны работают над новыми, большими произведениями, посвященными славной дате — 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Комитет надеется, что при создании этих картин советским кинохудожникам будут сопутствовать творческие удачи, что недостатки, которых немало еще в работе Комитета и студий, будут преодолены и что советское киноискусство и дальше будет достойно служить делу коммунистического воспитания трудящихся, к чему направлены все усилия советских кинематографистов.

26 августа 1968 г.

«ОН БЫЛ ИМЕННО ТАКИМ!»

Не одному поколению советских людей Чапаев представляется таким, каким воплотил его в фильме Бабочкин. Казалось бы, ни убавить, ни прибавить ничего нельзя: образ стал легендой. И вдруг новый Чапаев — совершенно достоверный, осязаемый, живой.

В него поверили задолго до премьеры.

— Василий Иванович! Как вы думаете? Василий Иванович, а как ваше мнение?

Сначала говорили в шутку, со смешинкой, а потом все серьезнее.

Словом, хотя не было еще ни грима, ни декораций, ни костюма, настоящий Чапаев на сцене ЦТСА уже был, и играл его Лев Шабарин. А после премьеры пьесы И. Шведовой и А. Шайкевича «Засада» (режиссер С. Вальков), когда за кулисами еще не утихло радостное возбуждение от успеха, большого, настоящего, Шабарина разыскала Клавдия Васильевна Чапаева, дочь легендарного героя. По лицу ее катились слезы, обнимая артиста, она приговаривала: «Он был такой, точно такой, даже овал лица такой же!»

На снимке: Клавдия Васильевна Чапаева и актер Центрального театра Советской Армии Лев Шабарин в роли Чапаева.

Г. Сметанина

Фото А. Гладштейна.

это ясно подавляющему большинству наших корреспондентов...

Говоря о достижениях советского киноискусства за последнее время, тов. А. В. Романов справедливо начинает перечень удач с фильма «Война и мир» С. Бондарчука — действительно создания эпохального!.. Нам представляется, однако, что далеко не все фильмы из тех, что указаны в письме товарища Романова, заслуживают зачисления в ряд крупнейших творческих побед нашего кино.

Вместе с тем стоит напомнить отличные картины, вовсе не названные в письме: «Незабываемое» Юлии Солнцевой, «Никто не хотел умирать» Жалакявичюса, «Земля отцов» Шакена Айманова, «Жаворонки прилетают первыми» (Латвия), «Горькие зерна» (Молдавия), «Отец солдата» (Грузия), «Цыган» (студия имени Довженко)...

Это фильмы глубокой мысли и высокого обобщения, проникнутые чувством любви к родине и народу. К сожалению, таких фильмов не очень-то много... Студии страны, которым государство предоставило поистине огромные творческие возможности, видимо, не всегда еще умеют эти возможности по-настоящему использовать.

Подобный вывод прямо опирается на недавнее решение Бюро Московского городского комитета партии, подвергшего суровой критике работу партийной организации киностудии «Мосфильм» — самой крупной студии страны.

Решение Бюро МГК КПСС отметило, что в плане работы «Мосфильма» на 1968 год **нет значительных картин, посвященных нашей современности.** Работа над кинофильмами, посвященными столетию со дня рождения В. И. Ленина, ведется неудовлетворительно. Киностудия выпускает немало слабых в идейно-художественном отношении фильмов, нечетких по своим мировоззренческим позициям, поверхностно, а порой и искаженно отражающих жизнь советского народа, историческое прошлое нашей страны.

В решении горкома партии подчеркивается, что студия «Мосфильм» мало внимания уделяет созданию таких картин, где разоблачался бы буржуазный образ жизни; таких картин, которые помогали бы зрителям вырабатывать верный классовый подход к событиям современности.

Надо ли говорить, что отсутствие именно таких советских фильмов еще больше усугубляет силу вредного влияния некоторых картин, закупленных в капиталистических странах для показа советским зрителям...

В сегодняшней подборке писем мы печатаем отклик нашего читателя Аруна Сома из Калькутты (Индия). Удивительный и трогательный человеческий документ этот тоже на свой лад свидетельствует, причем на редкость отчетливо, что нельзя так просто отмахнуться от чувства большой зрительской озабоченности, от чувства большой заинтересованности, а порой и тревоги о кино, о фильмах, выходящих сегодня на экраны нашей страны.

Наш кинематограф, все его творческие работники находятся под постоянным и неослабным народным контролем. И тут ничего не поделаешь: такова уж их работа. В этом ее трудность, в этом же и ее радость!

Редакция «Огонька» сердечно благодарит всех своих читателей, откликнувшихся на письмо тов. Строганова. Благодарит за активное, творческое, подлинно хозяйское отношение к кино — большому и важному делу духовной жизни всего советского общества.

Мы уверены, что письма читателей, опубликованные в журнале «Огонек», как бы они порой ни были резки, помогут советским кинематографистам в создании высокоидейных художественных фильмов, отражающих действительную жизнь советских людей — героическую историю нашей страны.

Кино — самое массовое из искусств. Об этом говорил Владимир Ильич Ленин. Поэтому и предъявляют к кинематографу наши зрители такие высокие требования.

Мы полностью разделяем их точку зрения.

ИСПАНСКИЕ ПЕСНИ МИЧЕЛА

Не будет никаким преувеличением отнести испанского певца Мичела к эстрадным звездам первой величины.

Концерты Мичела проходят в нашей стране празднично: зрители сразу же оценили исполнительское искусство замечательного вокалиста, его сильный, выразительный голос и своеобразную манеру пения, позволяющие нам почувствовать в песнях горячую душу народа.

Мичел до 17 лет работал в мастерской отца-скульптора, но страсть к пению, проявившаяся уже в детстве, оказалась сильнее. Известность, увеличивающаяся год от года, быстро пришла к Мичелу: он становится победителем на многих фестивалях в Испании. А несколько лет назад начались поездки певца по странам Европы и Африки... Он гастролировал с неизменным успехом.

Испанские песни Мичела!.. Кто их слышал, тот о них уже не забудет.

В нашей стране Мичел впервые. Однако, дав здесь уже более двадцати концертов, певец может о многом рассказать.

— Больше всего мне нравится Москва! — говорит Мичел.— Я рад, что людям приносят радость мои песни. Перед приездом я очень волновался, но теперь все позади: возник дружеский контакт со зрителями.

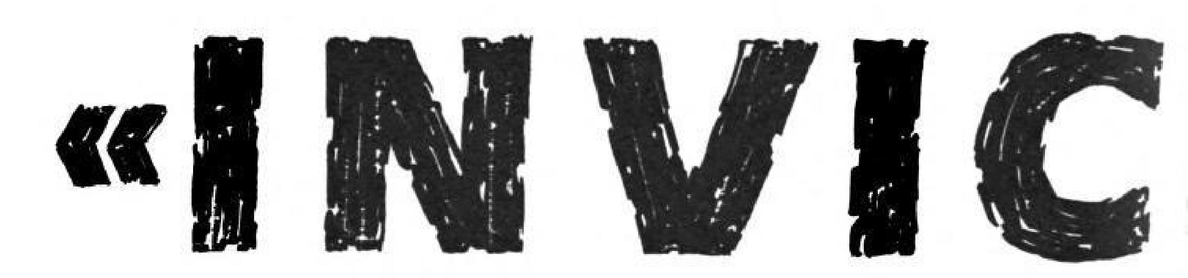
Мичел рассказывает, что собирался только месяц пробыть в Советском Союзе, но этот срок прошел, и певец опять будет выступать в Москве, Таллине, Баку, Тбилиси...

Л. Второва

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.



Итак, закончено расследование еще одного уголовного дела. Я подписал обвинительное заключение и закрыл синюю папку. Одну из многих, последнюю в многотомном деле. Все это пойдет сначала в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения, а затем будет передано в Военный трибунал. Шайка... А впрочем, мои эмоции здесь ни при чем. Группа врагов нашей Родины, группа агентов иностранной разведки, действия которой направлялись из-за океана, вскоре предстанет перед судом.

За окном застыли опушенные инеем голые тополя. Еще холодное, но уже яркое февральское солнце позолотило их одежду. К полудню солнце ударит в окна, и все мрачное, что скрывается в этих синих папках, отойдет в прошлое. Но еще долго будут приходить мне на память события, будут слышаться голоса людей, с которыми мне пришлось встречаться по этому делу, и не только встречаться, но и бороться с ними, распутывая порой незамысловатые хитрости, а порой задумываясь над мастерскими ходами опытного и искушенного врага.

КАЮЩИЙСЯ ВЗЯТОЧНИК

Ничего нам не было известно наперед. Все началось как будто бы со случайности.

Я все же не думаю, что гражданин Сальников пришел в Комитет государственной безопасности случайно. Он пришел к нам в минуту растерянности и полной душевной опустошенности, в тот час, когда больше не мог молчать. Он даже не сумел как следует объяснить, почему пришел именно к нам.

Сальников Георгий Иванович. Двадцатого года рождения. Невысокого роста, горбится, во время разговора прячет глаза. Некрасив.

До того, как пригласить его в кабинет, я уже знал, что он был некрасив и душой.

Одна из допрошенных свидетельниц еще до встречи с Сальниковым сказала мне, что она никогда бы не назначала таких некрасивых людей на должности ответственные. На вопрос «почему?» пояснила, что имеет в виду не вообще ответственные должности, а должности, от которых зависит распределение каких-либо житейских благ и успеха. «Они, некрасивые люди, часто бывают завистливы...»

Объяснение этой свидетельницы претендует на обобщение. Обобщения из этого объяснения не получится, но относительно Сальникова она была права. Он был завистливым и алчным человеком.

Я знал, что он брал взятки, небольшие, по мелочи... В ином случае это даже и нельзя было бы счесть взятками. Подарки. Но подарки, которые развращают, нарушают грань между подарком и взяткой. Артисты эстрады, Госконцерта, артисты ансамблей, приезжая из-за границы, привозили ему подарки. Каждый по своим средствам. Кто привезет изящный карманный фонарик, кто газовую зажигалку, а кто и портативный магнитофон. Его двухкомнатная квартира напоминала комиссионный магазин, где продаются заграничные вещи.

В приемную Комитета государственной безопасности он пришел растерянный, бледный, с синевой под глазами. Чувствовалось, что провел тяжелую ночь.

— Так жить я больше не могу! — сказал он срывающимся голосом.— Я ничего не боюсь, я боюсь только неизвестности... Я попал в руки крупного авантюриста и мошенника.

Нужно отдать должное Сальникову. Он не стал утаивать все то темное, что было в его жизни. Говорил как на исповеди.

Одет он был во все заграничное, и дом его, как уже говорилось, был полной чашей. Не было у Сальникова только заграничной автомашины — «иномарки», как ее принято именовать среди автолюбителей. Заграничный автомобиль! Это была его неисполненная мечта.

И вот надо же! Сальникова свели с обладателем сравнительно новенького автомобиля фирмы «Оппель-капитан».

Хозяином машины оказался некто Значковский, музыкант и претендент на гастрольную поездку за границу.

Сальников попросил Значковского продать ему «оппель». Значковский довольно откровенно объявил, что продаст машину, если попадет в группу музыкантов, отправляющихся на зарубежные гастроли. От Сальникова отчасти зависело формирование концертных групп. Итак, одному — машина, другому — зарубежные гастроли.

Сальников пояснил:

— Желание Значковского выехать за границу не вызвало у меня удивления. Попасть в группу музыкантов, выезжающих за рубеж, представлять советское искусство само по себе почетно. Успех на гастролях, несомненно, обратил бы внимание на музыканта, который не успел еще завоевать достаточно известного имени. Должен признать, что без моего содействия Значковский на этот раз не попал бы в группу — у него не было рекомендаций Госконцерта. Включая его в группу, я особых угрызений совести не испытывал. У него были все же отличные характеристики. Однако если бы он не обещал мне машины, я не включил бы его в группу. Мне пришлось взять эту акцию полностью под свою ответственность. Больше никто за него голоса не подал. Я же был уверен, что он не провалится, успех мог быть и не быть. Когда я показал Значковскому список группы, в котором стояло и его имя, он тут же вручил мне доверенность на управление своей машиной, документы, технический паспорт, техталон и ключи. Доверенность была дана сроком на три года. Я предложил ему деньги за машину, он не взял и сказал при этом, что мы когда-нибудь сочтемся по возвращении.

— Итак, вы получили взятку от Значковского? — спросил я.

— Да!

Короткий и ясный ответ.

Значковский уехал на гастроли. Сальников отвел свою «Волгу» в комиссионный магазин и через несколько дней подъехал к министерству на голубом «оппеле». Пижон с седыми висками. Как он мог не ответить на вопрос, его ли машина, сакраментальным словом «моя»? Он даже похвалился перед сослуживцами, что купил ее за шесть тысяч. В комиссионном. Он устроил и автомобильную прогулку, «пикник» для нужных ему людей из министерства. Теперь Сальников счастлив. Все у него стало «заграничным»...

Беспокоило, конечно, возвращение Значковского. А вдруг, вернувшись, передумает? Доверенность не такой уж надежный документ. Вернулся. Пришел в министерство. Поездка удалась. Значковский, по сведениям, которые

получил Сальников, имел большой успех... Он выступал с сольными концертами. А после одного из концертов в большом рабочем профсоюзном клубе ему сделали подарок. Подарили автомашину. Он привез ее и, конечно, похвастался Сальникову. «Умопомрачительная» машина. Так охарактеризовал ее Сальников.

Он утверждал, что еще раз предложил Значковскому получить деньги. Тот и на этот раз отказался, бросив на ходу: «Катайтесь в свое удовольствие».

Но... Однажды Сальников, выйдя к подъезду министерства после работы, не нашел на стоянке «своей» машины. Значковский забрал ее.

Сальников испугался. Он не знал, как объясниться со своими сослуживцами.

Сравнительно недавно купил «Волгу» и тут же ее продал. Хвастался «оппелем», не мог на него наглядеться, нарадоваться и опять же продал. Спекуляция? А если не спекуляция? Взятка? Не составляло труда общественным организациям установить, что Значковский поехал за границу после того, как у Сальникова в руках оказалась его машина.

— И я сорвался! — признался на допросе Сальников.— Сорвался и заметался...

Сальников пошел в милицию и заявил, что у него угнали машину, что он стал жертвой мошенника, который продал ему машину с рук на руки, а потом ее отнял. Да, да, он виноват, но и он все же пострадавшая сторона. Значковский, дескать, взял с него четыре тысячи. Сальников убеждал меня, что деньги ему были не нужны, ему нужно было уйти от обвинения во взяточничестве. Мог ли он ожидать, что Значковский выложит ему деньги? Конечно, на это он не рассчитывал. Ему нужно было отвести обвинение во взяточничестве.

Дело расследовалось в отделении милиции, в котором был прописан Значковский.

В милиции Значковский неожиданно вручил Сальникову пачку денег — четыре тысячи. Работнику милиции он пояснил, что он хотел отдать деньги именно в милиции. Но тут же он потребовал, чтобы Сальников пересчитал деньги. Сальников начал считать, но не выдержал психологической пытки, бросил деньги и пришел к нам...

Во всей этой истории обращало на себя внимание одно обстоятельство. Очень уж откровенно Значковский рвался за границу. Да, да, все как будто объяснимо. Гастроли... Зарубежная слава... Не знаю, как насчет славы, но нам стало известно, что он привез из-за границы роскошную новую машину. Купить он ее не мог: у него не было и не могло быть в таком количестве валюты. Подарок? Мы имели информацию, что это подарок от благодарных слушателей после одного из его концертов в Нью-Йорке. Подарок! Меня стали одолевать сомнения. Подарок ли? Темное все же это дело с Сальниковым, темное и грязное.

Справку мне о Значковском дали довольно подробную, однако ясности в решение задачи она не вносила.

Вот она, формальная биография этого человека. Биография... Собственно говоря, и не было

у этого человека никакой биографии. Родился Значковский в тридцать третьем году. Молодой человек. Вся жизнь у него впереди, впереди и радости, и горести, и неугасшие надежды. Гобсек сказал бы, однако, что это уже опасный возраст. Он считал, что до тридцати лет честность и дарование могут быть гарантами порядочности, после тридцати он никому не верил. В одном был прав папаша Гобсек, ростовщик и психолог: к тридцати годам характер у человека складывается окончательно.

Итак, наш герой родился в тридцать третьем году. Меня прежде всего интересовало, кто были его родители, что они за люди. Отец. Он умер в канун войны, когда мальчику было восемь лет. Он был отличным музыкантом. Начал свою артистическую карьеру где-то в первые годы после революции. Играл в оркестре Большого театра на скрипке, а потом стал известен как композитор. Он писал песни. Некоторые из них живут до сих пор.

Мать... Ей, наверное, трудно досталось его воспитание. До смерти мужа она не работала. Работать поступила в первые дни, как началась война. Два года работала аппаратчицей на химическом заводе. Жили они где-то в районе поселка Сокол, а ездила она на работу за Крестьянскую заставу. На работу надо было ездить через весь город. Долгий и дальний путь на городском транспорте в военное время. Трамвай... И на заводе тогда работали не по восемь часов.

В сорок третьем году она вдруг бросила работу. В заводском архиве было найдено заявление Значковской об уходе. Она мотивировала свою просьбу об увольнении тем, что ей далеко ездить на работу, что подрос сын и требует особого материнского надзора. Сыну тогда исполнилось десять лет. Действительно, опасный возраст, если выпустить мальчишку из-под наблюдения. Больше она на работу не устраивалась, возраст ей права на пенсию не давал. Спрашивается: на что она жила с сыном? Оставалось предположить, что муж оставил ей какие-то средства. Он зарабатывал, надо полагать, немало... Но достаточно ли, чтобы его жена могла не работать? Как они жили? Она получала иждивенческую карточку, триста граммов хлеба. Он ученик. Мальчишка...

Однако именно к его биографии это прямого отношения не имело. Он учился в обычной средней школе и ходил в музыкальную школу. Потом начал брать частные уроки, дополнительно к занятиям в музыкальной школе. Тоже детали! Кто платил за уроки? А может быть, ему давали уроки бесплатно? Одаренный мальчик...

Ну, а дальше все значительно проще. Он поступил в консерваторию. В автобиографии своей записал: «Поступил в консерваторию. Моей стипендии мне и матери не хватало, я давал частные уроки музыки».

Концерты, участие в конкурсах, гастроли...

Чем могла бы не понравиться такая трудовая биография? И вот это странное и темное дело с машиной!

Наши товарищи пригляделись и к его «автомобильной» биографии. Опять же некоторая странность. Начал он с «Победы». Поездил на ней год. Продал. В то время комиссионных магазинов по продаже автомобилей не было. Продал и купил тут же «Волгу», а потом продал и ее и с рук купил «оппель», за несколько дней до открытия комиссионных магазинов и запрещения продавать машины, минуя комиссионный магазин. Что же в этой купле и продаже можно было бы усмотреть криминального? Ровным счетом ничего — Значковский любит новые машины и не желает ездить на старых.

Не забыли поинтересоваться наши товарищи и подарком, который получил Значковский во время своего концертного турне по Соединенным Штатам. Лежала в деле одна из популярных заокеанских газет. В пространной статье музыкального критика разбиралась игра Значковского. Статья была полна восторгов. Значковскому в этой статье как бы выдавался паспорт на маститость и бессмертие. В этом же номере помещался и репортерский отчет о концерте, об успехе советского музыканта и рассказывалось о том, как ему растроганные слушатели бесплатного концерта преподнесли подарок: автомобиль... Не обошлось и без рекламы. Могло даже возникнуть подозрение, что весь подарок затеян фирмой ради рекламы...

Значковского пришлось пригласить на допрос.

Я не дожидался той минуты, когда он войдет ко мне в кабинет. Хотелось увидеть его минутой раньше. Я подошел к окну, из которого был виден подъезд, где должна была остановиться машина Значковского.

Действительно красавица! Не зря старался репортер, описывая ее внешние достоинства. Не машина, а произведение искусства. «Инвикта»!

Артист был на высоте. Без тени какой-либо гордости за машину, без тени пижонства он вышел, захлопнул дверцу и торопливым, деловым шагом прошел в подъезд. Он был и одет, как положено одеваться знающему себе цену артисту,— все новенькое, сверкающее.

На дворе май месяц. Тепло, даже жарко. На нем был модный по тому времени плащ. Он выделял черный вечерний костюм. Артист пришел с официальным визитом.

Он вошел в кабинет. Высокий лоб, открытый взгляд и тонкие губы. Серые, холодные, умные глаза. Надо было как-то растопить его холодок, ослабить чем-то настороженность и собранность.

— Я видел в окно, как вы подъехали. Отличную вам подарили машину. «Invicta»... Что означает это слово? У меня нет под рукой словаря.

— В переводе с латинского: непобедимая.

— Ну, и как она ходит?

— Что об этом говорить? Мотор за триста сил. Хорошо ходит.

— Ну, а если что с запчастями?

— Об этом меня все шоферы спрашивают... Этой машины мне хватит на несколько лет без запчастей...

Нет, он положительно не хотел развивать тему разговора. Вопрос — ответ.

— Что у вас получилось с Сальниковым?

— Житейская история...

— Я не сказал бы, что уж совсем-то житейская.

— Именно житейская. Раньше, когда не было комиссионных магазинов, шла спекуляция машинами, теперь, когда, помимо комиссионных, нет возможности приобрести машину, некоторые идут на жульничество и преступление. Документы подделывают, продают машину, а выдают на ее пользование доверенность. Идут в ход всякие фальшивые справки. Взял меня Сальников за горло, куда мне было деваться. А от него, товарищ следователь, прямо зависело — пошлют меня на гастроли или не пошлют!

— Ну, это понятно,— поспешил я уйти от подробностей.— Скажите, Значковский, почему вы сразу не отдали деньги Сальникову? У себя на квартире?

Значковский удивленно поглядел на меня.

— Вот этого вопроса я не ожидал от вас! Как я ему мог отдать деньги, если я у него их не брал?

Признаюсь, ответ для меня был неожиданным. И вроде никакой игры, никакого подыгрыша. Я даже по инерции задал лишний вопрос, наивный и растерянный вопрос:

— Вы у него не брали денег?

— Не брал...

— Значит, вы не получали денег от Сальникова за свою машину?

— Не получал!

— Почему же вы в милиции вручили ему четыре тысячи?

— Я все-таки надеялся, что у него проснется совесть!

— Ах, вон оно что! Поэтому вы заставили его считать деньги?

— Именно поэтому!

— Денег у Сальникова не брали, а машину отдали. Что это означает?

— Как отдал — так и взял.

Значковский мрачно усмехнулся:

— Он же взяточник. Пришлось обмануть взяточника. Он полагал, что я ему даю взятку.

— Дал — взял. Видимо, не так-то все просто...

Значковский молчал.

— Сальников утверждает, что он просил вас продать ему машину.

— Просил продать... И я продал бы. Не жалко машины. А как это сделать? Он предложил продать ее по доверенности. Может быть, я так и сделал бы, вернувшись из-за границы. Но я же не знал, что мне там сделают такой подарок. Две машины я не могу держать на своем имени. Мне надо продать «оппель». Продать его можно только через комиссионный. Так что если уж рассуждать строго, то взятки никакой я не давал, но взятку у меня брали.

— Странное рассуждение! Сальников взял машину, считая, что вы ему ее отдаете как взятку. А вы что считали?

— Я считал, что, не отдав машины, я не уеду в турне...

— Это же взятка!

— С волками жить — по-волчьи выть... Не я ставил на это место взяточника и прохиндея.

— О нем разговор особый. Учтите, Значковский, что и дача взятки так же карается по закону, как и вымогательство взятки.

— Судить меня неразумно, товарищ следователь! Никакой суд не отнимет у меня ни моего музыкального таланта, ни моей профессии. Да, я хотел выехать за границу, очень хотел... как музыкант-профессионал. Хотел успеха, славы, как всякий артист.

На этом и конец, на этом и поставить бы точку. Аргументы его были убедительны, и его откровенное признание располагало к нему. Однако не надо ему было перенгрывать, пережимать, тащить лишнюю карту из колоды: перебор.

— Вы посудите сами, товарищ следователь... Если бы я уж так жаждал выехать за границу, можно было купить туристическую путевку. Мне для моего искусства нужны были гастроли за границей, оценка моих усилий музыкантами Запада...

«Зачем же ты мне все это объясняешь?» — задал я тут же себе вопрос.— И без этого объяснения все ясно, все на месте, а тебе мало, ты хочешь утвердить меня в том, в чем утвердить не представило бы труда. Значит, нет у тебя уверенности, что мы поверили твоим объяснениям?»

Я подписал пропуск и проводил Значковского до двери. Вернулся к себе в кабинет и еще и еще раз обдумывал в тишине каждый его жест, каждое его слово. До какого-то момента все объяснимо и все понятно. Действительно, какому артисту не лестны гастроли за рубежом, выход на международную сцену, мировая слава! Но Сальников послал бы его в турне и при меньших издержках. Он действительно купил бы у него машину, отдал бы немалые деньги. Не так-то просто, отдав машину, приобрести новую? На что же он мог рассчитывать?

На подарок? Разве можно на это рассчитывать? Это же случай... А случай ли?

Я позвонил своему помощнику Снеткову и попросил его установить, записан ли Значковский в очередь на приобретение «Волги»?

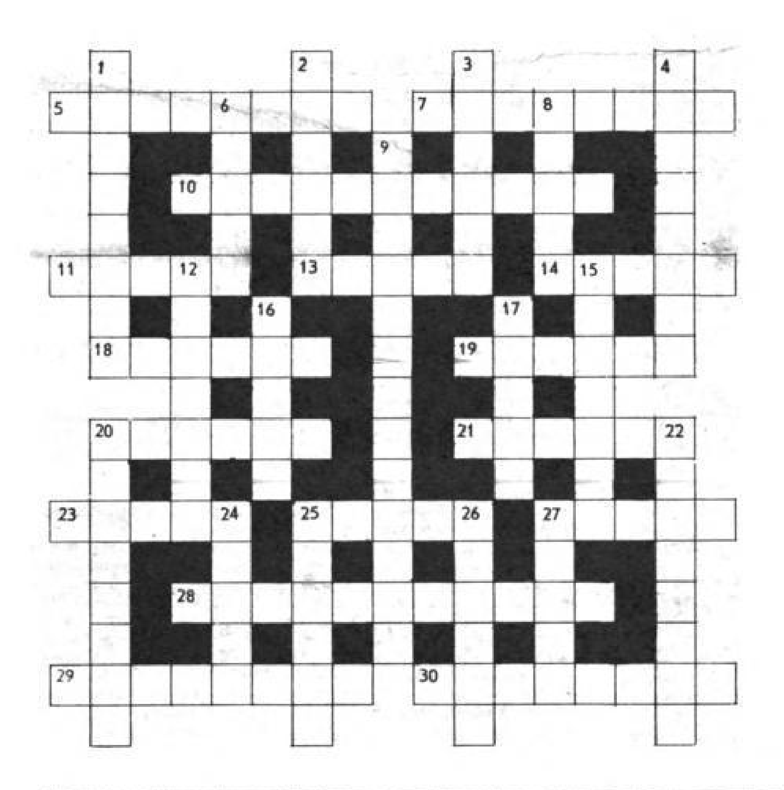
Пришло сообщение, что в списке очередников Значковский не значится.

Подарок! Не шел у меня из головы этот подарок. Действительно ли Значковский такого класса музыкант, что растроганные слушатели отметили встречу с ним дорогим подарком? Однако подарок! И особенное подчеркивание Значковским в объяснении, что он и без гастролей мог бы попасть за границу. Но ведь без гастролей, с туристической путевкой в руках он никак не смог бы приобрести машину. Здесь иное дело. Он мог бы купить эту машину, с кем-то условиться, что он платит за нее деньги, а ему передают как подарок. Могло быть так? Возможный вариант. Тогда он должен был бы иметь валюту. И немалую к тому же сумму.

Я попросил Снеткова выяснить: не пытался ли заниматься Значковский валютными сделками, не имел ли на этой почве встреч с иностранцами? С иностранцами он встречался часто. Но эти встречи обусловлены профессией. Снетков через несколько дней доложил, что данными о том, чтобы Значковский занимался валютными сделками, органы Госбезопасности не располагали. Я даже порадовался. Мои подозрения все рассеялись. Острый, колючий человек. Знает себе цену и умеет держаться с достоинством. Дело действительно утрачивало для органов Государственной безопасности всякий интерес, и мы решили его передать в прокуратуру.

И передали бы! Меня отвлекло срочное дело. Пришлось выехать в командировку.

Продолжение следует.



КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский живописец-пейзажист. 7. Ювелирное изделие. 10. Переложение музыкального произведения. 11. Басня И. А. Крылова. 13. Марка советского автомобиля. 14. Литовская поэтесса. 18. Заплечный вещевой мешок. 19. Порт в Красноярском крае. 20. Птица семейства вороновых. 21. Насыщенный углеводород, топливо. 23. Сторона здания. 25. Роман Т. Драйзера. 27. Опера А. Н. Серова. 28. Устройство для смягчения ударов в машинах и сооружениях. 29. Приток Иртыша. 30. Французский писатель.

По вертикали:

1. Прибор для измерения числа оборотов в минуту. 2. Русский мореход. 3. Река в РСФСР. 4. Вечнозеленый кустарник с ягодами. 6. Пестрая нерпа. 8. Гуцульский танец. 9. Отдел языкознания. 12. Значок на форменном головном уборе. 15. Древнегреческий драматург. 16. Резьбовая деталь. 17. Рыба со змеевидным телом. 20. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 22. Курорт в Азербайджанской ССР. 24. Щипковый инструмент. 25. Остров в Балтийском море. 26. Город в Польше. 27. Малая планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

7. Контрабас. 8. Детонатор. 9. Потье. 10. Салат. 11. Железноводск. 12. Бомбардировщик. 16. Баталов. 18. Клуб. 20. Грабарь. 21. Брандспойт. 22. Кордильеры. 23. Полубак. 24. Тоскана. 25. Мартос. 27. Чернышевский. 28. Болгария.

По вертикали:

1. Пунктир. 2. Кортеж. 3. Оранжевая. 4. Змееголов. 5. Мениск. 6. Катализ. 12. Бранденбург. 13. Кабалевский. 14. Карабанов. 15. Архентино. 17. Вторник. 18. «Катерина». 19. Боккаччо. 20. Горнист. 25. «Миньон». 26. Сессия.

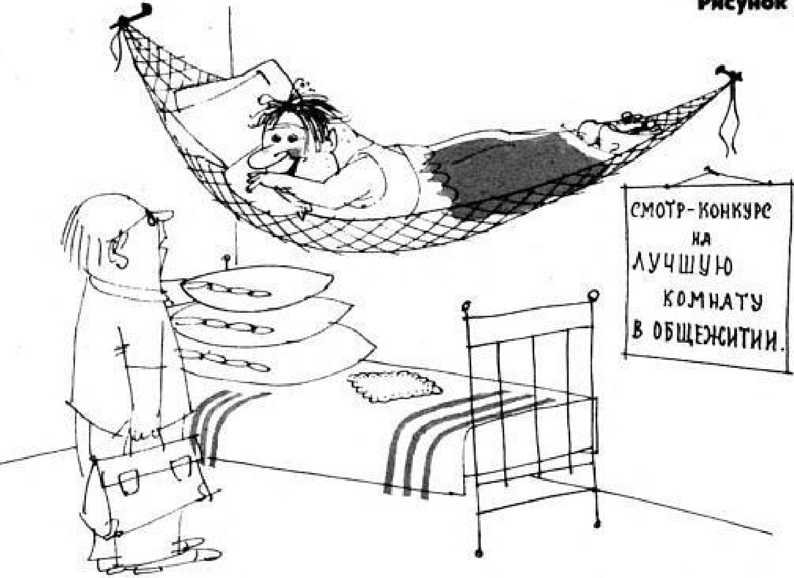
— А теперь ты будешь есть кашу?

Рисунок А. Грунина.

ОСЕНЬ... Фотоэтюд В. Филатова.

— Сейчас папа разберется в знаках, и поедем дальше.

Рисунок В. Воеводина.



— Я так удачно заправил кровать, что жаль ее разбирать до просмотра.

Рисунок В. Воеводина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

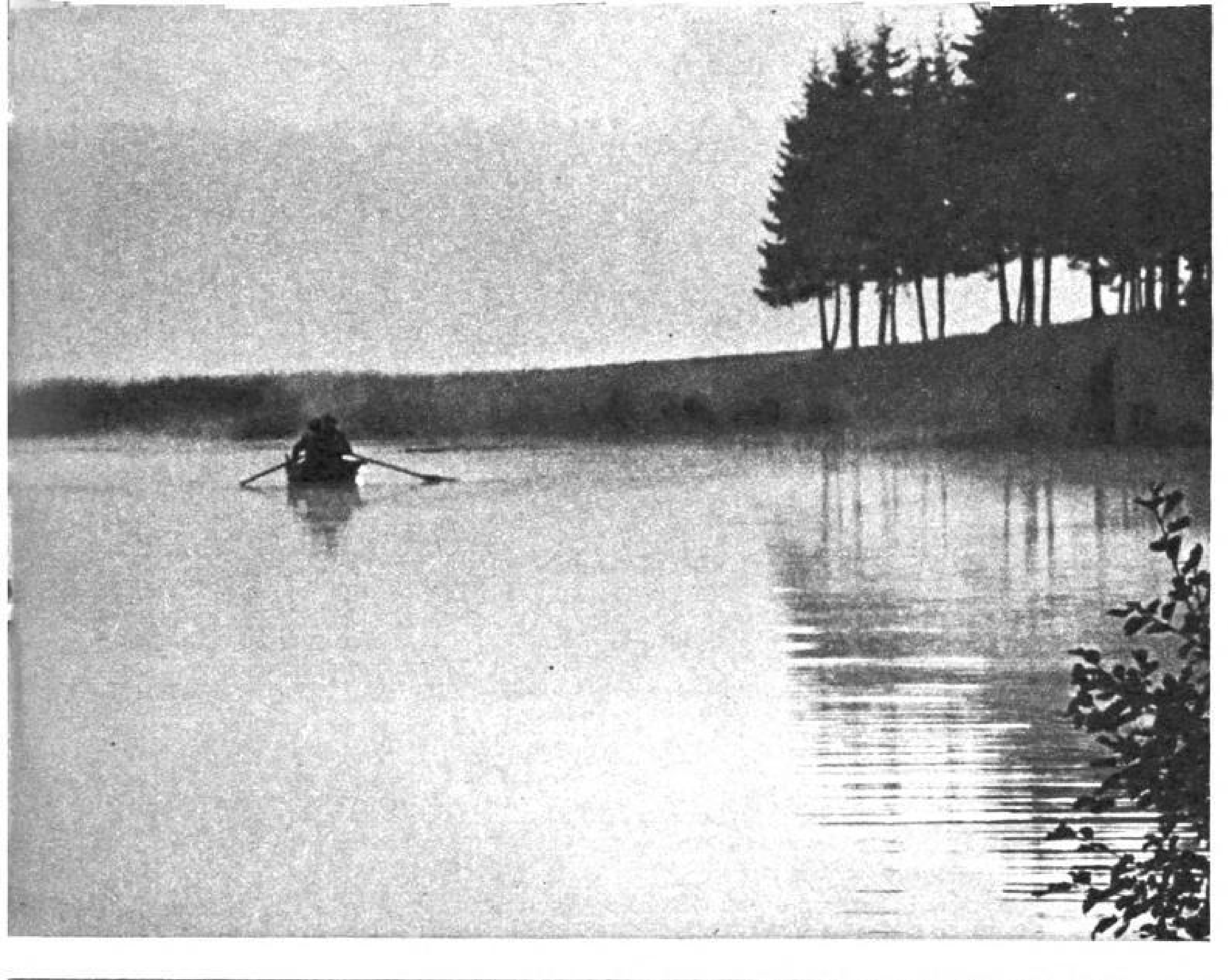
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

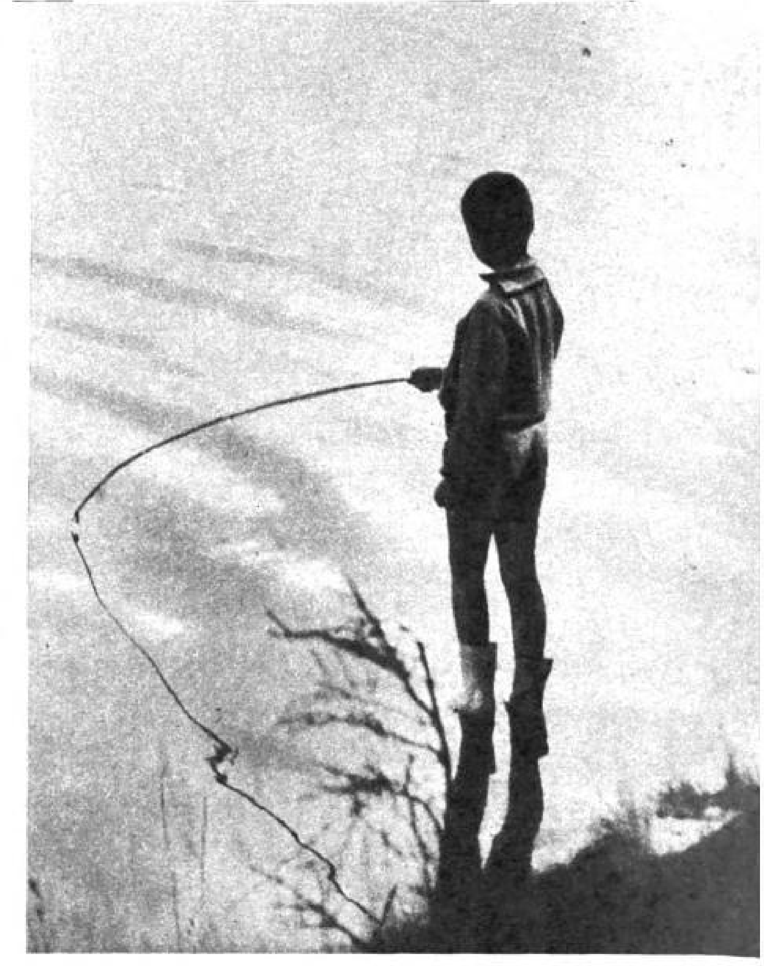
А 00183. Сдано в набор 24/IX-68 г. Подписано к печ. 8/X-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 010 000 экз. Изд. № 1808. Заказ № 2713.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки: Площадь Ленина — сердце нового Еревана. Каменная метрика, клинопись, удостоверяет, что городу исполнилось 2 750 лет. В память об этом событии изготовлена специальная медаль.

Фото И. Тункеля.



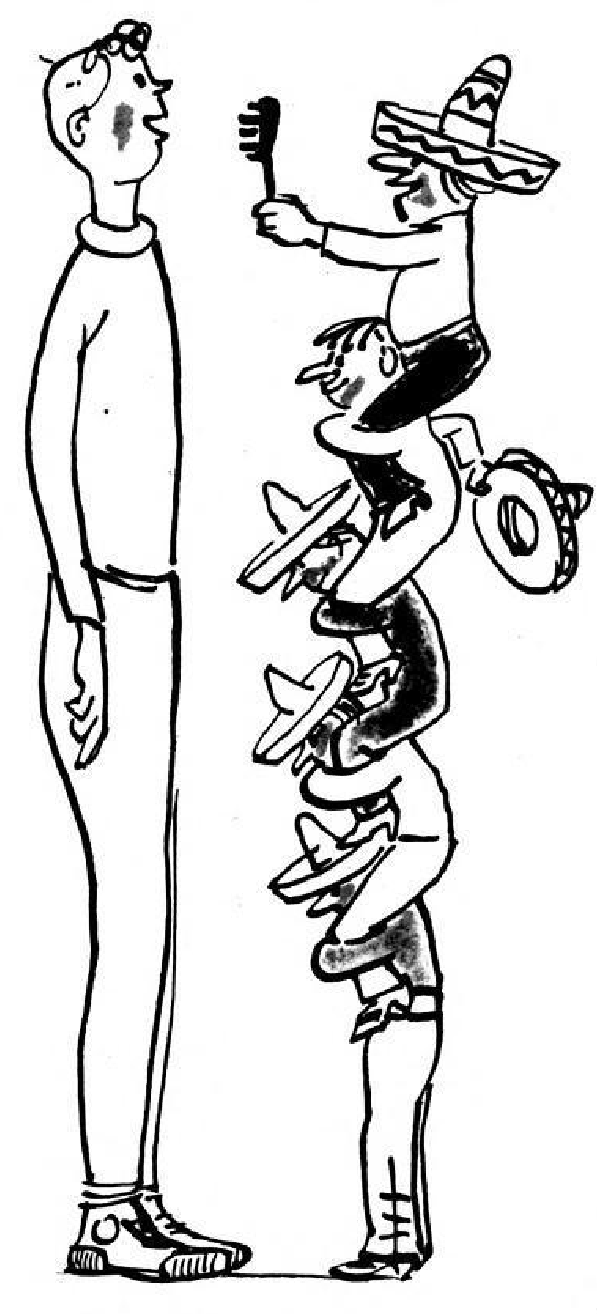


Без слов.

Рисунок А. Грунина.

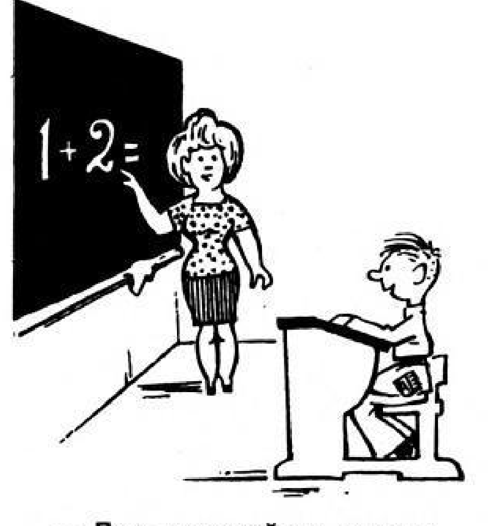
— Папа запрашивает, когда в наш микрорайон проведут телефон.

Рисунок В. Воеводина.



Интервью с баскетболистом.

Рисунок А. Грунина.



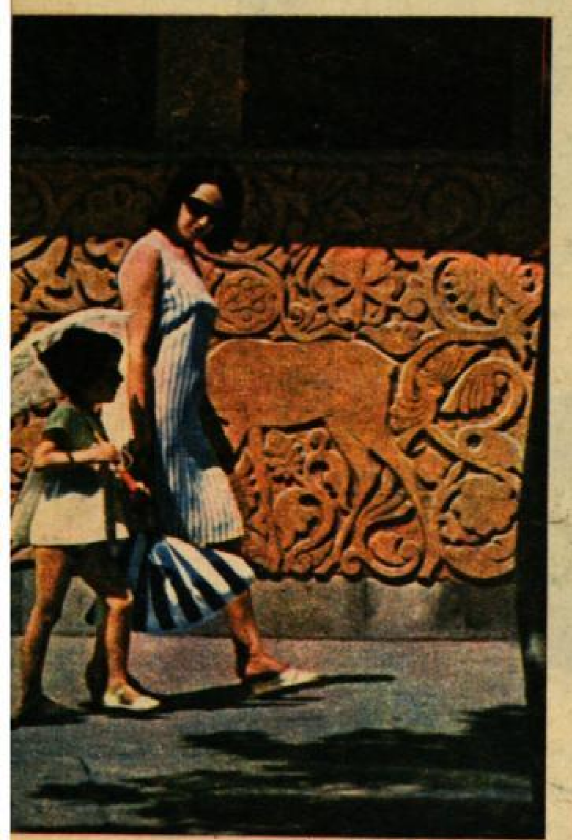
— Петя, подсчитай это на спичках...

— А у меня, Зоя Петровна, зажигалка.

Рисунок В. Тамаева.

— Говорила, не пей: уже не помнишь, что у нашей машины мотор сзади...

Рисунок В. Тамаева.



Так выглядит столица Советской Армении в год своего 2750-летия. Современность архитектурного стиля сочетается с традициями народного зодчества.

Новый летний кинотеатр «Москва».

Горельеф из туфа напоминает украшения древних книг.

Причудливой формы озера смягчают и увлажняют сухой летний воздух.

Памятная стела у дома, где жил композитор А. А. Спендиаров.

От площади Ленина начинается бульвар — сплошная лента — 2 750 фонтанов. Автор проекта — Л. Садоян.

Искусство выходит на улицы. Медная чеканка «Зангезурская девушка».

Вверху — юная гражданка Еревана. Пройдут годы, и, может быть, она будет праздновать 2800-летие своего родного города!

Фото И. Тункеля.